

январь 2010

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Путешествие по Уралу. Серебряное кольцо

А. СЛЕПУХИН Народ, живший когда-то в горах Урала .. 2 пол. обл.

Версия

Ю. ДОНСКОЙ Игра в куклы.....7

Путешествие по Уралу. Южный Урал

Т. НЕМШАНОВА Древний человек в Широком долу..... 1 9

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Повод для улыбки

В. БЫКОВСКИЙ Спасители23

Повод для улыбки

А. ВЛАСЕНКО Книжка на ночь.....30

Сумма технологий

Д. ШОРИН Фэнтези как субъективный род литературы32

Координаты чудес

Е. БАЛОВА, Е. МИХАЙЛОВА Последнее искушение.....36

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России (продолжение)..... 31

Маршруты «Уральского следопыта»

О. МОРОЗОВ, Е. ДОЛЖЕНКО Прикоснуться к святыням..... 42

Легенды и были

В. ИЩЕНКО По золотым следам чуди..... 45

Литературное краеведение

А. КОНДОР Сокровище Тамурии (продолжение)..... 48

Замечательны тем, что жили

Н. МЕДВЕДЕВА Халтурины из Режа 60

Далекое—близкое

В. МОИСЕЕВ Обломки самовластия и свободы..... 64

Версия

З. МУРЗИНА Сок ягод цвета крови70

Юбилей

И. ГРИГОРЬЕВ Москва. Большая Дмитровка, 4/2..... 75

Человек и природа

М. ФОНОВ, В. САДЫРИН Лиловая щедрость опушек 3 пол. обл.

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Ответственный секретарь —

Е. Пахомова, info@uralstalker.com

Худ. редактор, верстка — М. Ю. Шафикова

Набор — В.М. Кадочникова.

Корректор — Т. В. Сергеева.

Рекламная служба —

С. Шафиков, com@uralstalker.com

Интернет — Е. Марков

Фото 1 полосы обложки — Ю.И. Шафиков

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель — ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редационный совет —

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,

Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,

Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,

Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,

• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников

России,

• Семен Спектор, заслуженный врач России,

• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

• Виктор Байдуков

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати и массовым

коммуникациям

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору

в сфере связи, информационных технологий и массовых

коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, вы-

дано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом

на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются от-

печатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30

строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть

подписана автором. Обязательно прилагать информацию об

авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте

журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую

очередь рассматриваются рукописи, дополненные электрон-

ной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за

предоставление материалов и иллюстраций, обремененных

правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отпра-

влении электронных сообщений обязательно заполнять поле

ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается

только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского

следопыта» и отмеченные знаком публикуются на

правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,

подписной индекс 31646

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-

чать», индекс 73413

- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА»

в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Розничная продажа:

- в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

- в магазине «100 000 книг»

- в Почтовых отделениях Свердловской области

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

Часть I

Взгляд в прошлое: погружение в мансийский этнос

Манси, а давнее название лесного народа вогулы, входят вместе с ханты в состав обских угров – самую восточную ветку финно-угорской группы. Раньше весь народ разделяли на четыре подгруппы: западные и восточные, северные и южные манси. Общая численность в начале XXI века чуть более 6,5 тысячи человек. У нас в Свердловской области их осталось менее 180 человек. Из-за малочисленности субэтнические группы ныне не выделяются, т.к. остатки некогда большого народа перемешались. Западные и южные ветви мансийцев стали исчезать ещё в семнадцатом веке под давлением конквисты со стороны Московии и под настойчивыми волнами тюркских народов. Оба процесса были настолько сильны, что вогулы довольно быстро обрусели и переняли черты доминирующих народов. Пермских манси осталось совсем немного: все они работники Вишерского заповедника. Пример: семья Алексея Бахтиярова долгое время проживающая на кордоне «Мойва», где глава семьи числится егерем.

Одна из версий гласит, что слово «манси» можно перевести как «маленький народ», т.к. «мань» – маленький, а «си» – народ. Манси и в правду коренастый, невысокий, «крепко сбитый», бывалый народ.

Анна Кирилловна

Тот, кто ни разу манси не видел, представляет себя этакое восточное лицо с узкими глазками, – стереотипное наше представление обо всех сибирских народах.

Однако я смело могу сказать, что манси красивый народ. Женщины, как правило, имеют правильные и красивые черты лица, хотя, безусловно, с восточным оттенком. Я знаком с несколькими ныне живущими женщинами – манси и скажу, что они довольно привлекательны, даже в пожилом возрасте. С большей частью мансийского населения в Свердловской области мы познакомились за шесть лет исследования народа и его истории.

Мансийцы до сих пор свободно говорят на своём языке, при этом легко выражают свои мысли и по-русски, даже употребляя вездесущий современный «городской» сленг. Это неизменное влияние цивилизации.

Саша Курикова

Семья Анямовых
(фото экспедиции Матвеева А.К. УрГУ)

Язык их относится к обско-угорской подгруппе угорской группы финно-угорской языковой семьи. Официально в нём до сих пор выделяют четыре наречия, или диалектные группы. Во многих учебных заведениях Югры сейчас преподают мансийский язык. В ХМАО существует национальная программа (в т.ч. и туристическая национальная программа), в отличие от нашей области.

Ныне написано и издано уже несколько учебников для школьников и студентов вузов по изучению мансийского языка. Многие свободно читают книги по-мансийски, есть газета «Луима Сэрипос».

В Свердловской области язык манси не преподают. Нет специалиста, нет программы, нет условий – в общем, нет желания. В единственной сохранившейся в школе – интернате для манси в поселке Полуночном, что расположен в 18 километрах от Ивделя, ребятишкам преподают, естественно, русский язык и.... немецкий. Понятно, что это программа для всех учащихся, но манси-то лучше знать свой язык.

Мансийская ребятня сама внимательно изучает свой язык по книжкам из Югры. Пример тому мои наблюдения за Мишей Пакиным, проживающим в Пома-пауле на излучине одноимённой реки. Тогда, в июле 2005 года, он с гордостью и удовольствием показывал мне книгу мансийских загадок и пословиц. Позже я застал его сидящим на берегу речки и шепчущим чудные слова. С радостью задал мне пару загадок, а когда я не отгадал одну,

то нравоучительно поведал отгадку. Мол, это и так очевидно, а ты...

Поскольку народ интенсивно исчезает (мне не хотелось бы употреблять суровое слово «вымирает»), стираются границы диалектов – язык становится одним, общим для всех, кто смог выжить. Я уже писал о последнем носителе пельымского диалекта Денисе Мульмине (см. статью «Лица исчезающего лесного народа»), поскольку судьба меня столкнула с его сыном, дедом Димой. Вот так на этом примере незаметно исчезают особенности языка, говор и в конечном итоге сам язык.

Большое значение язык манси играет и в понимании природных объектов – топонимии. Без него нам сложно расшифровать некоторые географические названия, чудом сохранившиеся и просочившиеся в современные карты. А ведь у манси каждая гора, бор, речка, протока, ручей, холм имели под собой «практическую» основу. Например, Вап-сос – «зять-ручей». Объясняется просто и легко – возле этого ручья проживала семья дочери с мужем, приходившегося зятем хозяину всего урочища, куда и входил данный ручей. Давно нет ни хозяина урочища, ни его дочери, ни упомянутого зятя, а название сохранилось для нас.

Время бежит быстро, уходят старики, говорившие на настоящих наречиях, не употреблявшие «городского» сленга.

Надо отметить, что мансийский народ уникален ещё и тем, что в своей истории, традициях, обычаях

Сушёное мясо по-мансийски

и в повседневной жизни, а возможно, и в крови сохранил черты тех народов, истоки которых и лежали со времён формирования мансийского этноса.

Когда-то очень давно племена кочевников, мигрировавших на север, т.е. на Урал, столкнулись на современном Южном Урале с племенами уральской культуры. Причём эти «волны» проходили в течение длительного времени, позволяя обеим сторонам ассимилироваться, вбирая в себя черты каждого народа. Эта ассимиляция позволила создать своё понимание жизни, космогоничные основы, диктуя новой культуре условия как для развития, так и для сохранения индивидуальных черт и бикомпонентности в культуре манси. Эта бикомпонентность (удивительно гармоничное сочетание культур степных кочевников и таёжных охотников-рыболовов) прослеживается даже у современных мансийцев.

Считается, что традиционными занятиями ныне живущих манси являются охота и рыбалка. Правда, всё меньше остаётся представителей народа манси, ведущих традиционный уклад жизни, т.к. в паулях понемногу умирают старики. Молодёжь старается решить свою судьбу по-своему, но удаётся это далеко не всем – очень немногие приспосабливаются к жизни в городе, предпочитая всё же небольшие посёлки, где проживает смешанное население, или же вернуться к себе домой, в пауль. Я это связываю с тем, что они всё равно остаются лесными людьми.

Несколько раз я подмечал, что поведение манси в посёлках (например, Бурмантово, Хорпия, Пелым)

сильно отличается от того, как они живут в лесу. В природе – они настоящие хозяева. Легко ориентируются, ведут себя раскованно, знают и помнят всё до последней мелочи.

Испокон веку они были охотниками. Этот азарт сохраняется и поныне, как у пожилых людей, так и у молодёжи. Я не забуду, с каким воодушевлением мне рассказывали об охоте на дикого оленя мужчины – манси в Пома – пауле, даже причмокивали языками – таковы сладостные воспоминания об оленьем мясе.

Охотничьи пристрастия остаются неизменными даже в XXI веке, только современная жизнь диктует свои условия. Ранее они добывали пушного зверя, преимущественно белку и соболя, причём охотились на них даже женщины – мансийки. Сейчас пушного зверя добывают немного – невыгодно, прежде всего.

Мясная охота была ориентирована на лося, оленя (чрезвычайная редкость ныне), боровую и водоплавающую дичь. Все эти пристрастия остаются и сейчас, но жизнь вносит свои коррективы.

Мясо сушили, вялили, коптили – некоторые семьи до сих пор практикуют это. Мне довелось попробовать вяленую лосятину у Пакиных; у них же, например, сохранилась коптильня. Зато я не рискнул пробовать полуготовое мясо у Куриковых, т.к. на висащие куски мяса, присаживались отдохнуть разные «крылатые товарищи».

Мансийцы до сих пор употребляют в пищу как сырое мясо и внутренности, так и полуфабрикаты и блюда из мяса. Не отказываются они и от мяса «с душком».

Саша Куриков

В Югре у некоторых северных манси сохранились олени – там до сих пор практикуется оленеводство. У свердловских представителей лесного народа олешек нет. Ни одного! Хотя живы ещё рассказы о последнем манси североуральского района Сергее Савельевиче Бахтиярове и остатках его стада. Исчезновение оленей у наших манси, на мой взгляд, окончательно изменило их традиционный уклад.

Вспоминаю свой последний разговор с дедой Петей Хандыбиным в Ульте-урай-пауле («поселение в горелой старице»). Тогда я попросил его показать оленью упряжь, сохранившуюся от родового стада. Пётр Андреевич согласился. Так и остался он в моих воспоминаниях и на фотографиях сидящим перед своим домом с упряжью в руках и чему-то скромно улыбающимся. Когда же я попросил поддержать ботало, оставшееся от вожака, он нехотя согласился, а в уставших глазах мелькнули огоньки. Помнил старик своего последнего вожака! Потому и не продал ботало в музей – дорога память...

Кроме охоты манси, конечно, занимались рыбной ловлей. Мне довелось пройти на лодке с Николаем Куриковым и его сыном Александром, посмотреть их невод на Пельме. Но вот рыбу я у манси не стал есть. Во-первых, «белорыбца» вся с описторхозом, а лечить эту таёжную «прелесть» нелегко. Во-вторых, манси уж очень быстро готовят рыбную похлёбку – десять– пятнадцать минут и готово. Другое дело хариус или таймень – благородная рыба! Но её становится всё меньше.

Рыбу также ели (и продолжают) есть сырой, варёной, мороженой, сушёной, вяленой, копчёной. В

общем, всякой. Из рыбы делали великолепный клей для луков, таёжный «рыбный холодец», одежду, да мало ли чего. Сейчас всё это исчезает, т.к. луки никому не нужны, а рецепт холодца уже основательно подзабыт!

Как у всякого народа, у манси были свои праздники. Они, безусловно, были связаны с природой, но многие были «привязаны» к христианским праздникам.

Весной манси отмечали Урине хотэл эква – Вороний день. Праздник этот близок к православному Благовещению и связан с воспроизводством жизни. Манси усматривали в вороне покровительницу женщин, семьи и детей. В общем, настоящий семейный праздник!

В мае же проходили традиционные праздники рыбаков, с камланиями шаманов, с их прогнозами на путину, с соревнованиями рыбаков на облаках. Безусловно, это был мужской праздник, но бывали случаи, когда и мансийки лихо управляли долблёнными лодочками.

В конце лета на Ильин день оленеводы отмечали, свой праздник – в этот промежуток заканчивалась, да и линька у олешек, и гнуса становилось чуть меньше. В такие дни были катания на оленях, соревнования по быстроте и ловкости обращения с тынзяном (аркан), и, конечно, каждый мог показать себя и своё богатство – стадо оленей.

В середине октября на Покров проходили праздники охотников, в эти дни демонстрировалась до-

блесть стрелков. Разбирая документы ушедшей советской эпохи, мы нашли упоминание, что с 28 августа 1935 года был возрождён стрелковый праздник, в котором участвовали все: мужчины, женщины и подростки. Многие манси в те годы имели даже нагрудный значок «ударник- охотник» и были отмечены и премированы за первоклассную стрельбу.

Но, пожалуй, главным праздником оставался «медвежий». Это настоящий театрализованный праздник не только для охотника, добывшего «хозяина леса», и его сородичей, но и жителей соседних паулей. На него съезжались отовсюду. Длился он либо 4, либо 7 дней, хоть бывали случаи и более затянувшегося торжества. В наше время этот праздник устраивать довольно накладно, да и медведей не столько проживает в таёжных лесах. Последний медвежий праздник официально проводился несколько лет назад в пауле на ПOME у Пакиных. Тогда отличился младший брат Владимир Николаевич, подстреливший в полутора- двух километрах от поселения медведицу.

Кроме этих праздников остаётся тема культовых празднеств. Но эта тема, несмотря на многочисленные работы этнографов, всё равно остаётся в тени. Манси сдержанно говорят об этом.

Ещё хочется сказать несколько слов о национальной одежде. Она чудом сохраняется в незначительном количестве в паулях у свердловских манси. Традиционная женская одежда – платье на кокетке, халат хлопчатобумажный или суконный, зимой сахи – двойная меховая шуба.

Одежда всегда была богато орнаментирована бисером, аппликацией, цветным сукном и меховой мозаикой. Костюм у мансийки всегда дополнялся платком. Большой платок с широкой каймой и бахромой, сложенной неравным треугольником, носили наброшенным на голову и плечи, со свободно свисающими концами на груди. Концом платка женщина (как и у ханты) закрывала лицо в присутствии мужчин – старших родственников мужа (свекре, старшем брате, дяде и др.) или зяте (обычай избегания). Ещё во время первой нашей экспедиции мы попросили Анну Кирилловну Хандыбину показать нам её платья и платки. Был устроен целый показ мод традиционных мансийских платьев. Тогда же Анна Кирилловна продемонстрировала ношение платка. Так, как всегда делали мансийские женщины.

Мужчины надевали рубахи, по покрою похожие на женские платья, штаны и пояса, к которым подвешивали мешочки с всякими мелочами, нож (порой в деревянных ножнах), различные футляры с охотничьим снаряжением, а также знаки охотничьей доблести, например, медвежьи клыки. Верхняя одежда из сукна или оленьих шкур – глухая, с капюшоном (малица, гусь). На ноги надевали длинные кожаные сапоги – улусы.

Вот таков короткий экскурс в прошлое и часть настоящего лесного народа. В каждой последующей главе мы постараемся показать и рассказать много интересного и нового из жизни народа, жившего когда- то в горах Урала...

С мансийскими ребятишками в интернате

Юрий ДОНСКОЙ

ИГРА В КУКЛЫ

Бабушка приехала

– Леночка, ты к ним ближе, причину установили?
– Я дам тебе копирку, сама прочитаешь, но ты же понимаешь, Лера, что со мной будет, если наружу выплывет..

– Не волнуйся, я привыкаю рот не раскрывать.

Валерия спрятала копирку в ридикюль и выско-чила из приемной начальника авиаотряда. Она за-бежала в туалет, суетливо выдернула два листа ко-пирки, подняла их на уровень замаранного белой краской окна и стала искать глазами место в тексте с причиной, опуская все остальное. Вот: «...неисправ-ность руля высоты».

Валерия молча отдала Лене ридикюль и плюхну-лась на стул. Лена открыла сумочку, выхватила по-мятые листы копирки и бросила их в корзину. Она ни о чем не спрашивала Валерию, сидевшую непод-вижно, а лишь предложила:

– Шла бы ты домой.

Дверь кабинета начальника авиаотряда откры-лась, и в приемную вышел человек, которого Вале-рия видела один раз,

– Что вы тут делаете? – спросил человек. – Вы-ясним и тогда сообщим.

Валерия подняла на него глаза, и человек увидел в них нарастающий гнев.

– Я знаю причину. Вы все подстроили.

Валерия еще что-то хотела выдать из себя, но лицо ее побледнело. Человек налил в стакан воды и поднес его к губам Валерии.

– Ничего еще не известно, – сказал человек и по-смотрел на пальцы Валерии. – Идите домой. Лена, проводи, пожалуйста.

Валерия вспомнила его. Это был главный инже-нер. Она хотела сказать все, но как медик знала, что не сумеет этого сделать. Спазм сосудов затруднил дыхание и координацию движения.

Лена посадила Валерию на автобус и вернулась. Главный инженер ждал ее в приемной.

– Где копирка отчета комиссии?

Лена вытащила из корзины два черных листа и заметила взгляд мужских глаз на своих пальцах. Она поняла, что на пальцах Валерии остались пятна от копирки, и главный инженер обратил на это вни-мание. Он взял протянутые листы и вошел в кабинет начальника отряда.

Валерия вернулась домой и застала своего трехлетнего сына одного. Свекровь куда-то отлу-чилась.

– Где бабушка? – спросила она. Мальчик махнул рукой и продолжил возиться в куче игрушек.

Валерия обняла сына и увидела в окно аэро-дромную машину. Быстро же они, – подумала она. Тут же подхватила маленького Женьку и унесла во двор. Когда вернулась, мужики во главе с главным инженером были уже в доме. Она сразу стала кри-чать, будто ее прорвало. Слова получались те, кото-рые она хотела высказать еще на аэродроме.

– Вы! Вы убили его!

Мужики оправдывались, старались объяснить. Больше всех старался механик.

Дверь со двора открылась, и вошла Лерина све-кровь. Лицо ее было полно злобы, а в руках она крепко держала топор.

– Уйдите! Иначе я вас всех за Гену порешу!

– Что вы, что вы! – опешили мужики.

– Уйдите по-хорошему! – напирала женщина.

Мужики попятнулись, но до конца не были увере-ны, что уйти сейчас будет правильно.

– Вам же ясно дали понять – уходите! – сказала Валерия. – Иначе я возьму ухват и вытащу из печи чугунок с кипятком.

Мужики быстро выскочили из дома и удалились со двора. Валерия слышала, как заурчала, а потом отъехала машина. В это время в дом вошел малень-кий Женька. Он посмотрел сначала на маму, потом на бабушку, уже сидевшую на табурете, но не выпу-тившую из рук топор, и почему-то сказал:

– Бабушка приехала.

Юрий Сергеевич Луговцов (псевдоним Юрий Донской) родился в городе Донской Московской, ныне Тульской, области. Закончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Служил в военных средствах массовой информации в Ленинграде, в Сибири, на Урале. Ныне редактор газеты НПО авто-матики. Живет в Екатеринбурге.

Остановите Игоря

Володя Шунин увидел на лестничной площадке группу ребят и девчат. Мелькали в основном знакомые лица. Проскальзывали и те, кого он никогда ранее не видел, а может, просто не запомнил. Он остановился и смотрел. Зачем? Да кто же сможет оценить свои действия, не сходя с места!

Он видел, как Игорь Дятлов внимательно слушал какого-то парня, прищутив и без того монгольские глаза, а потом вдруг взорвался и жестом что-то отверг. Вова встретил взгляд Зины Колмогоровой, и она тут же покинула компанию и побежала по ступенькам к нему.

- Привет, Шуня!
- О чем вы там?
- Да поход в каникулы обсуждаем.
- Говорили, на Север собираетесь?
- Да. Жаль, тебя не будет. Новичков набрали.

Шунин опять посмотрел на ребят и снова увидел категоричный жест Игоря.

- Вы Игоря сдерживайте, а то он зарываться стал.
- Чего это вдруг?
- Вспомни Кавказ или Алтай. Места для ночевки он выбирал самые неподходящие. На Кавказе поселились в расщелине под нависшими льдами...

– Да, если бы тогда они сошли над нашими головами.

– Хорошо, если плашмя бы прошли, а повернись как-какая глыба ребром, и каюк, хотя в любом случае каюк.

- Так не сошли же.
- А это что за парень с Игорем?
- Это Гена Патрушев, летчик.
- Вы и его берете?
- Нет, он в том районе летает на ЯКе. Обсуждают. Кстати, летчик сказал, что я очень похожа на его жену Валерию. Обещал после похода познакомить.
- А что из науки тащите на этот раз? Надеюсь, не ту тяжелую трубу для замера толщины снега?

Они оба были в том походе, когда по просьбе группы синоптики снабдили их тяжелой примитивной аппаратурой для научной загрузки экспедиции. Такое дополнение ребята искали, а чаще выпрашивали, для каждого похода.

- Пока не знаю. Так подойди и поговори.
- Не надо. Не хочу расстраиваться.
- Ладно, Шуня, успеха тебе с дипломом.

Если бы Вова Шунин подошел тогда к ребятам, эта глава была бы полностью написана с его слов, а так автору пришлось наложить несколько швов.

Если бы Вова Шунин подошел тогда к ребятам, он бы, возможно, услышал:

- Что ты советуешь?
- Думаю, что вам не стоит туда идти, – сказал Гена Патрушев, на что Игорь махнул рукой, и этот жест видел Шунин. – Моя жена где-то услышала, что Отортен переводится как «не ходи туда». – Последовала вторая отмашка Игоря, которую тоже видел Шунин.

– Ты не представляешь, как это интересно, – Игорь вплотную приблизился к Геннадию. – Мне когда рассказали, я от восторга захлебнулся. Ребятам говорить не буду, доведется, сами увидят.

– Да видел я. Сначала думал, что северное сияние, а сейчас не знаю, что и думать. Когда они появляются, начинает жутко болеть голова, и приборы скачут. Я сразу самолет отвожу в сторону. Потому и советую не ходить.

– Что Шуня? Грустит? – спросил Игорь у подошедшей Зины.

– Не ходите! – сказал Гена.

Игорь отмахнулся третий раз, чего Шунин уже не видел, и сказал:

– Попробуй раздобыть карту. В крайнем случае, сделай подробный крок.

Расчетная зона

Вечером в своей моздокской квартире старший лейтенант Иван Макарович готовился к полету. Один раз в месяц он становился командиром своей же стратегической «тушки», а остальные дни на ней же он был вторым пилотом. Сегодня в таком качестве он уходил в четвертый раз. Вообще-то так не принято в ВВС, но «высшие люди» посчитали, что так необходимо, и Иван Макарович не особо задавался вопросом «почему?». Его больше угнетало, что подготовка «тушки» тоже велась не по правилам. Он сидел дома, ждал звонка, а в это время, пользуясь темной южной ночью, какие-то странные люди, а не известные ему механики, колдовали у самолета. Своими глазами он этого не видел, рассказывали аэродромщики. Они то и предположили вначале, что подвешивают «ядрену мать». Но уже после первого вылета он понял, что это не так. Ему приказывали выйти в строго расчетную зону, доложить об этом по борту, проконтролировать прохождение сигнала «сброс», а услышав в ответ «отворот», незамедлительно повернуть на «пять часов». Такой поворот допустим, но чреват последствиями и Иван Макарович еще в первый вылет сделал его гораздо плавнее. Он точно знал, что на борту его маневр никто из «пассажиров» проконтролировать не сумеет, только члены экипажа, а они заодно с командиром, рисковать в пустоту никто не хочет. Так он поступил во второй и третий раз.

Командир Ивана Макаровича, судя по всему, летал тем же маршрутом. В этот день его второму пилоту приказывали быть дома. Трудно не догадаться, что вылеты по особому заданию проходили в очередь каждые две недели. Каждый раз Тамара, жена Ивана Макаровича, испытывала особое беспокойство. Когда муж был в третьем полете, она гуляла с дочерью Олей, и им повстречались командир с семьей. Тамара бросилась к ним, на бегу складывая слова «Ваня сказал, что вы в небе». Она увидела растерянный взгляд командира и удивление его жены.

– Сегодня Ваня за командира, а потом я полечу с другим вторым пилотом. Натаскивание кадров.

Такое объяснение успокоило Тамару, но вечером она устроила допрос мужу. Иван Макарович объяснился, подобно своему командиру. С того раза он вынужден был докладывать жене, что снова летит главным. Это мало успокаивало Тамару, но она старалась держаться, чтобы не напрягать мужа перед полетом.

В этот, четвертый, раз она решила поставить вопрос. Нет, не ребром. Просто высказать вслух то, что давно подразумевалось.

– Страшно мне здесь, – сказала Тамара.

– Вижу, что Кавказ тебе не курорт.

– Люди здесь чужие. Они меня пугают. Эти обычаи... Поговорил бы о переводе.

– Мы здесь меньше года. Да и куда?

– Куда угодно, лишь бы отсюда подальше.

– Даже в Спасск-Дальний?

Тамара задумалась. Спасск слишком далеко от ее родного Поволжья и от Ваниного Донбасса.

Ваня усмехнулся, погладил жену по щеке.

– Еще три таких полета, и в отпуск. Поедем сначала к твоим, потом к моим. Потерпи. Вернусь, в гости сходим.

– К кому?

– Там выберем.

– Только не к Гольдману.

– Да его и нет, в командировке где-то. А почему он тебя пугает? Он же не кавказец, а Яков Абрамович.

– Въедливый, и шуточки его терпкие. Веселость показная. Переводит свою фамилию как «золотой человек», а у самого ржавчина проступает, а не золото. И Оля говорит, что он злой.

– Работа у него такая.

Иван Макарович сказал бы еще что-то, но позвонил телефон.

– Тебя ждать завтра вечером?

– Как всегда при таких полетах. Так что до встречи четвертого февраля пятьдесят девятого года.

В описываемый год Ивану Макаровичу с женой Тамарой и дочерью Олей удалось уйти в отпуск лишь во второй половине декабря. Новый год они встретили у его родителей. На праздник он подарил своим племянникам по бумажной денежке, на что старший из племянников разрыдался, высказывая, что дядя Ваня еще ему крестный, а подарки всем одинаковые. Иван Макарович объяснил крестнику, что всем досталось по рублю, а ему целая трешка.

Новый год принес вторую дочь, назвали ее Людмилой. Еще через год Ивану Макаровичу присвоили звание «капитан», а еще через год семья переехала к новому месту службы в Спасск– Дальний. Ровно через пять лет после того четвертого вылета (4 февраля 1964 года) экипаж Ту-16 (семь человек) во главе с командиром капитаном Иваном Макарови-

чем разбился в сопках Камчатки. Причина катастрофы – неисправность рулей высоты.

Золотой мужчина

«Яша рос дерзким мальчиком», – пожалуй, все, что удалось выведать о молодых ногтях Якова Абрамовича, он же Семен Александрович, он же Александр Алексеевич Гольдман – Голдберг – Золотарев.

Родился на Кавказе. Рано попал в сферу влияния органов безопасности. По слухам, накануне войны учился в их школе, стал то ли сержантом, то ли офицером НКВД – рассказчик слабо разбирался в знаках отличия на петлицах. Во время войны, по его же словам, проявил жгучую ненависть к врагам. Пару раз упоминал «смерш». Больше ничего из него было не вытянуть, отшучивался, а на вопрос о рваной ране на бедре сказал, что вражья пуля, а по-моему, скорее штык. Годы войны вообще темная его сторона. Не зря же его заслали на Алтай на какой-то военный завод. Кто-то из наших там был и рассказывал потом, что у него там вышла история из-за женщины, он вроде бы кого-то застрелил и надолго пропал.

– Может, мы о ком другом говорим?

Так фотография его! Он появился у нас, когда пошло изделие «Наживка». Не знаю, что это такое, говорили только, что ящик под него в разы тяжелее самого изделия и что он по форме и структуре «гусиные лапки» напоминает. Конфеты такие были. В рот положишь, они на иголки распадаются, их с ребрышками выпускали. И «наживку» эту так же строили. Ее куда-то на аэродром отвозили. Мы ее несколько лет делали, а потом пошли разные торпеды. Так Яша обеспечивал чекистское обслуживание темы. Лютовал страшно как, некоторых посадил. Этот цех с «наживкой» обходили десятой дорогой. А потом пропал. В одночасье. Пожалуй, больше года прошло, стали говорить, что где-то на Урале то ли погиб, то ли убили.

– Говорят, он вроде бы турист заядлый был, путешествовать любил?

Это что ли по горам лазить? Да ничего такого он не любил. Любил бы, так с нашими туристами весь бы Кавказ облазил, а так ни разу не заикался об этом. Девочек он любил.

Да, еще одна странность. Когда матери сказали о его гибели, она махнула рукой и сказала, что такое с ним иногда случается.

Яков Абрамович Гольдман умер в мае 99-го в Израиле. Тот ли? Не дело автора эксгумация и генетика.

Чем ближе решение, тем больше страха во всех моих трещинках. А трещит все, даже душа ломается, кстати, вместе с сюжетом. Кто-то перекрывает доступ к информационному пространству, где есть все

ответы на это беззагадочное действие. Даже к могиле не подойти, обязательно появится странное чучело с намерением запугать. ИП есть во всем, а главное, оно есть, даже в большей степени, в каждом бывшем живом теле. Так что едем дальше, помолясь.

Единым строем

– Как у вас говорится, единым строем накинемся и решим эту проблему, – усмехаясь, сказал Константин Олегович.

Жоре не понравилась эта фраза. Не вся, а только «у вас», эта часть насторожила его. После кыштымской трагедии сентября 1957 года не только бульдозеры чистили радиационный след, но и госбезопасность прошла густым гребешком. Чего они накопили, Жора не знал, да и знать ему не полагалось, они воспользовались случившимся, чтобы пристальнее работать с новыми кадрами. Когда за год до этого разговора Георгий Кривонищенко приехал после института работать в «сороковку», им вплотную занялись безопасники. Вопрос стоял не в банальной вербовке, его убеждали не оставлять без внимания любую погрешность в работе и общении, делали это на примерах. Жоре инструктор застал в сознание, особенно формула, что чужой обязательно выдаст себя сначала словом, и остановить его надо на этом этапе пока не дошло до дела.

Константин Олегович обратил внимание на довольно длительную задумчивость собеседника, но истолковал ее интересом поднятой в разговоре темы.

– Я бы и сам пошел туда, да на большее чем велосипед, не способен, – прервал паузу Константин Олегович. – А ты своим ребятам расскажи, они заинтересуются.

Жора рассказал, но сначала лишь своим инструкторам. Он и сам краешком слышал о том, о чем поведал его новый знакомый, но не придавал этому значения.

– Шары, говоришь, – иронично хмыкнул инструктор. – Поглядим, что там у них, то есть «у вас».

Жора и Константин Олегович пересекались еще несколько раз, но лишь однажды последовал вопрос «Ну, как?», на что был ответ: «При случае поговорю».

Кривонищенко не ждал решения, он действительно надеялся на случай, чему были причины. В первую очередь работа, ее не бросишь ради похода, а отпрашиваться – не та организация, которая потакает увлечениям. Даже выезжая к родителям, он обязан доложить. Что говорить тогда о несанкционированном отпуске. Такая система действует во всех почтовых городах мира, где есть ядерная начинка. У нас ее устанавливали и отработывали под пристальным вниманием Лаврентия Павловича, за что ему низкий поклон, ибо она единственная устояла в годы демокатаклизмов.

Решение пришло быстро. Недели две спустя инструктор встретился с Жорой и без обиняков сказал, что тема вызвала интерес, все поездки в Свердловск и отпуск на поход санкционированы.

– Как сказал начальник, задачи и фигуры определены, сыграем в куклы, – заключил инструктор.

Жора еще не знал, что в один из последних теплых дней этого же года Константин Олегович, он же Карл Оскарович, сел на свой гоночный велосипед и поехал по кыштымской дороге. Километра через три он увидел открытый «виллис», двоих мужчин рыбацкого вида и ноги третьего, торчащие из-под капота. Они ему подали знак, мол, чем поможешь? Он притормозил, опустил ноги на дорогу и тут же был скручен. Пока водитель закрывал капот и поднимал тент, двое рыбаков ощупали сначала воротник, а потом и всю одежду задержанного. Велосипед бросили в кузов подъехавшей «полуторки», его хозяина усадили в джип, развернулись и уехали.

Что Карл Оскарович рассказывал на допросах нам и знать не надо, вот только в народ просочилось, что группа туристов должна была увидеть, описать и сфотографировать светящиеся шары.

От автора.

Давным-давно преподаватель иностранной литературы, нелегал со стажем в 37 лет В.А.Г. говорил мне примерно следующее: читать документы целиком, сопоставлять добытую информацию с другими свидетельствами и событиями, произошедшими в это время, строго следовать хронологии, тогда и вырисуются связи и следы, про которые до сих пор не хотели говорить. И еще: хочешь скрыть информацию – озвучь ее, или ее часть. Кому посчастливилось иметь таких педагогов, знают и такое правило: подвергая сомнению услышанное, верь ему, или хотя бы части того, что донеслось до твоих ушей. Следующее правило давно стало народным поверьем: чему-то что-то предшествовало, а наступившие последствия ими не заканчиваются. Народ выражается проще: просто так ничего не бывает.

Одно не получается – строго следовать хронологии. А, впрочем, решение проблем по мере их поступления разве не есть она?

Нельзя отказать

Для своей семьи Гена Патрушев снял комнату в частном доме. Хозяйка, одинокая старушка, рада была иметь под боком живую душу, да не одну, она не возражала, когда к квартирантам приходили гости.

Лера, жена Геннадия, любила сходки друзей, готовила на всю компанию, усаживала за стол и хозяйку.

В марте, когда расширились поиски пропавших туристов, их комната в Ивделе превратилась в штаб авиаотряда, где с наступлением темноты собира-

лись после полетов летчики. Поначалу все шло почти как обычно, разве что мрачности прибавилось. Вскоре Лера обратила внимание, что ребята замолкали с ее появлением, а потом пилот вертолета Петя Гладышев попросил не приглашать к столу хозяйку дома. Его поддержал и пилот АН-2 Игорь Гагарин. В тот раз, когда ребята разошлись далеко за полночь, Гена объяснил жене, что они увидели в поведении хозяйки излишнее любопытство и назойливость.

С этого дня в общении с хозяйкой для всех выросла стена, но только не для Леры. Со своей веселостью, бесшабашностью и элементарной болтливостью она ничего поделат не могла и даже не пыталась. Много лет спустя она так и скажет:

– Во всем, что тогда случилось со мной и моей семьей, виновата я сама, моя общительность и мой язык.

Первое время Гена делился с Лерой почти всем, что видел и слышал, своими думами. Лера листала чьи-то дневники, записные книжки, в одной из них были записи и рисунки о светящихся шарах. Про них Гена рассказывал и раньше, он четвертый год летал в Ивделе и не один раз наблюдал какие-то шары. Однажды она вошла в комнату, где за столом с Генной сидели Гагарин, Гладышев и еще кто-то. Ребята замолчали. В их руках она увидела куски покореженного металла белесого цвета. Это было в конце мая. К этому времени обнаружили все тела погибших туристов, а ребята продолжали собирать каждый вечер.

Лера на всю жизнь запомнила тот день, когда нашли последних четверых. Гена вернулся сам не свой. Сказал, чтобы она не прикасалась к нему, разделся и стал обмывать себя водой из бочки. Она заставила в подробностях рассказать случившееся. Как врач она не должна была ничему удивляться, но тут ужаснулась. Тогда же она впервые услышала о Золотареве. Геннадий знал всю группу еще до похода, хотя и не особо близко, видел в ней и Золотарева. Его одного трудно было опознать, потому и возникло тогда же сомнение, а он ли это? Но эта версия почему-то легко была отвергнута. Дальнейший ход событий и действия мужа заставили Леру до сих пор помнить все.

В тот вечер, когда Лера увидела на столе и в руках летчиков куски искореженного металла, она узнала от мужа, что Петя Гладышев на вертолете высадил его и Игоря Гагарина в районе гибели туристов, и они полдня осматривали территорию, где и нашли эти куски металла. Ребята хотели раньше заняться поисками, но всякий раз видели с воздуха рыщущих по району людей.

Через два дня после вечера с металлом хозяйка дома отказала квартирантам в жилье. Сказала, что продает свой дом и переселяется в дом престарелых. В поисках нового жилья Гена и Лера обошли весь Ивдель, но всюду слышали отказ. Тогда Геннадий первый раз высказал свою настороженность и отвез семью к родителям в Исток.

От автора.

Такая личность, как Игорь Дятлов, не могла остаться без присмотра, тем более, что его прочили работать на кафедре. Подчас присмотр перерастал в «наблюдательное дело», кажется, так именовалось досье. Я не видел его, но специалисты говорят, что в основном там был разный бессистемный мусор. Мне дали прочитать старый-престарый листочек с несколькими строчками и напроць выгоревшими следами штампа. Приведу по памяти и рискну закавычить ее. «Наша жизнь не просто веление природы, а данная свыше попытка сделать на этом месте во вселенной что-то. Потому жизнь превращается в поиски места приложения отпущенного тебе срока. Самая неблагоприятная из всех попыток – поиски бессмертия. Игорь Дятлов».

Команда рыжих

В Ивделе Лера ожидала возвращения мужа из полетов спокойно. В Истоке спокойствие улетучивалось с каждым днем отсутствия Геннадия, оно не возвращалось вместе с мужем, когда он приезжал на несколько дней.

В выходные Геннадий умудрялся надолго отлучаться из дома, и тогда струна в душе Леры подтягивала колки. Вдвоем они обсуждали все, что говорилось о трагедии, и чаще речь заходила о роли Золотарева. Однажды Геннадий вернулся из очередной отлучки, и Лера сходу спросила:

– Узнал чего?

– Еще больше загадок. Мало того, что имена не сходятся, так они на меня глаза сделали и сказали, что такого сотрудника у них никогда не было.

В другой раз он поделился, что часто слышит, будто в числе погибших Золотарева не было.

– Люди, знаешь, какие! – отвечала Лера. – Придумывают, что хотят.

– Я бы не обращал внимания, если бы эти слухи не пресекались. Да, и своими глазами видел последние тела. Одно так покорежено до неузнаваемости. Поговорю-ка я с Сергеем.

С Сергеем Мишариным Геннадий дружил с детства. После школы один уехал учиться летать, второй подался в госбезопасность. Первый раз Лера увидела Сергея, когда муж, уйдя из армии по хрущевскому сокращению, привез ее на родной Урал.

У Геннадия было много друзей и знакомых. После детства не все одноклассники разъехались, а некоторые успели вернуться. В общем сборе Лера особо не выделяла Сергея, запомнила и разглядела его, когда праздновали появление на свет сына. А когда Геннадий обратился к Сергею за помощью, она видела их вместе, сидящими на скамейке у ворот. Они замолкали, когда она приближалась, но в руках у Сергея увидела ту самую книжечку с зарисовками шаров.

До закрытия дела все летчики давали показания под протокол. Потом дело закрыли, вроде бы как несчастный случай, но кто-то из следственной бригады сказал, что из-за отсутствия фигурантов. Лера и Гена не вникали в суть юридических терминов, но фраза о фигурантах ушла в люди.

Вскоре после беседы на скамейке Геннадия пригласили на допрос. К этому времени из среды туристов пошли гулять версии об ошибках Дятлова, мол, восхождение начал поздно, палатку неудачно поставил, сбился на 600 метров от маршрута. Обсуждая эти разговоры, Геннадий сказал жене:

– Ничего он не сбился. Он целенаправленно шел к этой горе. Похоже, что, устанавливая палатку в том месте, вся группа уже знала, зачем и почему, что следующим утром они не пойдут выше, будут ждать ожидаемого, если оно не случится в указанную дату.

Это было одно из последних обсуждений. 6 июня 1960 года на своем вертолете разбился Петр Гладышев. Не успели отметить «сороковины», как на своем самолете разбился Игорь Гагарин.

20 мая 1961 года Лера в последний раз видела Геннадия, разговаривающего на улице с Сергеем.

– Почему вы замолчали, когда я подходила? – спросит потом Лера.

– Ты лучше не вникай. – Лера почувствовала, что Геннадий чем-то напуган, но он тут же бодро продолжил: – Ты увольняйся с работы, чтобы мы отметили пятилетие и сразу улетели.

У Геннадия уже были оформлены документы на учебу в академии в Ленинграде. 22 июня исполнялось пять лет свадьбы. Оставалось полетать на севере совсем чуть-чуть.

– Гена, врачей не хватает. Мне сказали, что я утром подам заявление, а вечером меня рассчитают.

Уволиться Валерии Николаевне не удалось. 22 мая в 65-ти километрах севернее Ивделя на своем самолете Геннадий разбился. Всех, кто близко соприкасался с ним, разослали работать по другим авиаотрядам Союза.

И ранее Валерия Николаевна допрашивалась и подписывала протокол, а после скандала в авиаотряде ее завалили приглашениями на беседу. Вопрос в вариациях был один: что рассказывал муж, и какие записи и предметы остались после него? Соответствующим был ее злой ответ. Расспросы перерастали в психологическое давление, вплоть до потери сознания. А потом было вот что.

Валерия сидела у могилы мужа и плакала. Что ее заставило насторожиться не важно, но она, не утирая слез, скосила взгляд и увидела мужские ноги. Она вскочила и, не чуя ног, бросилась бежать. Выскочила на дорогу и добежала до дома тети Тони, родной сестры свекрови.

– Что с тобой?

– Не знаю. Мужчина стоял на кладбище.

Тетя Тоня и дядя Петя проводили Валерию домой. На второй день они пришли и сообщили:

– Молись! Тебя спасла соседка, она ехала на велосипеде через кладбище с покоса, увидела, как ты сорвалась и побежала, а за тобой мужчина. Одна на кладбище не ходи.

Валерия обратила внимание, что свекровь что-то шептала. На второй день она сказала:

– Я сожгла все дневники и записные книжки Гены.

– Зачем, мама?

– Так надо!

До происшествия на кладбище и дня два-три после него печь в доме не топилась.

Допросы, расспросы, вызовы продолжались. В ходе одного из таких разговоров Валерия узнала, что друг детства мужа капитан госбезопасности Сергей Мишарин застрелился вскоре после авиакатастрофы. И буквально через несколько дней с ней произошел еще один случай, после которого она засомневалась в самоубийстве Сергея, скорее всего его убили.

Валерия Николаевна работала терапевтом в Нижне-Исетской больнице. В то воскресенье она дежурила до восьми вечера. Последний автобус на Арамиле проходил в 20.15. Она попросила сменщицу прийти на полчаса раньше, но та пришла за пять минут. Валерия пошла пешком, благо середина лета, темнеет поздно.

Она шла по старому челябинскому тракту. Дорога пустынная, машин мало. Вдалеке навстречу показался мотоцикл с коляской. Валерия отступила на обочину. Один из троих мужчин, сидевший за спиной водителя, показал рукой, и мотоцикл прибавил скорость. Валерия не успела рассмотреть мужчин, к тому же они были в касках. Но лицо того, который показывал рукой, она посчитала симпатичным, его глаза горели недобрым азартом...

Мотоцикл подкатил ко двору. Трое парней встали и вошли во двор, где по хозяйству управлялась свекровь Валентина Васильевна.

– Мы пилоты, друзья Геннадия. Нам нужно поговорить с Валерией.

– Она дежурит. Должна приехать на последнем автобусе. Если опоздает, придет пешком.

– Спасибо! – сказал рыженький. Цвет щетины свекровь рассмотрела под шлемом.

Когда мотоцикл уехал, свекровь осенило: что я наделала! Она оделась и пошла встречать невестку.

...Мотоцикл остановился. Рыжий и тот, что сидел в люльке, бросились в погоню. Валерия уже скрылась в лесу. Она слышала мат-перемат, а потом крик водителя: «Огонек, быстро возвращайтесь. Нам нельзя здесь оставаться. Мы ее все равно достанем».

По лесу Валерия дошла до поселка торфяников, увидела на другой стороне свекровь с сыном.

– Мама!

Валентина Васильевна обняла Валерию и, утирая о плечо слезы, сказала:

– Не думала, что ты вернешься живой.

На следующий день она сама пошла к тем, кто ее допрашивал, и заявила, что если издевательства не прекратятся, то на столе Хрущева и в газетах появится ее письмо.

Еще много нервов утекло и событий случилось, а потом вдруг, приглашение зайти за ордером на комнату с телефоном. Пока Валерия Николаевна обитала в этом жилище, телефон стоял на прослушке. Она поняла это с первого звонка и была осторожна в разговорах.

От автора

Следующая глава должна была стать основной, но к своей очереди не успели появиться иные источники для подтверждения или опровержения уже полученной информации. И вряд ли появятся. Несмотря на заверения, что контингент «базар фильтрует», что у них хоть и мощная структура, но без ведомств и связанных с ними интересов и противоречий, автор не стал отступать от принципа: не оглашать сведения, полученные из одного источника и не подтвержденные другим. Он лишь скажет, что они не противоречат общей схеме следования, и размажет факты по другим главам.

Вторая часть главы получила прямые и косвенные подтверждения из многих источников, и даже из Фонда Дятлова.

Особой важности

Владимир Александрович не отличался умом и сообразительностью. Он верил только в авторитеты. Еще студентом ему досталась кипа бумаги, переведенная с немецкого. На титульном листе он прочел надпись: «Достоинно внимания. Ландау». Все! Этого хватило, чтобы Вова стал бить копытами.

Эти страницы в оригинале были вывезены из Германии после войны, переведены и вручены ученым авторитетам для их оценки. Вове попался такой экземпляр. А Вова хорошо усвоил, что война есть сильный толчок расцвета научной мысли, потому он и стал рвать. Уже на третьем курсе он стал выступать с докладами по той теме и получать хорошие отзывы. Потом Вову свели с теми, кто уже разрабатывал перевод с немецкого, и ему даже поручили продумать усиление легкого корпуса, с чем он успешно справился. Много позже окажется, что с корпусом давно разобрались, но так как он независимо предложил уже внедренное, то Вову посчитали перспективным и включили в группу. Это было на четвертом курсе.

Это было на четвертом курсе. Не обладая особым умом и сообразительностью, первое, что сделал Вова, – стал важничать. Это не так явно бросалось в глаза и помогало несколько лет, его даже причислили к лику аспирантов. К этому времени уже многие стали понимать Вовину суть и его стали чаще использовать на натуре, нежели в учебных стенах.

Вова и сам понимал, что ничего путного у него в науке не получится. А если не понимал, то уверенно догадывался. Не видя иных перспектив, он дневал и ночевал на полигоне в ранге научного аналитика. Он с удовольствием анализировал каждый эксперимент, ожидая подсказки своей роли, а точнее, своего часа. Когда его спрашивали, что он может предложить на основании полученных результатов, он не осмеливался подать голос. Он несколько раз присутствовал при обсуждении темы, но копыта уже не так стучали, и в конце-концов, он почти прописался на полигоне на весь зимний период, который в тех краях длился почти восемь месяцев.

Все эти характерные особенности личности удалось выявить и воспроизвести для того, чтобы что-то понять в мотивации того, что случилось. Что-либо об иных участниках раскопать не предвиделось возможным по разным причинам, в том числе по банальным материальным. Надеюсь, что пока.

Дописал предыдущий абзац и уже было нацелился на следующий, как вдруг понял, что не могу написать ни слова. Да, именно так. Вроде все проверено – перепроверено, а рука не пишет. То, что вы читаете, совсем не то, что должно быть написано. Почему? Да хрен его знает. Имея на руках все, о чем мечтает всякий исследователь, вдруг уходит информационное пространство, и ты понимаешь, что факты разрываются, что один к другому ты будешь лепить клеем. Так длится уже три недели. На четвертой вдруг решил написать то, что написал в этом абзаце. Зачем? А я знаю? Знаю, что абзац должен был начинаться так: «Капитан госбезопасности Бондарь влетел в дверь щитового домика, в котором у пещурки возился с огнем Владимир Александрович...» Не знаю, почему оборвалось? Почему я как автор не могу сейчас перейти на второй абзац, а все втискиваю в этот один? Может, потому, что три недели назад поговорила по телефону с Валерией Николаевной? Не знаю. Может быть, мне показалось, что все мои старания никому уже не нужны, и ей в том числе? Не знаю, сколько еще ждать, хотя последняя глава уже написана. Уже найден способ проверить данные от братвы, получится – изложу, нет – хватит и этого. Вроде и не в запое, подумаешь, литр в сутки. И Коля Басков зудит рядом, а нет продолженья главы. Похоже, что звезды разбежались и растащили информационное пространство по слогам. Почему – то отворачиваюсь от их могилы и не всегда осеняю ее и себя крестом. Да еще серая грязная «девятка» по пятам ведет от дома к даче, а через три дня в обратном направлении. Это они, или ОНИ? Что творится. Неужели моим пером ведет кто-то? А так хотелось, чтобы я сам источал чернила. Ну и мирок мне достался. Обалдеть. Если в ближайшие два дня не появится нужный абзац, значит все! А последняя глава останется на совести Митрича. Хотелось изложить то, до чего дотумкал, а получилось...

Еще одна неделя побоку. Меня давят, чтобы позвонил Шуне. В такие минуты через одно лицо ненавижу все человечество. Достали. Звоню Владимиру Львовичу Шунину в надежде, что прошло уже сорок дней со дня смерти его жены. Облом. Ошибся в два дня. Он как раз готовился к этой печальной дате, ждал приезда родни. С ним живет внучка-студентка, ему пока не дано испытать одиночества. Поговорили. Шуня бодрый, как никогда в последний год. Оказалось, что его жена, царствие ей небесное, была ученицей и подругой Дятлова. Во как все оборачивается. Теперь они встретятся там, откуда информация доступна не всем. Я поведал Шуне о планах завершить сей рассказ его встречей в электричке. Он был счастлив, что его версия еще 1959 года, о неразглашении которой все давали тогда подписку, совпала с итогами сих следствий. Дотянем – встретимся.

Еще одна неделя бухнула в вечность. Из похода на подлодке «Юрий Долгорукий» вернулся Толик Палыч. Поделится впечатлениями. Есть чем за двадцать дней под водой. Потом вдруг выдает, мол, Тиунов обещал нарезать на диск свою версию. Толик с ним угробил не одну неделю на походы. Они, придурки, на коньках Байкал пересекали. Вера, жена Тиунова, работает этажом ниже. Может, это и есть причина моих тормозов? Но не в моих правилах комментировать чужое следствие. Ждем, хотя мне не хочется именно так убивать отпущенную мне вечность, но какого хрена!

Помолясь, продолжим.

Нет! Все забыть! Или почти все. Но почему бедит эта история? Если что и помнит народ, то все уходит в «серебряный шар».

Ах, опять шар!

В мыслях не было сбиваться на беллетристику, но что-то влечет меня в нее, засасывает в тину сию, гложащую все тайное. А есть ли тайна? До сих пор живы свидетели более ранних событий. Они сами, или их потомки. Свидетельства не прямые, так и не под присягой, коей у нас нет. Знал бы кто, сколько еще прямых свидетелей? Когда-нибудь достучимся до небес без всяких приманок и увидим много шаров с добрыми намерениями, как тот, что каждое утро появляется над кедром, а вечером прячется за той горой.

Показал последние абзацы Юрию Михайловичу, знакомому психиатру в отставке. Ба, да вы, старик, клиент. Но шибко не бери в голову. Знай, если у тебя не диагностировали паранойю, это вовсе не значит, что за тобой не следят.

Спасибо. Утешил. Кажется, можно излагать. Извините за столь глупую задержку во времени. С кем не бывает.

– Думаю, нам стоит поторопиться, – сказал Бондарь, присев на корточки у печки. – Они и так дел натворили. Сани у порога.

– Может, вы сами, – на лице Владимира Александровича читалась боязнь. – Учить вас не надо.

– Там две женщины, а все они студенты, туристы. Сам понимаешь, искать будут. Это не наш народец, молчать не станут.

– Так отпустите.

– Я же говорю, уже поздно. Их сначала в палатке потравили. Они все равно не жильцы. Один так вообще сказал, что работает в органах, что их прикрывает команда. И правда, пятеро подошли, главный у них с рыжей бородой. Наши их чуть не постреляли, так те в ответ палить начали и двоих ранили. Этот рыжий и приостановил расправу.

– А потравили чем?

– Так этим немецким средством в баночках. Им вшей травят. Быстро и надежно, вот только самому стоять рядом нельзя, враз лапки кверху. Фрицы им людей травили в лагерях, а мы вшей, а еще выкуриваем беглецов из щелей. В Казахстане им бунтовщиков давили.

– Заметите следы и уйдите, пусть сами доходят.

– Они троих навсегда успокоили.

– Пристрелили?

– Нет. Мозги застужены, но дело знают. Тулуп вокруг дерева, за руки-ноги и бух! Кости хрясь, и никаких следов. Поехали.

– Страшно чего – то.

– Мертвяков нечего бояться, живые страшнее.

– Их-то и боюсь.

Владимир Александрович замолчал. Глядя на краешки его глаз, трудно было определить, то ли слезы накатывают, то ли пленка проступила, как у старого пса, из последних сил преданно смотрящего на хозяина. Потом, не меняя положения головы, сказал:

– Года три или четыре назад Славка позвонил. Это Бондарь.

– Он на самом деле Бондарь?

– Кто у них в таких делах свое имя носит?! Хохол тупой, служака. Ему и ефрейтора много, а тут целый капитан, – Владимир Александрович вздохнул, потом сплюнул. – Говорил, болеет. Помрет, наверное. Хочет оставить записку сыновьям, как дело было. Я его не отговаривал. Мы давно уже не видимся. Перезваниваемся один раз в пять лет. Недавно я сам звонил. Умер полгода назад. Про записку не скажу, не знаю. Вряд ли. Он из тех, кто, однажды поставив свою подпись о неразглашении, не нарушает обязательств.

– А вы как же? Все-таки секрет, испытания?

– Забыли, наверное. А потом, я не участвовал, не видел, меня там не было. На следующий день я принял объект, снял показания и уехал. Захотели бы, нашли. В апреле я на две недели возвращался. А осенью снова надолго обосновался. Два раза вертолет около нас садился. Летчика, кажется, Петей звали. Ребята чего-то спрашивали, но мы официально метеостанцией назывались. А по поводу секретов, так я тебе ни слова не сказал.

– Тогда зачем вас туда потащили?

– Этот рыжий придумал обставить все под испытания. Бондарь рассказал, что мы часто в помощь зеков берем. Народу всего – то, считай, я один, да три оператора. Охрана велась заставами. Когда борт по наши души прибывал, в конвой особиста включали, но не всегда. Разгильдяи. Машина отработала, застава снималась. Считай, по графику работали. Заранее знали, разве что погода на день – два срывалась. А когда побеги, конвой работал сам по себе.

– А зеки зачем?

– У нас были особые зеки. Их вроде как наблюдателями ставили. Давали палатку, еду и на три дня в поле. Никто не бегал. Им обещали срока сократить, подписку взяли. Вряд ли они ее соблюдали. У них все надомнее. Вот и случились обознатушки. Не спрашивай, как и почему. Не знаю. Может, пьяные были, а может, погода. Я тогда сам от ужаса побелел, дрожь била. Полстакана спирта насквозь проскочила. Даже слова вспомнить не могу. Смысл всего разговора – как поступить с живыми? Соображать стал, когда решали оставлять этого гебиста, или с собой забрать? Свидетель все – таки. И тут Бондарь выдал: «Мы все здесь свидетели». Это и решило дело.

– Так их же девять...

– Из своих особых зеков подобрали. Их палатка километров за пять стояла. Может, за три. Но этого я уже не видел, меня отвезли на точку. Мне потом Бондарь рассказывал, что настоящий страх они испытали, когда тот безопасник отошел! Выжил. Могу предположить, что из остальных кто – то мог выжить, хотя вряд ли. Я потом читал протоколы вскрытия – от мороза! Рыжий принял решение оставить. Он же предложил держаться версии, что парашют не раскрылся, и наша тема упала. Я хотел возразить, но не стал почему – то. Его потом подправили, стали все называть ракетой. Они все подмели. Бондарь азросани подогнал к крыльцу с метлой на хвосте из хвойных веток. Они недели две так стояли. Иногда он уезжал.

– А как же следы?

– Ты сам подумай. Тело занесло на полметра, а следы четкие. Даже ноги в носках просматриваются. Там много несурзаци.

– Меня обязательно спросят про радиацию...

– И про разрезанную палатку! Сам-то понимаешь?

– Палатку проветривали, как газовую камеру? А радиация короткая, фон быстро ветром разносится. В состав приманки входили короткие изотопы кальция, или йода для ионизации. Так?

– Ты больше моего знаешь. Добавь мощный выброс в Челябинске – 40. В иных местах он до сих пор живет.

– Подписку требовать будешь? Шучу. Похоже, вы там пытались северное сияние получить? Получили? Молчу. Одну нестыковочку вижу. Какого надо было травить...

– Так кто же им срока собирался костить! Им жизни до лета оставалось, а то и меньше. Они ку-

клы. Сломанные куклы. На их место уже другие подбирались.

– И как прикажете размазывать все это по сюжету?

– Надо ли? Хотя, еще живы те, кто тогда прикрывал свою задницу, и вряд ли им хочется оголять ее сейчас. Какие бы законы для общества ни сочинял человек, он живет только своими амбициями, а законами прикрывается. В этом деле амбиции во вред... Ненавижу себя философом. Вот еще что. Когда Бондарь вез меня на санях, мы въехали на свежие следы. До этого их там не было. Кажется, это лыжня была. Тогда значения не придали, а на следующий день обсудили. Кто-то стоял и наблюдал все. Скорее всего, кто-то из манси. Не снежный же человек. Они, наверное, искали этого свидетеля, возможно, нашли. Не знаю. Я потом забыл про эту лыжню, но всегда вспоминаю, когда смотрю кино про место встречи. Помнишь, Глеб Егорович говорил: всегда найдется тот, кто чего-то видел, или слышал.

От автора. В период с 26 по 29 октября 2009 года из моего «лесного» рабочего места исчез весь компьютерный комплекс с базой данных. В апреле кто-то где-то стоял и наблюдал, как я его завозил.

Все от автора

Вроде бы все сошлось. Или все. В той или иной степени народ считает, что так могло быть. Пусть так. Пусть будет в ранге очередной версии. Тогда не понимаю, чего они осторожничают? Почему все, как один, просят, нет, даже требуют, не упоминать их имена, или изменить? Не доверяют этой версии? Правильно делают. Сам не доверяю ни одной из них. С карандашом прочитал Евгения Зиновьева и что? Воздушный ядерный взрыв, гибель людей, а через месяц куропатки, рысь на ветвях сидит.

Не знаю. Отказ от своего имени есть боязнь попасть впросак, связать его с очередной теорией. Наверное, в этом суть ожидания действия властей. Сам стою в той же луже. Какой из меня Донской? Вот и заказчик просит называть его просто Митричем. Он втянул меня в эту историю, заразил ею, хотя мне кажется, что я и не болею, просто оказываю ему услугу. Поэтому и глава состоит только из реальных и воображаемых диалогов с Митричем.

Рыжий? Учили, будто запоминаются рыжие волосы и ничего более. Этот метод использовали и реальный Видок, и литературный Холмс. Из той же серии малиновая пижама, давшая название отрезку нашей истории. Сегодня на дворе разгул «маскишоу».

Следы? Пусть будет так, как есть. Скажу только, что заметая следы власти оставили более четкие свои отпечатки. Будто стая босоногих ребятишек пролетела, а не взрослых особей с тяжелой поклажей, оставляя за собой борозду.

Это заставило усомниться в спешности покидания, и в дате. Мерили по туристическим лекалам, а там были уже другие, взрослые, мотивы. Наука, интерес, азарт, ажиотаж, и просто чудо! Следова-

тельно, другие дневники, другие даты. У меня получилось утро четвертого.

Травление? Это вообще элементарно. Из Германии вывозилось все, вплоть, как говорится, до туалетной бумаги. А тут баночки по типу тушенки «второй фронт». Как и немцы, мы их тоже приспособили вначале для дезинфекции в бараках, уничтожения клопов и бельевых вшей как переносчиков болезни. Потом уже появились иные цели. «Черемуха» вошла в практику только перед московской Олимпиадой.

Наука? Тут я не силен. Мне помогали специалисты, поверьте, высочайшего класса. Благо, доступ к ним был свободный. Тем не менее считаю информацию версией, поэтому обогащу текст лишь цитатами из открытых источников, чтобы не связывать руки подпиской, а дело читателя увязывать их с текстом или отвергать.

- Природные плазмоиды тоже нельзя увидеть?
- Можно увидеть результат их взаимодействия с ионосферой. Это северное сияние.
- Искусственные плазмоиды мощнее северного сияния?
- В сто тысяч, в один миллион раз мощнее.

«В ходе экспериментов с искусственными шаровыми молниями было обнаружено, что энергия, затраченная на создание плазмоида, в десятки раз меньше энергии, которая выделяется в форме тепла при его разрушении».

«Один грамм вещества в гамма-лучевой бомбе хранит больше энергии, чем 50 кг обычного ВВ. При взрыве гамма-лучевой бомбы почти не происходит выпадения радиоактивных осадков, однако всякий, кто вдохнул частицы вещества, может получить стойкое расстройство здоровья».

«Ключом к... является способ определения явлений нестабильности окружающей среды. Тогда достаточно стимулировать их относительно небольшим зарядом энергии, чтобы высвободить гораздо большие энергетические объемы».

«Ежедневно в атмосфере регистрируется несколько таких естественных образований, возникающих под действием «солнечного ветра» и быстро рассасывающихся. Но искусственные плазмоиды обладают одной отличительной особенностью – пока действует «накачка», они стабильны и обладают заданными извне характеристиками. Плазмоиды хотя визуально и не видны, дают мощную засветку на экране радара. Бывали случаи, когда в район с координатами засветки направлялись истребители. Прилетают, а там – пусто. Как не вспомнить НЛО».

«Что касается тревоги по поводу «плазменных образований в атмосфере», то «пока нет никаких оснований для запрещения исследований в этом направлении по экологическим соображениям». «Следует ясно представлять, что основанием для правильного понимания и критики научных исследований должны быть известные физические законы, а не ссылки на НЛО или маргинальные теории».

Вопрос самому себе: теперь понятно, почему только зимой, в темноте полярной ночи?

Гибель туристов – побочный эффект.

В руках ксерокопия обложки дела с датой заведения «б». Не верю, но многое указывает, что не прав я.

В чем власти ошиблись? Ай-яй! Да одно то, что в могилу подселили стороннее тело, а потом пытались подселить еще одно. Цель? Количество должно совпадать, мол, все забудется, а число 9 останется. Ни фиги! Эффект сработал в вечность.

– Это отметили еще тогда.

– Кто отmel?

– Следствие.

– Следствие запросило о побеге? Да. А в ответ мы поймали. Я поставил вопросы: а был ли мальчик Ваня? Сколько бежали? Всех ли вернули? Понимаешь, к чему клоню?

– Зеки из соседней палатки?

– Соображаешь, Митрич! Я не могу подтвердить сведения вторым источником, надеюсь, что пока не могу, но ни один из «пойманных» не дожил даже до конца поисков туристов. О каком побеге речь! Они что, мастера спорта, спецназ, обученный выживать в тех условиях, в середине зимы?

Еще о следствии. Оно запросило проверку слуха о шпионе? Говорят, не подтвердилось. Да в такой истории второе подают без гарнира, соуса и в грязной посуде.

О Кривонищенко он не верит. Ох, ты, душа инженерная. Ты знаешь, что такое режим в ЗАТО? Тот, что у нас, жесток, но объемы не те. И то вы не знаете, что баба Нюся из вашей лаборатории ко всему еще и капитан ГБ. А в закрытом городе еще круче. Ты только собираешься в конце месяца горошницы покушать, а у них в плане пункт стоит: открыть в твоей квартире форточку. Лично через это прошел.

В нынешнем Лесном спросил случайную девицу о чем - то, типа «как пройти в библиотеку?» Спросил и забыл. Меня заставили вспоминать. Неделю вспоминал. Вспомнил факт, но девицу описать не смог, помню, что крашенная под рыжую. Думал, в Туре утопят.

– Ты такой светлый, один докопался, а следствие и сотни других за 50 лет?

– Я второй такой светлый. Первым был Шлиман, он поверил Гомеру и нашел Троицу.

Во-вторых, я не один и пространство не разряжено, а загажено информацией.

В-третьих, остальные сотни не столько анализировали, сколько искали болты и гайки, замеряли до миллиметра склон. Спасибо им, что накапливают информацию, что делаются ею.

В-четвертых, это должен был сделать кто-то, кто не обременен особыми обязательствами перед системой. Первым был Яровой. Он обратил внимание на команду рыжего, на домик. Его «Категория высшей сложности» в третьем варианте не что иное, как прозрачная шифровка. В первых двух вариантах еще меньше кодов. Он вынужден был согласиться на третий вариант, ибо у него беда – подписка о неразглашении. До сих пор не пойму ее магию. Когда на руках стал появляться первый вариант, кто-то умный допер, подослал рыжего, и Ярового не стало.

– Не думал, что сам под рыжим ходишь?

– Тоже мне, Аляска! И я, и ты, и тот, кто нас слушает. Не для Оскара старался. Пером я приближал вечность, а продлил грех.

– Ни одна тайна не стоит так дорого.

– Давай сразу разделим: тайна отдельно, туристы отдельно. Сначала о тайне. Есть такие, в которые столетиями вкладывают средства, а они не выходят на свет. А вот была ли тайна здесь, или это забор, чтобы не увидели иное?

– По всему, да!

– Верю в это. Точнее, хочу верить. Особенно после знакомства с показаниями Пауэрса. Не отчетом из зала суда, а данными еще в Свердловске.

– А этот каким боком?

– Не подбивай меня бросить рукопись в топку. Без меня найдутся истопники Гоголи и Пушкины. На такую роль у нас каждый второй народный артист. Я тут пару тестов закладывал на столе, утром прихожу – читали. Так что, скорее истопником стану, нежели сдам своих информаторов.

А Гарри, мать его Поттер, летел на тот самый север, а потом уже к шведам. По Инке получается, что он собирался повернуть на окраине Свердловска. Да насрать ему и его хозяевам на города, им веси интереснее.

– Так и М-треугольник рядом.

– Я бы хотел, чтобы он был на самом деле. Без него как-то грустно. Но я знаю тех, кто туда ходил, сидел в засаде, расспрашивал, но как-то не случилось.

У меня в тексте тоже есть коды. Куда без них, как и без полномочий. Я закончу эти письма рассказом Шунина.

– Владимира Львовича?

– Я ему сообщил об этом. Он звонил. Он с первого дня в теме. Ходил, искал, встречался, слушал и слышал. Звонил, потому что обнаружил у себя какие-то забытые давно бумаги, дневники. Он записывал даже оговорки причастных. Чего стоит одна эта: «Виновные есть, виновные наказаны». «Они вели себя очень мужественно». А один из бывших гулаговских военных с интонацией сказал: «Не ожидали, что такой шум поднимут. За год в об-

ласти пропало без вести сотни людей и ничего. А у этих и друзья верные оказались, и родители постарались».

На этот раз в его рассказе нет походов, в нем шары. И это не дань моде, не шифр. Я отдаю должное его честности и здравости. Не хотелось бы верить его рассказу, но еще меньше желания верить Дарвину.

Думайте что хотите, ваше правое дело. Но помните, что успех любого исследования зависит от количества участников разговоров. Я в числе тех, кто считает их главными. Иные бьют на экспертизы. Пусть так. Но ее результаты призваны помогать получать ответы, а не ставить новые вопросы. Поэтому допрос, опрос, прослушка и просто беседа стояли и будут стоять во главе. От слова идет толчок. Первыми это поняли и взяли в работу клеветники. Со времен Иешуа много полегло от слова.

– Откуда ты взял эти псевдонимы, этих рыжих? Ведь она не видела убедительно.

– Вот тебе выписка из протокола допроса Пауэрса. Лучше его не объяснишь. «Имя было у меня то же самое, фамилия – Палмер. Это необходимо для того, чтобы люди, которые не связаны с данным подразделением, при несчастном случае не узнали, что он произошел, скажем, с Пауэрсом».

Кстати, тоже погиб в катастрофе вертолета при загадочных обстоятельствах. Вроде, как горючего не хватило. В отличие от наших странных похорон, Гарри хоронили с почестями на Арлингтонском кладбище, да еще наградили за полет.

По поводу рыжих ты, Митрич, совсем омегаполнился. В детстве я потискал в воде, вдали от селения, соседскую девчонку. Не успел просохнуть, а ее мать уже успела пообещать моей матери меня кастрировать. Когда я трахнул местную старую дурочку, не успел слезть с нее, как налетел на ремень.

Чем отличается село в двадцать тысяч от мегаполиса в полтора миллиона? Только скоростью распространения подобной информации. Пропускной способностью сарафанного радио. Элементарно, Митрич!

Вот тебе пример из нашего пятидесятилетнего коллектива. Попросил скачать с Инки пару страничек о «Циклоне Б». Через полчаса вижу странные лица приятелей. Им запретили это делать. Дурь? Да, дурь, ибо через час на столе лежали вот эти странички, скачанные за стенами фирмы. Вот тебе и «будьте здоровы» на мой чих.

– Куда делись эксперименты на севере? Не слышал о них нигде.

– Одна из причин разговорчивости Владимира Александровича в том, что ему попали недавние результаты экспериментов на авиабазе в Штатах. По его словам, он чуть не обоссался, когда прочитал свои формулировки того периода. Да ты сам сотню примеров можешь привести, когда наши работы всплывают за бугром. Мы умеем добиваться результата, вот только мы не мастаки их использовать. Уверен, твоя работа раньше появится там по независимым от тебя причинам, хоть ты инженер из еще допетровской династии.

– Почему тогда Иванов почти уверовал, что это дело рук НЛО?

– Ответ из той же серии. Почему больше месяца не мог подступиться к «особой», хотя ничего иного сказать не собирался? Неужели что-то ушло или пришло? Нафик я свои сомнения изливал? Потому, что я мыслю? Полная шиза. Мыслит даже тварь за деревом, как меня сожрать. С потрошками или оставить их на десерт? Деликатес, блин. Как тут без номерной лексики. Потрошки. Да просто кишки, очищенные от говна.

Юрий Михайлович прав. Если у тебя не диагностировали паранойю, это не значит, что за тобой не следят.

Уберем первое «не». Получится: если у тебя диагностировали паранойю, это не значит, что за тобой не следят. Так логичнее.

Уберем второе «не». Если у тебя диагностировали паранойю, это значит, что за тобой не следят. Еще логичнее.

Убираем третье «не». Если у тебя диагностировали паранойю, это значит, что за тобой следят. Слабовато с логикой, но смысл в том, что и так может быть.

Круто? Тогда получается, мне говорят то, что я хочу услышать? Так они не знают, что я есть. Я существую на шести сотках информационного пространства.

Из-за твоих сомнений я почти с твоим участием перепроверил информацию о кыштымском шпионе. Люди нашли еще бодрого участника событий, задали ему вопрос в моей постановке, где я сманипулировал с «не», ответ получил в истинном виде.

Мне нравится постановка вопроса: тебе честно сказать или правду? Крути-верти, но тогда шла разработка иносети. Того, кто затеял в ней игру в куклы, так и не вычислили. И работа эта никогда не прекратится. Поэтому я умышленно сделал ошибку в трех буквах, дабы при необходимости попробовать прикрыть свой зад. На это ушло больше месяца.

По поводу Иванова читай рассказ Шуни.

рассказ Шунина

В июне 1962 года Боря Мерзляков, Леня Соловьев и я собрались поехать в конце рабочего дня порыбачить. С утра шел ливень, к вечеру он прекратился, и наш мотоцикл скорее плыл, нежели ехал.

Остановились ниже деревни Верхнее Макарово, где в Чусовую впадает ручей. Готовили снасти под обсуждение виденного минуту назад зайца. Белый заяц – летом- то! И раза в три крупнее.

На другом берегу стоял мужчина в новом сером комбинезоне. Я тогда решил, что отвлекся и не заметил, куда он делся.

Раздался гул. В полусотне метров из-за кустов поднялась черная туча. Она росла и двигалась на нас. Мы сбросили одежду и спрятали ее в люльку. Туча накрыла нас, и шум стал походить на удары крупных капель дождя по листьям, но воды не было. Потом туча ушла в сторону деревни, стали видны ее ровные края.

Мы, инженеры, не находили объяснения явлению. Побежали к месту взлета этой бяки. Увидели три выжженных пятна и торчащие из земли эластичные канаты.

Не сразу мотоцикл завелся, и мы помчались в город. Нам никто не верил, смеялись.

Второе наблюдение случилось по дороге в Курган. Вижу в окно нечто, похожее на дирижабль. Все пассажиры прильнули к окнам. Наверное, то же самое было в иллюминаторах той «бяки», которая четверть часа шла параллельным курсом, а потом свернула.

Если в первых двух случаях я не сомневаюсь, то третий ставит в тупик до сих пор.

В будний день 2002 года ехал в поезде с дачи на Крутихе. В вагоне были я и в дальнем от меня углу четверо молодых парней.

Смотрю в окно. Подошел старший из парней, разговорились. Сначала принял его слова за шутку. Коротко. Они пришельцы, служат правителю, создавшему землю и всех ее обитателей. Было пять цивилизаций. Нынешняя пока приемлема, исправно платит виру – дань редкими металлами. Они надзирают за людьми. Равномерно расселены по всей планете. В России их поселения в районе Москвы, на границе Пермской и Свердловской областей. Сейчас осваивают район Ирбита.

Я хотел угостить их ягодами своего урожая, но собеседник отказался, сославшись, что животная и растительная пища – яд. Сами они питаются крахмалом и ключевой водой. На мои каверзные вопросы отвечал сразу и точно, а про то, чего я не знал, говорил уверенно. Например, когда погибла Атлантида? 6823 года назад. Поди, проверь!

– Вы не там ее ищите. Ищите в районе Сейшельских островов.

Я даже не знал где это.

Полтора часа пути пролетели в скепсисе, но быстро. Он описал несколько типов их летательных аппаратов. Один тип совпал с мною виденным.

– Почему не выходите официально?

– Начнется хаос. Люди перестанут верить и подчиняться своим правительствам. Опыт есть. Мы в контакте только с главами государств.

– Я ведь всем расскажу.

– А кто тебе поверит, – он улыбнулся.

– Можешь доказать, что это не выдумки?

– Через два месяца вы откроете еще два спутника Сатурна.

На выходе из вагона он протянул мне листочки с текстом.

Я почти забыл эти сказки, как вдруг через два месяца слышу по радио, что американские астрономы открыли еще два спутника Сатурна. Вот те на!

Тогда я вспомнил, что, по его словам, вира закончится через 30 лет.

– Что потом?

– Доживешь – увидишь!

вместо эпилога

Столкнувшись с необъяснимым, люди почему-то стараются поскорее забыть виденное. Эта история не забывается вот уже вторую половину века. Значит, ей есть объяснение?

Татьяна НЕМШАНОВА
Фото предоставлено автором

Древний человек в Широким доли

В газете «Синегорье» была опубликована статья Светланы Поздняковой об археологической находке Владимиром Юриным рисунков древнего человека в Ашинском районе Челябинской области. Прочитала заметку, и мне захотелось познакомить земляков со своими находками, сделанными почти сорок лет назад в родной Аше. Надеюсь, они заинтересуют читателей, неравнодушных к прошлому Южного Урала.

Южный Урал, Челябинская область

Увлечшись археологией в 6–7 классе школы и посетив на весенних каникулах Уфимский краеведческий музей, я стала целенаправленно искать следы пребывания древнего человека в Аше. Прежде всего, в Широким доли – в окрестностях Козьей пещеры и в соседних с ней. Мне удалось обнаружить стоянку древнего человека. Это было весной 1972 года.

На берегу горного ручья я нашла кремниевые и яшмовые отщипы, сломанную заготовку наконечника стрелы в форме цилиндрического бруска с гранями. Древний мастер равномерно «обтесал» её со всех сторон – как карандаш; когда же процесс близился к завершению, острый конец отломился, и мастер его забраковал.

Татьяна Немшанова родилась в с. Кропачево Ашинского района Челябинской области. Окончила Свердловский горный институт по специальности «Поиск и разведка месторождений полезных ископаемых». Работала на севере Югры. Печаталась в природоведческом журнале «Муравейник» (Москва), газетах «Жизнь Югры» и «Стальная искра» (Ашинский район). В нашем журнале это ее вторая публикация. Живет в пос. Саранпауль Ханты-Мансийского автономного округа.

Работал древний человек по методу «отщипа». Это ювелирный труд, требующий большого терпения, ловкости, опыта и знаний. В детстве я много расколола камней, извлекая окаменевшие раковины, пытаюсь высекать огонь, как первобытный человек... Острые края осколков кремния режут сильнее, чем нож! – это навсегда запомнили мои пальцы и руки...

Здесь же я нашла «наковаленки» – кремниевые валуны, диаметром более тридцати сантиметров – со следами ударов, – на них тоже работал мастер. Кремниевые и яшмовые отщипы, как древесная стружка, были разбросаны рядом. Близ кремневой «наковаленки» лежали отбракованные крупные гальки кремния со следами первичных сколов. Скальванием углов гальки мастер придавал наконечнику первоначальную форму, близкую цилиндрическому или конусовидному многограннику; после чего отщеплял тонкую кремниевую щепу равномерно, добиваясь идеальной формы и качества каменного наконечника. Из одной крупной гальки диаметром десять - двадцать сантиметров он делал один наконечник стрелы. Каменная «стружка» имела размер от пяти миллиметров до одного-двух сантиметров.

Рядом я нашла кремниевый скребок из серо-зеленоватого

камня (с р. Сим). Вначале приняла его за бракованный кусок кремния (скол). Обработан он был довольно грубо, как вначале мне показалось: в нём не сразу можно было признать скребок – нож. Но взяв в руку, я обнаружила выбоинки, в которые чётко легли мои пальцы. Как оказалось, выбоинки весьма искусно были подогнаны под небольшую женскую ладонь. Когда я держала скребок в сжатой руке, он прочно и удобно зажимался пальцами, не травмируя краями. Меня поразило, насколько точны, ловки и выверены были движения руки древнего человека, придающие камню такие ювелирные грани.

Ценность находки в том, что найдена палеолитическая мастерская древнего человека – место, где искусный мастер десятки тысяч лет назад изготавливал наконечники стрел и «домашнюю утварь» из местного камня! Весь набор каменного инструмента оставался непосредственно на месте работы (под эродированной глиной!). Ещё тогда у меня возник вопрос: «Что или кто заставил древнего мастера бросить свою мастерскую? Предметы его деятельности лежали так, словно он куда-то просто отошёл на время, но больше не вернулся никогда... Судя по количеству и составу кремниевых заготовок, запасов кремневых галек, количеству кремневой щепы, месту их нахождения, древний человек трудился здесь и жил долго, и успел изготовить немало каменных изделий.

А вот еще одна загадка. Спустя тысячелетия на этом месте сохранилась чистовина – «поляна» посреди густого широколиственного леса, не зарас-

Южный Урал, Челябинская область.

тающая целые века. В течение более тридцати лет с момента её обнаружения на «поляне» почти не растёт трава, кустарники и никогда не росли деревья! Глухой вековой лес вплотную подступает к ней, но не перешагивает «заколдованную» черту. На поляне нет следов пней, корней. Находясь на берегу ручья, она не обводнена и не заболочена. Ширина её не более десяти метров, протяжённость – не более двадцати – тридцати. Несколько лет назад ураганный ветер вывернул с корнями и повалил высоченные древние ели в округе, но ни одно дерево даже макушкой не коснулось чистовины!

Какие таинственные силы удерживают лес от наступления на исторический памятник, храня его от забвения во времени? Я много раз задавалась этим вопросом и пришла только к одному выводу.

Древний человек, что здесь жил, несомненно, был искуснейшим мастером. Он имел уникальные познания в изготовлении каменных орудий труда; удачливый и опытный охотник, он, вероятно, обладал древнейшими сакральными знаниями, позволяющими остановить наступление леса даже спустя тысячелетия. Скорее всего, древний человек знал и местные яды, которые использовал не только в охоте. Аналогичные особенности мест древних поселений я встречала и на севере Югры, где жили предки древних охотников Зауралья, и в Западной Сибири, месте обитания предков угров. Скорее всего, древние охотники Урала и Сибири, начиная

с палеолита, имели обширные знания о природе и мироздании, иначе не объяснить, как можно победить хищника весом в тонну человеку с каменным копьём?!.. – это нереально! Так же, как сомнительно, что древний человек копал ловчие ямы на гигантских животных в скальных грунтах Аши. Но он был превосходным охотником! Очень возможно, что он применял на охоте змеиный яд и яд растений типа цикуты – в те эпохи было множество иных растений, о которых мы не знаем.

Древний мастер собирал крупные гальки и кремниевые валуны поблизости от своей мастерской – в соседнем ложке, менее чем в километре от жилья. Отчасти, вероятно, он поселился в Широком доли из-за наличия именно кремния – издали не наносясь!.. Кремль Широкого дола преимущественно светлой окраски – белый, белёсый, светло-серый. Серый и синевато-зеленоватый кремль, красную пёструю яшму он приносил с берега Сима из аллювия (где сейчас город Аша). Среди отщипов его мастерской в небольшом количестве встречается сургучно-красная с зелеными пятнами яшма. Такой камень в аллювии Сима в городской черте Аши редок, но именно этот камень широко использовался для изготовления каменных наконечников по всему Уралу, Предуралью и Зауралью. Вероятно, древние мастера приносили его издали. И найдя даже одну крупную гальку в охотничьих странствиях, дорожили ею, переносили с собой на большие рас-

стояния. Отщипы таких яшм встречаются за сотни километров от их месторождений! Не исключено, что древний человек «приторговывал» ими, как-то передавал друг другу..

Почему же древний человек облюбовал Широкий дол и берег Сима? Судя по найденным звериным костям, Ашинские леса той эпохи были чрезвычайно богаты дичью, а река Сим и ее притоки – рыбой. Здесь обитали в большом количестве утки, гуси, боровая дичь. Много было пушного зверя – белки и соболя; водились олень и лось. В ручьях и реках ещё в тридцатые – сороковые годы двадцатого века мои родственники детьми мешковиной ловили форель! В ашинских реках обитала белорыбица, таймень, хариус! Здесь изобилие качественной кремнистой породы для изготовления орудий лова и быта. И много пещер, где можно пережить холода!

Древний охотник не имел помощников – охотничьих собак. Если б у него были собаки, то не сохранилось бы звериных косточек в таком количестве и сохранности – собаки их просто съедают! Хотелось бы оспорить и распространённое мнение, что «пещерный человек» постоянно голодал. Голодая, он бы не оставил кости в пещере! Но вот костный мозг он съедал – берцовые кости на стоянках в Ашинском районе встречаются расколотыми – с

острыми краями. Костный мозг – лакомство любого охотника и поныне!

Хотелось бы развеять миф о том, что древний человек был «диким», «бескультурным». Он обладал богатыми знаниями о природе, недоступными современному человеку. Хорошо разбирался в камнях и отыскивал их в своих охотничьих странствиях. Прекрасно владел техникой обработки кремнистых пород и довёл своё мастерство до совершенства. Он был великолепным охотником. Обладал и силой, и храбростью, и ловкостью, если с каменными наконечниками шёл на крупных хищников – медведей! Добывал оленя и лося! Метко стрелял в уток и соболя! Скорее всего, умел врачевать, знал травы и яды. Умел рисовать! Его пальцы способны были выполнять тончайшую ювелирную работу по обработке камня. Он кочевал на большие расстояния, ориентировался на местности без компаса и много видел, много общался, обменивался знаниями и опытом. Ему не чуждо было понимание красоты природы – все древние стоянки, где я была, и на Урале, и в Сибири располагались на живописных берегах рек или озёр. Древний человек отнюдь не был примитивным, как мы привыкли высокомерно считать, он просто был иной, потому что жил в гармонии с природой, не обречённой техногенным прогрессом на исчезновение. Он прекрасно обходился без железа, так же как и Земля была бы сохраннее без пушек и атомных бомб.

Валентин БЫКОВСКИЙ

Спасители

Солнечный лучик коснулся века, но Санька уже давно не спал. Сладко потянувшись, перевернулся на живот, утопив лицо в духмяном сене. Аромат даже прошлогоднего укуса пьянил и кружил голову. Скрипнувшая дверь заставила выглянуть в щель сеновала. Быстрой синичкой от дома к сараю в своем сине-желтом сарафанчике прошмыгнула Аленка.

Санька тепло улыбнулся. Сегодня они расстались далеко за полночь, вот теперь и утро оккупирует эта озорная девчонка.

Зарывшись в сено у самого лаза, решил подкараулить проказницу. Прошло не меньше минуты, а Аленки все не появлялась. Не вытерпев, выглянул в люк и оказался ошарашен веснушками, блеском огромных васильковых глаз, смехом, визгом и ведром холодной воды.

– Ага, попался, братик! Ура! Попался, попался! – Радость сестры казалась беспредельна. Аленка скакала по сараю и хлопала в ладоши – ну как же, обманула не просто старшего брата, а еще аспиранта столичного университета.

– Ладно. Поймала. Давай полотенце-то.

Пока вытирался, сестренка успокоилась.

– Пойдем в дом, Санечка, мамка завтракать зовет.

– Завтракать? Завтракать это хорошо, это здорово.

А папаня дома или опять умчался?

– Какой– дома? Ты же его знаешь. Чуть свет уже на страоре, по фермам и полям поехал. Ну, пойдём. Мамка заругается.

– Пойдем, пойдём.

На дворе Александр повернул лицо навстречу солнцу, зажмурился и снова с удовольствием, до хруста, потянулся. Аленка с восхищением и гордостью глядела на брата. Метр восемьдесят три, сложение, почти как у Аполлона, копна густых русых волос, голубые с искорками глаза. Гренадер, одним словом, как называл его папка. А если этот красавец еще твой брат, то можно от гордости лопнуть.

Есть не очень хотелось, вечером Аленка закармила бутербродами и баранками с молоком, но чтобы не обидеть мать, Санька проглотил пару оладий, запил квасом и отправился на речку. Сегодня последний

день его пребывания в Тальменке, и хотелось перед отъездом еще раз окунуться в прохладу вод Чумыша.

Конечно, Аленка увязалась с ним. На протяжении всего отпуска сестра практически не оставляла Саню одного. Слушала, задавала вопросы и снова слушала, ее интересовало буквально все о жизни в столице. Отец планировал, чтобы «младшенькая» закончила Крестьянскую Академию и стала бы его помощницей и преемницей. Но директор гимназии лично приезжал к нему и убедил отдать Аленку в столичный Институт Естественных Наук (ИЕН). Оказалось, что у девчонки большие способности в области физики и техники. В этом сентябре Александр должен встретить сестру в Екатеринбурге и, конечно, присматривать за ней, что сулило непредвиденные затруднения.

Санька прыгнул в воду и, изо всех сил работая руками, быстро поплыл к противоположному берегу. Выскочив на сухой песок, торжествуя оглянулся – впервые за весь отпуск обогнал Аленку, но, увидев, что сестра сидит на другой стороне реки, обхватив ноги руками, разочарованно вздохнул и шагнул назад в воду.

– Я думал, что мы, как всегда, посоревнуемся, – упрекнул Александр, разлегшись на спине и блаженно подставив лицо утреннему солнцу. – Размечтался, решил, что победил. А ты вот здесь осталась. Что случилось-то?

Аленка как будто не слышала, упершись подбородком в колени, витала вместе со своими мыслями далеко-далеко. Санька приподнялся на локтях:

– Эй, сестренка. Ты где?

– Вот ты уже взрослый, братик. – Спросила, как ни в чем, ни бывало: – Скажи, почему так странно устроена жизнь? Люди рождаются, растут, учатся, и стремятся улететь из родного дома, словно птицы из гнезда. Но птицы всегда возвращаются, чтобы воспитать новое потомство, а вот люди не такие, люди могут и забыть о родном доме. Ты хотя бы каждый год в отпуск приезжаешь. А где старшие? Где, я спрашиваю, Денис с Алексеем? Через пересыльника спросят, как дела, денег пришлют, как будто нам не хватает. Но я-то знаю, как мамка и папка их увидеть хотят, на внуков

Быковский Валентин Иванович родился 11 апреля 1961 г. С 12 лет увлекся фантастикой, в 16 написал рассказ и отправил в журнал «Техника молодежи».

Служил в армии с 1979 по 1981 г. Окончил Орехово-Зуевский пединститут, физико-математический факультет, в 1987 г. Работал учителем в средней школе № 14 города Ногинска. В 1994 г. ушел на мебельное производство, где по сей день руководит цехом.

посмотреть, ведь за шесть лет один раз только и приезжали. Или вот Николай? Я понимаю, что он погиб как герой, но старикам от этого не легче, и иногда мне хочется все им рассказать.

– Да ты что, Ален? – Александр присел рядом, приобняв сестру за плечи. – Что на тебя накатило? Говоришь, я – взрослый, а сама, как умудренный жизнью философ, рассуждаешь.

Начало разговора озадачило и даже немного расстроило Саню. Дело в том, что старший брат погиб шесть лет назад, вместе со всей Третьей Антарктической Экспедицией. Это сейчас сканирование льда производят до самого скального основания, а тогда лагерь, простоявший несколько лет, за считанные мгновения провалился в трещину. Никто из семидесяти шести человек не выжил. Оставшиеся братья приняли решение ничего не сообщать родителям, да и Аленке рассказали совсем недавно.

– Не знаю, чего это я. Может из-за того, что учиться уезжаю. Родителей жалко: одни остаются. – И без всякого перехода: – Сань, а у тебя случалось такое, что если бы возникла возможность, то ты прожил жизнь по-другому? Ну, вернулся бы назад и совсем иначе все сделал? А?

– Дааа, вопросик. Все иначе конечно нет, но за некоторые прошлые поступки мне бывает стыдно. Например, когда тебя дразнил.

– Опять шутишь. Я серьезно.

– Серьезно? Не буду лукавить, кое-что я бы изменил, но ведь все равно это невозможно. Так что остается только сожалеть и не совершать одних и тех же ошибок.

– Я тебе сейчас расскажу свою мечту и открою тайну. Только обещай, что не будешь смеяться. Обещаешь?

– Обещаю, обещаю.

– Нет, ты поклянись. – В голосе девушки чувствовалось столько твердости и в то же время мольбы, что Саня немного смутился.

– Клянусь! – торжественно произнес Александр и приложил руку к груди.

– Я тебе верю. Спасибо, братик. – Аленка со слезами на глазах повернулась к нему и поцеловала в щеку. – До нынешнего лета мне казалось, что все в моей судьбе расписано на многие годы вперед. Что выучусь на агромеха, заменю папку, выйду замуж, и так далее. К нам в гимназию из Екатеринбурга приехал новый учитель физики. Раньше он преподавал в каком-то столичном вузе...

– Как его зовут? – перебил Александр.

– Мирон Ефимович Черепанов.

– О, да я его знаю! Нас даже были представляли друг другу. Слышал, что у него проблемы со здоровьем.

– Да, врачи посоветовали ему сменить климат. В общем, увлеклась я серьезно физикой. Разработала новую теорию, Мирон Ефимович назвал ее теорией относительности. Эти исследования позволили мне сформулировать и развить теорию времени. Из-за моих успехов директор к папе и приезжал. Ты же знаешь, что

физику у нас несправедливо относят к второстепенным наукам, я хочу исправить это положение. И вот теперь мне предстоит покинуть дом, и наверняка сюда больше не вернусь. Нет, конечно, приезжать смогу в отпуск, но мне кажется, что это не совсем честно. А?

– Да ладно, успокойся и не бери в голову. Многие и многие поступают так, и ничего. Жизнь это такая забавная и грустная штука, что не знаешь, хорошо или плохо все то, что в ней происходит. А за родителей не беспокойся, в нашем государстве, сама знаешь, никому не дадут пропасть, да и мы всегда поможем. И кстати, со мной в общежитии живет Петя Северков, аспирант из ИЕН. Вот уж одержим физикой – ты мне его сейчас напомнила. Так и быть, познакомлю.

– Спасибо. Забавная и грустная штука? Интересно подмечено. А мечта и тайна у меня такая. Мне кажется, что я теоретически решила возможность путешествия во времени. Что ты улыбаешься? Не веришь?

– Ален, я постоянно путешествую во времени: это моя работа. Так что верю, верю.

– Санька, ты путешествуешь только в прошлое, да и то виртуально, по старым документам и книгам. А я разработала теорию физического переноса во времени не только в прошлое, но и в будущее, туда, вернее, КОГДА еще никто не попадал. Вот. Поэтому я решила поехать учиться в Екатеринбург, и попробовать воплотить свою теорию в жизнь. – Глаза Аленки горели фанатичным огнем, упрямый подбородок и плотно сжатые губы не вызвали сомнений в твердости намерений.

– Хорошо, хорошо. Конечно, воплотишь. Конечно, все исполнится. – Александр даже немного испугался. – Ну а мечта – то какая? – решил чуть изменить направление мыслей.

– Мечта? Ах да. Используя мое изобретение, я надеюсь улучшить наш мир. Ведь воздействуя на ключевые точки в развитии человечества, можно менять историю.

– Ух ты! Дааа. – Саня присвистнул. – А ты понимаешь, что это не такое простое дело, да и очень ответственное?

– Все я понимаю. Поэтому и не собираюсь торопиться. Можно попробовать с незначительных изменений, проанализировать... Ой, размечталась, как будто уже умею перемещаться. Хотя уверена в успехе, но торопиться не хочу. И у меня, братик, есть к тебе маленькая просьба. Ты можешь определить пару таких ключевых точек? Как историк?

– Ален, хватит. Шутки шутками, но... Я уважаю твои устремления, верю в твои способности, но даже если то, о чем ты говоришь – правда, вмешательство в историю может привести к катастрофе.

– Говорю же: не нужно спешить. Все сто раз проверим перепроверим. Пойдем домой, а то тебе пора уезжать.

Прошел год. Александр закончил аспирантуру и остался преподавать в университете. Петр и Аленка, как говорят, нашли друг друга. После того, как Саня

их познакомил, кажется, что эти два фанатика никогда не расставались. Огромный меланхоличный Петр с шевелюрой цвета крыла ворона и маленькая непоседливая Аленка, похожая своей прической на желтый одуванчик, представляли самую колоритную пару студенческого городка. Правда, последнее время они почти все время проводили в лаборатории. Александру даже иногда приходилось носить туда продукты, потому что ребята, увлеченные своими экспериментами, порой забывали поесть.

Лето прошло в каких-то малозначительных хлопотах. В августе Санька и Аленка собрались в Тальменку к родителям, с ними напросился Петр, чему Александр особенно обрадовался.

Первую неделю ребята всю предавались отдыху, но потом «физики» стали под разными предложениями оставлять Саню одного, что его не особенно расстроило. А тут еще приехали Денис и Алексей со своими семьями, и за радостной суматохой никто не замечал отсутствия Алены с Петром. Потом пришла телеграмма от Николая, он предупреждал о своем приезде в двадцатых числах августа. Таким образом, впервые за шесть лет семья собиралась в полном составе, и ожидание этого события поддерживало всеобщую эйфорию.

Как-то ближе к вечеру Саня отдыхал в саду, покачиваясь в гамаке. Солнышко еще ощутимо припекало, и незаметно дрема накрыла его своим невесомым покрывалом. Странное состояние: вроде спишь, и в тоже время ощущаешь все, что происходит вокруг, поэтому, когда Аленка подкралась к нему, Александр уже подготовился к любым неожиданностям. Схватив сестру, привлек ее к себе, гамак перевернулся, и оба с хохотом упали на траву.

– Эй, вы, поосторожнее. Шею сломаете, – Петр, улыбаясь в черные как смоль усы, подошел к ним. – Потом придется головы под мышкой носить.

– А чью шею тебе больше жалко, мою или его? – Задала провокационный вопрос Аленка, указывая на брата.

Петя будто наткнулся на невидимую стену, мгновенно покраснел и стал похож на томат, побитый фитофторой.

«Эко парня проняло. И чего он в ней нашел? Егоза рыжая».

– Да ладно, Петечка, я знаю, что моя, – продолжала ехидничать Аленка. – Но и его тоже нам понадобится сегодня. Давай, говори. – И подмигнула с хитрым видом.

– Говорить? Ага. Сейчас. – Петру понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. – Саш, мы хотели обратиться к тебе с одной деликатной просьбой. Видишь ли, ты как человек образованный, стремящийся к познанию нового, неизведанного, – краем глаза Саня видел, что сестра от нетерпения вот-вот взорвется, – не откажешь помочь нам в одном щекотливом деле и...

– Что, жениться надумали, перед родителями похлопотать? – перебил Александр.

– Еще чего! – взвилась Аленка, покраснев не меньше Петра. – Вот ведь придет же в голову. А еще аспирантуру закончил. Как маленький, право.

– Тогда говорите, что надо. А то тянут kota за хвост.

– Дай я. – Алена выступила вперед. – Братик, помнишь, я просила тебя подобрать ключевые точки истории? Помнишь? – Удовлетворившись Санькиным кивком, продолжила: – Вот и настало время отчитаться о проделанной работе.

– О какой работе? – не понял Александр.

– Ты, что ли, глупый? – Год учебы в институте никак не отразился на манерах Алены. – Точки, точки давай.

– Отстань, а... – Саня покрутил пальцем у виска. – Со своей идеей фикс скоро совсем чокнетесь.

– Саша! – Аленка в упор смотрела на него. – Саша! Нам нужны ключевые точки. Действительно нужны. У нас все получилось.

– Что получилось? – Верить не хотелось, но холодок предчувствия пробежал по спине. – Как это может получиться? Это вообще не может получиться. Хватит меня разыгрывать. Идите вон лучше... искупайтесь, что ли. Охолоните немного.

– Сань. Ты это. Ну, действительно. Ну, в общем... – никак не мог родить Петр.

– Докажите! – решил быстрее закончить затянувшуюся шутку Александр.

Аленка протянула руку, и Петя вложил в нее коробочку с пересыльником.

«Или вот Николай? Я понимаю, что он погиб как герой, но старикам от этого не легче, и иногда мне хочется все им рассказать».

– Голос узнаешь? У тебя слух музыкальный, видно, что узнал. Эта запись сделана год назад. Я решила, что в случае успеха, первое, что сделаю, это спасу Николая. Ты, наверное, помнишь из газет, как шесть лет назад предотвратили гибель Третьей Антарктической Экспедиции? В той реальности, где сделана запись, они все погибли.

– Да, я помню разговор. Мы на Чумыше с тобой были, но о Коле не упоминали даже. Значит, ты... вы, сделали... как это?

– Ага! Наконец поверил! Да, братик, на основе моей теории мы с Петечкой сделали аппарат, позволяющий путешествовать во времени. И первым делом отправились на шесть лет назад. Просто предупредили соответствующие органы о предстоящей подвижке ледника, и все. Все! Понадобилось совсем немного, чтобы спасти семьдесят шесть жизней.

– А вы подумали о последствиях? – не совсем уверенно спросил Александр.

– Мы рискнули. И риск оправдал себя. Три дня я проверяла, нет ли каких глобальных, серьезных изменений в истории. Так вот – их нет! Понимаешь, Саня, нет! Зато Коля жив, и жена его. А еще у нас есть уже кое-какая статистика. И при помощи этого материала можно предсказывать изменения, происходящие после вмешательства. Со временем, когда накопится больше данных, воздействие на историю станет таким же обычным делом, как построить дом.

– Это же очень сложно!? – непроизвольно вырвалось у Александра.

– Было сложно, – Аленка снисходительно посмотрела на Саньку, – до тех пор, пока я не придумала все это. Ну, что есть у тебя на примете ключевые точки?

– Специально я не занимался, думал, что это ты шутила тогда. Хотя... Дайте мне пару дней, есть у меня одна задумка.

– Хорошо два дня у тебя есть.

Только через неделю «заговорщики» смогли собраться снова.

– Ален, – сразу начал Александр. – Как точно ты можешь, настроить свой прибор или не знаю что там у тебя? Меня интересует время, куда мы можем переместиться.

– Не куда, а где, – веско поправила Аленка. – Все зависит от удаленности во времени, но погрешность небольшая. Плюс-минус несколько часов.

– Ага, так. А как с местом перемещения?

– С этим пока сложнее. Мы окажемся там же, откуда отправлялись. Это нужно еще изобрести – мгновенное перемещение в пространстве. Но я над этим работаю...

– Ладно, ладно, – нетерпеливо перебил сестру Саня. – Тогда скажи, какую массу можно переместить?

– Дело не в массе, а в объеме, – ответил за Аленку Петр. – Темпограф, так мы назвали наш прибор, можно настроить на любую конфигурацию и объем темпополя.

– Это уже лучше, – довольно потер ладони Александр. – А как обстоят дела с возвращением?

– Все, что отправлялось, возвращается в мгновение старта, то есть никто не заметит нашего отсутствия.

– Сегодня двадцать восьмое. Перемещаемся завтра. Нам к первому сентября нужно вернуться в Екатеринбург. – Саня достал листок бумаги. – А это цель нашего путешествия.

– Вот это да! – воскликнула Алена, Петя только присвистнул. – Догадываюсь, братик, что ты задумал, мы с тобой. Да, Петя?

– В Московское Герцогство въезд свободный, туда со всей Европы игроки едут. А доберемся на страоре, возьмем у отца. Главное, рассчитать, в какое число попасть. Петя, как быстро домчимся до места?

– Дня за два.

– Ты сейчас сходи на почту. На мое имя должна прийти посылка, там одежда для экспедиции.

Ночью Аленка и Петя долго не могли заснуть. Александр же спал словно младенец. И вообще, слишком легко и естественно он захватил лидерство, как будто сам все придумал. Костюмы, присланные из столичного музея, оказались в самый раз. Аленка удивлялась, где нашлись такие мундиры, что оказались в пору Саньке, не говоря уж о Петре. Но ей объяснили, что в той эпохе, куда они собрались, люди такой комплекции считались не редкостью, а скорее нормой. В кон-

це концов, усталость взяла свое: сон сморил всех, и только негромкое посапывание выдавало присутствие людей.

После обеда друзья собрались на заднем дворе. Александр привел трехместного страора, генетически выведенного транспортника. Петр и Алена пришли с двумя рюкзаками продуктов и небольшим желтым ящиком.

– Это и есть ваш темпограф? – спросил Саня. – Почему желтый.

– Чтобы не потерять, – ответила Аленка, глядя страора. – Он же здесь остается, а мы автоматически сами вернемся.

– Ну, чего тянуть? Поехали?

– Поехали.

Петр нагнулся к ящику, банально нажал кнопку...

Старый фельдмаршал устал. Очень хотелось снять сапоги, погрузить ноги в горячую воду и чуть-чуть вздремнуть. Время позволяло. Кутузов позвал Голицына.

– Голубчик, распорядись воды нагреть, ноги больно устали.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – князь немного замешкался.

– Что еще? Кто-то из генералов с докладом? Зови.

– Никак нет. Но... тут... Я им говорю, отдыхает, мол, командующий...

– Говори, не тяни. Сейчас любые новости важны.

– Ваше сиятельство, к вам егерский капитан просится, и девица с ним. Говорят, от Давыдова пакет.

– Что же ты? Зови скорее! И чаю организуй курьерам.

В горницу вошли двое. Первой была девушка, за ней – пригибаясь, капитан в егерской форме.

– Жду, жду с нетерпением вестей от друга моего, Дениса Васильевича, – приветствовал гостей фельдмаршал. – Наслышан об успехах его. За пять дней уже такого натворил в тылах французских. Давайте скорее пакет. А вы пока чаю попейте, потом непременно вас расспрошу.

Санька подал пакет Кутузову и вслед за Аленкой сел за стол. Крепкий горячий чай был как нельзя кстати. Двухсуточная дорога сильно утомила, накатывала расслабленность, хотелось спать, но оставалось самое главное – разговор с полководцем.

– Ну, попили? – Кутузов отложил бумагу. – Не обессудьте, еды не предлагаю. После вас покормят, я распоряжусь. Ничего на словах не передавал Денис Васильевич?

– Ваше сиятельство, – Санька откашлялся от волнения. – Мы не совсем от Давыдова.

– В каком смысле не совсем? – Командующий удивился. – Вот же доклад. Я его руку знаю. Он писал.

– Посмотрите дату, ваше сиятельство.

– Дату, дату. Ну и что? Тридцатое августа.
 – Сегодня двадцать восьмое.
 – Ошибся, что ли, подполковник?
 – Нет, не ошибся. Мы из будущего, и этот документ взяли в музее. Очень прошу, Михаил Илларионович, выслушайте нас, – выпалила Аленка.

Кутузов даже подпрыгнул на лавке от звонкого девичьего голоса.

– Вы нас выслушайте, а если послезавтра принесут точно такое же донесение, примете решение, верить нашему рассказу или нет. Ну, пожалуйста, дедушка! – Столько мольбы и слез и еще чего-то необъяснимого чувствовалось в голосе Аленки, что князь сдался.

– Ладно. Только коротко, а то устал я очень. – После небольшой паузы, добавил. – Стар стал. – А глаза смеются, блестят молодостью, знают что-то.

– Мы живем в будущем, через сто двадцать лет, в тысяча девятьсот тридцать втором году. Я придумала прибор, чтобы путешествовать во времени. Я давно хотела путешествовать во времени, но нужно сначала разработать теорию, и я... – затараторила Аленка.

– Постой, сорока, – поморщился фельдмаршал. – Не так быстро. Не успеваю за тобой.

– Дай я, сестренка, – попросил Санька. – Михаил Илларионович, меня зовут Александр, это моя сестра Алена. Фамилия наша Давыдовы, и мы являемся потомками Дениса Васильевича. Но не это главное. Мы хотим с вашей помощью изменить ход истории.

Кутузов молча сидел на лавке, опустив ноги в кадучку с теплой водой. На первый взгляд казалось, что полководец дремлет, но огонек лучины нет-нет да отражался в его глазах.

– А зачем? Зачем нужно, что-то менять? Вы там, в будущем, плохо живете? – после продолжительной паузы спросил фельдмаршал.

– В том-то и дело, что неплохо. Можно даже сказать – хорошо. – Саня как будто ждал именно этого вопроса. – Наше государство, Русская Сибирь, сейчас, ой, то есть через сто двадцать лет, самое влиятельное в мире. У нас нет бедности, продолжительность жизни намного больше, чем в других странах. Почти все наиболее значимые открытия сделаны нашими учеными.

– А как у вас дела в военной области? Какая армия? – поинтересовался Кутузов.

– Армии у нас нет.

– Как это? – Видно, что такой ответ озадачил фельдмаршала.

– Видите ли, после поражения в этой войне... Да, мы проиграли, – с сожалением повторил Санька, в ответ на взметнувшиеся вверх брови Кутузова. – Территория страны уменьшилась почти в три раза. Восточная граница постепенно сдвигалась на запад, но в течение десяти лет окончательно определилась и сейчас проходит по Уральскому Камню. Оставшиеся в живых офицеры и дворяне сформировали новое государство, Русская Сибирь, со столицей в Екатеринбурге. Первым указом правительства стало отмена крепостного права, тем более что и так основное население состояло из вольных поселенцев и казаков. У

Наполеона до нас не доходили руки – огромная территория, завоеванная им, требовала распыления как военных, так и политических сил.

– А что же наш император? Что с ним стало? – спросил Кутузов, чувствовалось, что ему интересно.

– Александр I, после поражения на Воробьевых горах, а потом и разгрома армии Витгенштейна, прикрывающей Санкт-Петербург, подписал капитуляцию. Наполеон оставил его королем Северных Земель. С русским флотом и людскими ресурсами легко завоевана Англия, а потом и вся Европа. Император Франции жаловал герцогства, княжества и королевства своим приближенным, естественно, начались неизбежные заговоры и интриги, Империя распалась на мелкие куски. В наше время на Европейском континенте насчитывается шестьдесят три государства, треть из которых карликовые. Вас же, к сожалению, убили шальной пулей в злополучном последнем сражении. Французы похоронят вас на Поклонной горе с подобающими почестями.

Александр отхлебнул уже остывший чай. Кутузов молчал, хитро улыбаясь одними глазами.

– Сначала Русской Сибирью управлял комитет, состоящий из боевых офицеров. Опираясь на воинские части и гарнизоны, оставшиеся почти нетронутыми в городах, им достаточно быстро удалось установить порядок и наладить управление. Как я уже говорил, все крепостные отпущены на волю, крестьянам безвозмездно раздали землю. В декабре тысяча восемьсот двадцать пятого года произошло поворотное, можно сказать, основополагающее событие в судьбе страны, оказавшее огромное влияние на весь ход истории Земли. За два года до этого из бушующей Франции приехал молодой политик Ипполит Лазар Карно, сын известного политического деятеля Великой Французской революции Лазара Карно сподвижника, а затем противника Бонапарта. Этот, еще совсем молодой человек разработал и убедил тогдашнее правительство принять новую систему управления государством. Уникальность ее в том, что на должности президента и советников-министров назначались люди, отказывающиеся от всех гражданских прав, у них остались только обязанности, они не получали зарплат, не владели никаким имуществом, а только занимались управлением государства.

– И что же, находились такие? – вскинул брови Кутузов.

– Да, и немало. Приходилось даже выборы проводить. Гордость, честь, патриотизм ведь не чужд вам. Отдали бы вы, Михаил Илларионович, жизнь за Россию? Да что я спрашиваю – отдали же.

– Ну не знаю, не знаю. Одно дело пасть в бою, а другое – как монах, отречься от всего. Без бокала вина я себе жизнь не представляю.

– Дедушка, – Аленка упорно не видела в этом старом усталом человеке великого полководца. – Они не монахи. Вы что? Они – как все. У них просто нет иму-

щества никакого, значит, воровать смысла не имеет. А раз сами не воруют, то и другим не дают.

– Ну, если по-простому, то примерно так, – засмеялся Саня. – Все, конечно, сложнее, но в эти футурологические дебри нет смысла углубляться. Я вам быстренько главные моменты нашей жизни расскажу.

Основным направлением политики стало создание аграрного государства, а приоритетными науками биология, химия, ботаника, позже – микробиология, генетика, цитология. Развитие этих направлений позволило за относительно короткий, сорок– пятьдесят лет срок, Русской Сибири выйти на ведущие роли в мире по производству продовольствия. Наши ученые вывели новые и улучшили старые сельскохозяйственные культуры, генетические мутации подняли животноводство на такую высоту, что проблема голода давно решена у нас в стране. Мы на обоюдных выгодных условиях делимся своими технологиями с другими, поэтому скоро у всех на Земле будет вдоволь пищи. Я не специалист, не могу всего объяснить, но у нас не нужно писать писем: достаточно наговорить почтовой птице и она доставит послание по нужному адресу. Перед самым нашим путешествием открыли какие-то волны, испускаемые растениями, так что скоро передача данных будет мгновенной. Для быстроты передвижения тоже выведены специальные животные, например, в Москву мы добирались на страоре. Еще в начале исследований пытались скрестить страуса и орла, и с тех пор всех животных, предназначенных для передвижения, называют страорами. Также мы умеем выращивать дома, пока только стандартные, но скоро обещают и по индивидуальному проекту создать. Вместо армии, если нужно, используются специально выведенные насекомые, так что последняя попытка напасть на нас закончилась очень быстро и совершенно без жертв. Вот в основном и все, ваше сиятельство, если у вас есть вопросы, то я с удовольствием отвечу.

Кутузов молчал, он уже обулся и сидел за столом. Аленка, намаявшись за день, уснула, Голицин перенес ее на сундук и накрыл тулупом. Санька ждал вопросов фельдмаршала.

– Не пойму, если у вас там, в будущем все, так как вы рассказали, зачем тогда менять что-то? Раз вас все устраивает, для чего огород-то городить?

– Я знал, что вы зададите мне этот вопрос, ваше сиятельство. Всех все устраивать не может. Сестра, например, никак не смирилась с тем, что ее любимая физика не является приоритетной наукой. Мне не нравится, что у нас если тебе определили профессию, то до конца дней вынужден этим заниматься. Но главное, я думаю, что раз мы достигли таких успехов, проиграв войну, то каких высот можно было достичь в случае победы! И мы берем на себя смелость посоветовать вам не давать еще одного сражения, а сдать Москву без боя, сохранив армию. Отступить по Рязанской дороге, пополнить припасы и живую силу, а потом обрушиться на французов, тем более что зима в этом году будет ранняя и холодная, а у неприятеля нет теплого обмундирования. За сто лет рассмотрено множество вариантов, но этот оказался самым перспективным.

– Молодой человек, а вам не кажется странным, что в самый критический момент войны командующий принимает у себя и выслушивает бредовые рассказы двух юнцов? Почему не велел сразу арестовать как французских лазутчиков? Предлагать оставить Москву без боя, отдать сердце России иноземцу ненавистному может только враг Отчизны нашей. Как думаете, почему я вас выслушал, а не велел допросу пристрастному подвергнуть?

– Михаил Илларионович, – Саня ничуть не смутился. – Я могу только догадываться, но думаю, что из-за метеорита, то есть камня, упавшего с неба перед Бородинским боем, вы нас приняли и выслушали.

– А про камень как узнал?

– Прошу мне поверить, я знаю вещи, известные только вам. Сколько солдат осталось, сколько пушек, зарядов, ядер, коней. Ваше сиятельство, я знаю, что должно состояться совещание в этой избе, и на нем примут решение о сражении на Воробьевых горах. Но я осмелюсь еще раз посоветовать последовать моим рекомендациям. Вы сами обдумайте этот вариант и убедитесь в его целесообразности. В конце концов, Москва всего лишь населенный пункт, такой же, как и множество оставленных нашими войсками до этого. Москву можно вернуть, а вот армию, разбитую уже не восстановить, и Россию потерянную не возратить.

– Не горячитесь, юноша. Я не первый день занимаюсь этим ремеслом – войной. Неужели вы думаете, что все возможные варианты развития событий мной не рассматривались. Эх, молодой человек, если вы на самом деле историк, то понимаете, что только мое желание не решит всех проблем. Есть генералитет армии, есть император, наконец. Я знаю, что от него послан курьер с приказом о невозможности оставления Москвы.

– Два курьера.

– Что?

– Из Санкт-Петербурга отправлено два курьера с таким приказом. Один перехвачен французами, а вот второй действительно прибудет к вам.

– Ну вот. А вы говорите, Москву оставить. Как я могу?

– Ваше сиятельство, я все предусмотрел, нужно только ваше согласие, и курьер не доберется вовремя.

– Как так? Александр, вы волшебник?

– Да нет, все гораздо проще. Мы прибыли сюда втроем. И сейчас наш товарищ ждет моего сигнала, чтобы перехватить гонца. – Заметив реакцию Кутузова, успокоил: – Нет, нет, ничего плохого не случится, просто Петр задержит служивого на некоторое время, а когда вы отдадите приказ об отступлении, отпустит.

– Но, повторюсь, есть еще Совет армии. Я хоть и командующий, но должен уважать мнение моих офицеров, боюсь, никто не поддержит меня.

– А вот тут вы ошибаетесь, ваше сиятельство. У вас есть союзники, и первым выскажется за отступление тот, от кого вы этого меньше всего ожидаете.

– Генерал Барклай? Один или еще кто-то?

– Нет не один. Но ваше слово решит все. Если, конечно, гонец не явится.

– Ну, допустим, соглашусь я, что мне нужно сделать?

– Вот эта птичка, мы ее называем пересыльник, – Санька достал из-за пазухи пташку величиной с грецкий орех, – донесет условный сигнал нашему другу, курьер не придет, главного козыря у ваших противников не окажется.

– Ладно, отправляй своего соловья, хоть без давления сверху решение примем. А вас пока под надзор посажу – спокойней так мне. Чувствую, что не врешь, но время военное. Буди свою пигалицу.

– Михаил Илларионович, хочу предупредить, вы не удивляйтесь, если мы внезапно исчезнем. Наше возвращение произойдет автоматически – так прибор настроен.

– Исчезнете, как же. Я распоряжусь лучших охранников к вам приставить, так что советую даже не пытаться убежать.

Саня поднялся, взял под руку еще не совсем проснувшуюся сестру и почтительно поклонившись Кутузову, направился к двери. На пороге Аленка остановилась, уже осмысленным взглядом посмотрела на старого фельдмаршала и тихо произнесла:

– Удачи, дедушка.

Входная дверь открылась, впусив в дом клубы морозного воздуха и Аленку, закутанную в огромный пуховый платок. Отряхнув веником валенки, девушка молча разделась, вымыла руки и прошла за стол. Санька терпеливо ждал, когда сестра не выдержит и сама начнет разговор. По необычному поведению он понял, что-то тревожит ее.

– Санечка, – после пятиминутного молчания сказала Аленка, – последнее время меня все время беспокоит одна и та же мысль, что, может, мы зря все затеяли. Мне сначала понравилось здесь. Развитие цивилизации пошло технологическим путем, что особенно радовало. Общество справедливое строят всей огромной страной. Россия цела и даже, больше, чем нам представлялось. Но порой я думаю... Не знаю даже, как выразить...

– Что, опять Петр задерживается? Письмо прислал?

– Ну да. На почитай. – Аленка бросила на стол конверт. – Надо закончить стройку! Не могу бросить друзей! Главное дело жизни! А я? Я, значит, уже не главная для него?

– Успокойся, успокойся. – Саня обнял сестру. – Не плачь, вернется твой Петечка, достроит новый мир и вернется.

– Ыыы... – в голос зарыдала Аленка, отталкивая брата. – Опять твои глупые шуточки. Мы что, должны ждать его?

– Куда ждать? – теперь уже точно глупо спросил Саня.

– Как куда? Мы что, тут навсегда останемся?

– Где?

– Александр, – Аленка строго взглянула на брата, – ты же образованный человек, аспирант. У нас есть ма-

шина времени, как в этой реальности называют мой темпограф, и мы можем отправиться в любое время, какое захотим.

– Во-первых: что стоит моя ученость здесь? История – то совсем другая. А во-вторых: именно поэтому полностью согласен с твоим предложением. Что-то я себя здесь чувствую неуютно.

– Вот-вот, у меня такое же состояние. Думаешь, легко на рабфаке прикидываться дурой?

– Но я боюсь, Петра твоего убедить нелегко – уж очень идеями проникся коммунистическими. Легче заманить его сюда и переместиться. А еще и страора нужно с заимки забрать, не оставлять же здесь.

Санькины рассуждения прервали скрип открывающейся двери и шум ворвавшейся в дом вьюги.

– Хозяева, гостей встречаете? – Бас Павла Владимировича заполнил помещение, словно густая сметана банку.

– Проходите, – Аленка вскочила с табурета и поставила на стол чистую чашку. – Чай горячий, а если подождете, то скоро и ужином накормлю.

– Нет, я на минутку. Благоверной моей нет у вас?

Не снимая милицейской шинели, сосед прошел в комнату, пожал руку Александру и только потом сел на предложенный табурет.

– Вот приехал из тайги, а Марина гуляет где – то. Думал, здесь может. Не заходила?

– Нет, дядя Паша, – Аленка все-таки налила чаю, и подвинула чашку ближе к участковому. – Не заходила.

– Ага. Ну ладно, пойду тогда. А то тут третьего дня из ОГПУ прислали за мной, сопроводил их на Дальнюю заимку, сигнал проверить. – Санька с Аленкой тревожно переглянулись.

– Не знаю, чего они там увидели, я в сарай не заходил, но по разговорам понял, что какое-то невиданное животное нашли, – продолжал Павел Владимирович, нервно теребя шапку. – Пока там оставили, под охраной. А хозяина в Тальменку привезли, завтра пойдут по дворам искать, чья это животина. Ладно, пошел я, может, вернулась Маринка уже. – Сосед встал и, кивнув, быстро вышел.

– Сань, а Марина дома сейчас. Я, прежде чем домой прийти, к ней заходила.

– Вышла, может, куда?

– Куда? В такую погоду? Павел Владимирович нас зашел предупредить.

– Не зря говорят: делай добро, и оно к тебе вернется.

– Кто тогда думал, вернется добро или нет? Ребенок болел, и нужно помочь, вот и помогли. Саня, давай вызывай страора и Петру отправь пересыльника, пусть подготовится к нашему прибытию. Думаю, пора ноги уносить. Ты согласен?

– Конечно. Как бы страор не покалечил ОГПУшников.

– Нашел о чем беспокоиться. Подумай лучше, куда направимся. Я пошла собираться.

Санька вздохнул, наговорил пересыльнику послание для Петра, выпустил в форточку вместе с сигнальником для страора и с грустью вспомнил родительский сеновал, первые солнечные лучики и запах прошлогоднего сена.

Книжка на ночь

Эриксон оглянулся – нет ли вокруг любопытных зевак – и свернул с 23 авеню на 44В стрит.

После яркого неона и рёва магникаров потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к тишине и запустению этой улицы, даже скорее переулка. Здесь царил полумрак: никаких вывесок, фантомных реклам, кислотных подсветок – ничего. Лишь в некоторых окнах горел мягкий свет, но и тот еле пробивался через опущенные жалюзи и налипшую на стёкла грязь. Раскрошившийся асфальт был завален мусором, сырые газеты (RetroNews, Paper!, TimesReverse) неприятно расплзались под ногами, в мутных лужах что-то плюхало. Сюда не выходили парадные двери, здесь не сновали роболакеи, окна нижних этажей были забиты листами фанеры, пахло сыростью и гнилью.

Эриксон прошёл сотню шагов в прошлое и, снова подозрительно обернувшись, свернул в неприметный тупичок, заставленный мусорными контейнерами. В самом углу у влажной бетонной стены можно было различить просевшие ступени, ведущие к ржавой двери полуподвального помещения, судя по всему, необитаемого.

Эриксон отдельно и с силой постучал шесть раз и принялся ждать, нервно переступая с ноги на ногу. Через минуту проскрипел засов и дверь распахнулась. Осмелев, он нырнул в темноту коридора и без вопросов пошёл на свет. Дверь за спиной гулко захлопнулась, послышались быстрые шаги.

Наливающийся режущим светом коридор выходил в комнатку с голыми бетонными стенами, горячей под потолком лампой накаливания и огромным письменным столом (деревянный, настоящий раритет) – больше в помещении ничего не было.

Эриксон остановился в центре прямо под лампой, а его провожатый, шедший следом, уселся прямо на крышку стола и принялся противно насвистывать. Это был типчик с крысиной мордочкой и бегающими глазками.

– Ваша фамилия, мистер?..

– Эриксон. Томас Эриксон.

– Вы не из полиции?

Эриксон сверкнул глазами и холодно бросил:

– Нет.

– Извините, вы же знаете, я должен был спросить. «Да, но не таким тоном».

Типчик покопался в верхнем ящике стола и достал пухлую карточку Эриксона.

– Давненько к нам не заглядывали. Чего пожелаете сегодня?

Эриксона выводили из себя эти бегающие насмехающиеся глазки. Раньше здесь сидел (и на стуле, а не на столе!) толстяк с отсутствующим взглядом, который не понимал клиентов распросами и не смотрел с такой издёвкой.

– Пожелаю то, что предлагают в вашем заведении, – сказал как отрезал.

Крысёныш не унимался. Ему, казалось, доставляло удовольствие вгонять Эриксона в краску.

– Мы предлагаем самый широкий спектр услуг, так что, будьте любезны, выражайтесь конкретней.

Эриксон сглотнул набежавшую слюну и, стиснув зубы, чётко произнёс:

– Я. Хочу. Снять. Книгу.

– На полчаса? час? на ночь?

Эриксон готов был убить этого типа.

– На ночь. И я возьму её с собой, – опередил он очередной вопрос.

– Э-э-э... Куда с собой: в отель или на дом?

– Послушайте, вы! – вскипел Эриксон. Он представил себя с книгой («О Боже, с книгой!») в собственном доме, и его бросило в дрожь. Горячность его явно веселила крысёныша, и он поспешил успокоиться, чтоб не доставлять тому лишней радости:

– В отель, пожалуйста. EdgewoodPlaza, сорок третий номер.

– Та-а-ак. Edgewood, 43. Наш человек принесёт вам её в номер и заберёт утром. Расплатитесь с ним. Расценки знаете?

Власенко Антон Андреевич родился в 1987 году в Минске. Учится на филологическом факультете БГУ и активно пишет фантастические рассказы. Является постоянным участником сетевых конкурсов «Царкон» (tsarkon.ru) и Креатив» (litkreativ.ru). В качестве музыкального журналиста сотрудничает с электронным изданием NeopolisMusic (neopolis.by) и радио-шоу MassaBrutto (massabrutto.com). Мечтает создать фэнзин белорусскоязычной фантастики.

– Да, конечно.

Эриксон полностью успокоился. Разговор перетёк в деловое русло, и он уже предвкушал, как, лёжа в кровати, будет листать страницы, вслушиваясь в их шуршание и вдыхая аромат целлюлозы. И тут крысёныш как обухом огрел его:

– Какую возьмёте: бумажную или электронную?

На этот раз Эриксон сдержался. Он понял, что типчик его провоцирует: скучно, наверное, бедолаге всю ночь сидеть одному в этой дыре. Кроме того, Эриксон уже начал получать некое тонкое удовольствие от его подколов.

– Я не извращенец. Бумажную.

– Что ж, в таком случае вот каталог, выбирайте. Или, может, хотите что-то определённое?.. Или помочь вам советом?..

– Даже не знаю.

– Может, Библию?

– Я же сказал вам: я не извращенец.

– Ладно-ладно, не горячитесь. Назовите какие-нибудь критерии.

– Х-м-м... Ну, что-нибудь художественное, объёмистое, что-нибудь, знаете... с сильным женским образом.

– О! вот это по-мужски. Кого потащите в койку: кэрролловскую Алису? Джейн Эйр? булгаковскую Маргариту? или Анну Каренину? А может, – крысёныш гаденько подмигнул, – Дориана Грея или Тома Сойера?

Эриксон уже научился игнорировать грязные намёки типчика.

– Булгаковская Маргарита бы подошла, но хочется чего-нибудь попокикантней и порочней.

– Дайте-ка пораскину умишком... А! Вот. Мария Магдалина Даниловского. Третье издание, книга вполне ничего, правда, довольно потасканная: пользуется неизменной популярностью.

Да, как раз то, что надо! Мария Магдалина – легендарная женщина из легендарного времени. Из прошлого. Эх, где сейчас те женщины и те времена?.. Сейчас у нас только бездушные роботы и бездушные люди... Эриксон вздохнул.

– Это подойдёт.

– Отлично, значит, записываю Марию Магдалину на Томаса Эриксона. Аккуратно обращайтесь с нашей подопечной и не забывайте про средства защиты – перчатки вам принесут с книгой. Приятного чтения!

Провожаемый хитрым взглядом бегающих глазок Эриксон развернулся и нырнул во тьму коридора. Всё тело покрылось мурашками, в каждой клеточке нарастало приятное возбуждение.

Эту ночь он проведёт с книгой. До первых лучей рассвета не выпустит её из своих объятий. И нежно захлопнет только тогда, когда изучит её всю – от первой до последней страницы.

Эриксон верил – счастье есть!

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГРАБОВСКАЯ Марфа Петровна (? – 1888).

Врач тобольской гор. больницы для помешанных. Ум. в Тобольске.
Венгеров. Источ.

ГРАВЕ Наталья Леонидовна

Сотр. «Смоленского Вестн.» 1910-х гг. – Н.Л.; Наталья, Г. Сотр. также в газ. «Раб. Путь».

ГРАНИТОВА Ольга Николаевна (урожд. Соколова), авт. воспоминаний.

Быв. учаш. Калужского епарх. учил. Одна из авт. подборки воспоминаний «Любимый учитель» в кн. «Циолковский в воспоминаниях современников». Тула, 1971, с.129-158.
ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5479.

ГРАНОВА Екатерина Федоровна (1895 – 1989), поэтесса, переводчица.

Род. в Николаеве Херсонской губ. В эмиграции жила в Швейцарии. Получила университетское образование с дипломом по литературе и социальным наукам. С 1925 г. – в Париже. Открыла две картинных галереи. Организовывала выставки русских художников и скульпторов, в т.ч. выставку «Идеальный музей», где были представлены картины, созданные во Франции за последние сто лет. В 1961 выпустила в своих переводах на франц. яз. «Антологию русской поэзии». Писала стихи. В 1977 сборник «Naguere» («В недавнем прошлом») был отмечен премией Эредиа Французской Академии. Автор мемуарных книг: «Chemin de ronde» («Дозорный путь») (1976) и «Ma vie et mes rencontres» («Моя жизнь и мои встречи») (1981), эссе по искусству и др. В 1968 снялась в докум. фильме «От Тараса Бульбы до Гагарина». Первый почетный гражданин г. Онфлер (деп. Кальвадос).
РЗФ.

ГРАНОВСКАЯ Елена Мавриковна, член Ленингр. об-ва драматич. писателей.

Криптоним Е.М.Г.
Масанов.

ГРАНСТРЕМ Матильда Давидовна, переводчица, авт. книг для юношества (1900).

Пер. с англ. расск. Р.Гоопа «Семь мудрых школяров» (СПб.)
Венгеров. Источ.

ГРАНТ О., переводчица.

Пер. расск. Роберто Бракко «Leit-Motiv» \ \ Современник. 1914. № 4.

ГРАТИНСКАЯ Анна, писательница.

Авт. «Повести для детей». М., 1868.
Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГРАТИНСКАЯ Р.

В «Дет. чтении» (1876. № 12) напеч. ее «Капитан Марриэт». Или это перевод? Надо проверить.
Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГРАЦИАНОВА Мелания Павловна (урожд. Подсосова; ? – 1937), авт. воспоминаний.

Педагог, общ. деятельница. По совм. работе с Е.П. Пешковой была знакома с Горьким. «Из воспоминаний о Горьком» – в кн. «М. Горький в Н.-Новгороде». Н.-Новгород, 1928, с.94-98.
ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1226.

Начало в № 1, 2005. Продолжена на стр. 63

Фэнтези как субъективный род литературы

Когда речь заходит о фэнтези, литературоведческие построения, обычно помогающие ориентироваться в жанровом разнообразии современной прозы, буксуют. Фэнтези похожа на Невер-Невер Лэнд, в неё хочется верить, но доказать существование этого рода литературы нельзя. Она – сплошная загадка, ведь в фэнтези даже не существует формального определения жанра¹.

Тем не менее многие любители половить рыбку в мутной воде на каждом шагу с уверенностью объявляют день рождения фэнтези. Разумеется, каждый раз эта дата разная. Бульшие сомнения меня охватывают, только когда я слышу точную дату конца света.

Замечу, что искать истоки жанра, не дав его определения абсурдно. Если мы смешиваем фэнтези и миф, то и результат получим один, объединив фэнтези с волшебной сказкой – совершенно другой, а если отнесем фэнтези к научной фантастике или к приключенческой литературе – третий и четвертый. Но в любом случае мы найдём истоки мифа, сказки, фантастики или приключений, а не фэнтези.

Это лишь фанаты Толкиена могут до хрипоты доказывать, что фэнтези от начала и до конца – детище Профессора, и им это легко сходит с рук, благо некоторые формальные основания для такого заявления у них имеются. Современные критики предпочитают искать истоки жанра не в предыдущем веке, а совсем даже в предыдущем тысячелетии. Например, Дмитрий Лопухов считает, что первое произведение в жанре фэнтези – шумерский эпос о герое Гильгамеше².

В другую крайность бросается Ник Перумов. Он безапелляционно заявляет, что «фэнтези – простая калька с английского термина»³ и причисляет свои произведения к литературной сказке⁴, ведущей свои российские корни от Пушкина и Гоголя.

Более осторожно подходит к определению жанра Мария Галина. Она вполне обоснованно предпо-

лагает, что «точно определить, что такое «фэнтези», а что такое «научная» фантастика, сложно». И тут же замечает, что «фэнтези находится в тесном родстве с первородным мифом»⁵. Из этого Галина делает вывод, что «при всем типичном для мифа наборе компонент фэнтези имеет конкретного автора, а потому ее мир индивидуален», и называет фэнтези не иначе, как авторским мифом. Фактически она смешивает научную фантастику, фэнтези и миф, для вычленения составляющих используя не формальные критерии оценки, а некоторое субъективное ощущение, позволяющее отнести литературное произведение к тому или иному роду.

Роджер Желязны тоже считает, что корни фэнтези нужно искать в разнообразных религиозных системах с их развитой мифологией⁶. Он не пытается провести границу между научной фантастикой и фэнтези, ощущая их разными полюсами непрерывности, использующими в разных пропорциях одинаковые ингредиенты.

«Я – одна из тех людей, которые видят оба жанра, как континуум, а не две отдельных сферы бытия, – соглашается с ним Лоис М. Буджолд⁷. – Я полагаю, что существование сверхъестественного и есть то самое, что срабатывает в фэнтези вместо НФ».

Однако Желязны идёт дальше Буджолд и берётся дать формальное определение жанра. «Если элементы сюжета включают сверхъестественное, или просто необъяснимое с точки зрения известных законов природы, такая история должна рассматриваться как фэнтези, – считает он. – Если неправдоподобное объясняется или есть указатель того, что оно может быть объяснено в терминах современного знания или теории – или их некоторого расширения, истории такого сорта могут считаться научной фантастикой».

Однако и это определение далеко от истины. Действительно, Анджей Сапковский задает встречный вопрос: «если так устанавливать критерии, то где же

¹Я говорю «жанр», ориентируясь на четырехтомный словарь русского языка (М.: Русский язык, 1981). «Жанр – род произведений в области какого-л. искусства, характеризующийся теми или иными сюжетными и стилистическими признаками». Можно так же назвать фэнтези родом литературы или литературным методом.

²Д. Лопухов. Что такое фэнтези? – Кировоград: Порог, 2003, №11

³Н. Перумов. Мы вышли из «шинели» братьев Стругацких. – М: Труд-7, 2004.

⁴Стоит заметить, что здесь Перумов не оригинален. Толкиен тоже считал свои произведения «волшебной сказкой».

⁵М. Галина. Авторская интерпретация универсального мифа.

⁶Р. Желязны. Фэнтези и научная фантастика: взгляд писателя.

⁷Круглый стол авторов фэнтези, ноябрь. 2001.

место для Питера Пэна или Винни Пуха? Ведь это тоже фантазия, тоже фэнтези?»⁸

Итак, когда умозрительные рассуждения заходят в тупик, стоит обратиться к фактам. В конце 20-х годов прошлого века Хьюго Гернсбек разделил всю фантастику на научную («science fiction») и фантастическую сказку («fantasy»). Однако и тут всё не слишком просто. Под «фантастической сказкой» он понимал «всё, что не относится к научной фантастике». Разграничивая SF и fantasy, Хьюго не дал четкого описания фэнтези, не прояснил её отличие от мифа или просто сказки. По сути, тогда фэнтези ещё не было.

Но вернёмся к Толкиену. Именно выход в 1954 году «Властелина колец» положил начало развитию жанра. Несмотря на то, что отдельные тематические произведения издавались задолго до этого, причинно-следственные связи здесь оказались безнадёжно нарушены.

«Властелин колец» прогремел во многом благодаря тому, что Толкиен, пользуясь своим лингвистическим даром, разрешил бытовавшую в то время дискуссию о том, где может находиться волшебная страна, «где-то там, неизвестно где» или «здесь, под боком, но миниатюрная, не видимая глазом».

«...я подозреваю, что вся эта цветочно-мотыльковая утонченность также была продуктом «рационализации», превратившей обаяние Эльфландии в банальную миниатюрность, а невидимость - в хрупкость, дающую возможность спрятаться в бутоне цветка или укрыться за травинкой. Видимо, это вошло в моду после того, как благодаря великим путешествиям возникло ощущение, что мир тесен для того, чтобы в нем могли жить бок о бок люди и эльфы; когда магическая земля Хай Брезайл на Западе стала обыкновенной Бразилией, страной красных джунглей», – однажды сказал Профессор⁹.

В «Хоббите», «Властелине колец» и «Сильмариллионе» Толкиен создал контрастный непротиворечивый мир, включающий историю и культуру вымышленного общества, а также несколько десятков искусственных языков, на которых говорят живущие в нем существа. Труд, достойный не одной диссертации, был направлен на создание Средиземья, в котором до сих пор весьма уютно чувствуют себя последователи Профессора.

Проклятие Джордано Бруно заключается в том, что когда заходит речь об одном мире, любой образованный читатель понимает, что таких миров может быть множество. Когда в 60-х годах прошлого века «Властелин колец» вышел в мягкой обложке и развернулась «толкиеномания», издатели тут же стали искать произведения, которые можно было бы продать под

логотипом «Роман в духе Толкиена» или «Новое Средиземье». Тут же вспомнили Говарда с его Конаном, сюда же приписали Льюиса с совершенно детской Нарнией. Достали из пыльных папок написанного Баумом ещё в 1900 году «Волшебника страны Оз», откопали изданный в 1958 году роман Теренса Уайта «Король былого и грядущего». И всё вместе это назвали «фэнтези». Хотя, как мы сказали выше, характерных сюжетных и стилистических признаков у фэнтези нет, жанр родился. И существует до наших дней, вызывая у ревнителей «серьёзной литературы» либо усмешку, либо отождествление с мифом. А куда денешься?

Практически с самого рождения фэнтези находится в перманентном кризисе. Несмотря на то, что в жанре работали такие замечательные писатели, как Урсула Ле Гуин, Майкл Муркок, Роджер Желязны, Фриц Лейбер, Пирс Энтони, Анджей Сапковский, Роберт Асприн, «средняя температура по больнице» оставляет желать лучшего. Бесчисленные книги о приключениях Конанов, Рыжих Сонь и им подобных, в просторечии называемые «кониной», не открывают перед читателем ничего нового. Сегодня, когда книга для коммерческого успеха должна выдержать конкуренцию с телеэкраном, подобные произведения в большинстве случаев провальны. Действительно, мыльные оперы легко выполняют ту же самую роль «умственной жвачки», при этом их не надо покупать в книжном магазине, достаточно включить телевизор. Чтобы перешагнуть некий уровень и заинтересовать читателя, фэнтези должна постоянно открывать что-то новое; не ограничиваясь одними методами, оперировать на уровне концепций. Что весьма проблематично для литературы, которая родилась как подражание «Властелину колец».

Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, попробуем более четко вербализовать проблемы фэнтези. Как мы показали выше, отсутствие формального определения жанра порождает вторичность. Всё многообразие современной фэнтези использует всего несколько архетипов. Давайте попробуем перечислить их.

Артурианский архетип исходит из кельтской мифологии¹⁰, трансформированной тюремной камерой Томаса Мэлори¹¹, средневековыми рыцарскими романами и Теренсом Уайтом. Чтобы грамотно оперировать такими величинами, надо как минимум знать первоисточники, не только кельтские, но и валлийские¹². Желязны в «Хрониках Амбера» даёт постоянные отсылки к ним, да и сам сюжет борьбы принцев за трон – прямой наследник артурианского архетипа. Рыцари круглого стола здесь трансформировались в принцев, но сама постановка задачи осталась неиз-

⁸А. Сапковский. *Вареник, или нет золота в серых горах!* – М.: Если, 1997, №12.

⁹Дж. Р. Р. Толкиен. *О волшебной сказке.*

¹⁰См. У. Б. Йейтс. *Кельтский элемент в литературе*

¹¹Труд Т. Мэлори «Смерть Артура», опубликованный в 1485 году, был написан в тюрьме, где автор отбывал наказание за вооруженное нападение и изнасилование.

¹²См. А. Сапковский. «Мир короля Артура».

менной. Именно поэтому уже к шестому-седьмому роману Желязны приходится привлекать новые сущности, чтобы поддерживать интригу на должном уровне. Из русскоязычных авторов напрямую пользуется артурианским архетипом только, наверное, Олег Авраменко в своём цикле «Хозяйка источника». Неизменные кельтские легенды здесь отражены через оригинальное мировосприятие автора, в результате получилась весьма интересная сказка. Я сознательно не упоминаю неудачное использование архетипа, таких примеров можно привести множество, артурианский архетип один из самых сложных, и ограничиться в его рамках рыцарским романом, отправив своего героя на поиски Грааля или за головой дракона, означает отбросить самый интересный материал, сбиваясь на халтуру.

Толкиеновский архетип, имея с артурианским единые корни, отличается от него действующими лицами. Эльфы, гномы, орки, тролли и прочие сказочные существа у Толкиена антропоморфны, из мифических существ они становятся людьми иной расы. Даже если не брать прямых продолжений «Властелина колец»¹³, в большинстве современных книг фэнтезийный мир подразумевает толкиеновских эльфов, гномов, орков, троллей и даже хоббитов. Такую фэнтези иногда называют «классической фэнтези», хотя от этого определения Профессор наверняка переворачивается в гробу. Наиболее яркий пример удачного использования толкиеновского архетипа – «Ведьмак» Анджея Сапковского. Сохранив основные расы Толкиена, Сапковский добавил множество новых описанных в мифах разных народов рас¹⁴, а основной акцент перенес на ведьмаков – профессиональных охотников за нежитью.

Архетип меча и магии, использованный Говардом и его последователями в сериале о Конане, по всей видимости, берёт своё начало в средневековье. Конечно, его можно притянуть к мифологическим источникам – подвиги Геракла и подвиги Конана схожи, однако есть и существенные отличия. В романах меча и магии у героев, как правило, отсутствует пиетет перед высшими силами. Действительно, герой, не должен быть зависим от высших сил, в противном случае его Героический Характер будет недостоверен. В отличие от мифа, для героя богоборчество становится одним из обязательных атрибутов самоутверждения. С развитием архетипа всё чаще стали встречаться произведения, где герой уступает место магу¹⁵, ведьме¹⁶ или даже вору¹⁷, впрочем, сохраняя свою героическую сущность. Архетип меча и магии зачастую соседствует с толкиеновским или артурианским архетипом, иногда он проскальзывает даже в научную фантастику.

Архетип студента волшебного учебного заведения стал популярен после выхода цикла романов Дж. Роу-

линг о Гарри Поттере. Для этого архетипа обязательно описание учебного процесса. Среди русскоязычных писателей, работающих в данном формате, можно упомянуть Алекса Коша и Наталью Щербу. Вообще, молодой волшебник или колдунья – удобный способ передачи сведений о мире от автора к читателю. Этим методом пользовались и Асприн в «Мифах», и Нортон в романах «Колдовского мира», и Желязны в «Доннерджеке» – проще перечислить тех, кто этим не пользовался. Заслуга Роулинг в том, что она поставила магическое образование на поток.

Архетип псевдоистории – попытка написать псевдоисторический роман, строго придерживаясь исторических реалий, действие которого может происходить в несуществующем месте. Я не люблю такой вид фэнтези, ведь сам фантастический элемент при этом исчезает, оставляя вместо себя шаблон средневекового быта. Иногда в этот архетип интегрируется магия, тогда становится просто смешно. Представьте себе, что в XXI веке рыцари ездят на бронированных повозках на гужевой тяге, а основное оружие дальнего боя у них – лук. Вызвало улыбку? То же самое получается, когда в некотором вымышленном мире место технологии занимает магия. Вроде бы существуют возможности при помощи магии улучшить вооружение армии (как правило, технологии в первую очередь используются в военных целях), но авторы придерживаются «исторических реалий» и в результате рыцари XXI века движутся по выщербленной мостовой с колчаном стрел за спиной.

Морской архетип включает в себя многочисленные фантастические истории про пиратов, морские мифы. Издревле моряки слыли людьми суеверными, рассказанные ими истории о подводных чудовищах и заморских странах кочевали по всему миру. Летучий голландец стал классикой жанра, альфой и омегой морского архетипа.

Какой из вышеперечисленных архетипов лучше? Могу со всей ответственностью сказать – никакой. Свежая струя в фэнтези достигается только уходом от штампов. Лучшие книги жанра не используют не один из сложившихся шаблонов. Вспомните романы «Бог света» или «Глаз кота» Желязны, основанные, соответственно, на индийской и индейской мифологии, постмодерновый роман «Дочь железного дракона» Суэнвика и написанный под его влиянием фэнтези-овердрайв Васильева «Техник большого Киева».

Помимо вышеперечисленных архетипов фэнтези активно использует некоторые методы, призванные залатать «жанровые дыры». Как известно, любой роман основывается либо на саспенсе (когда читатель стремится узнать, что же будет дальше), либо на детективной интриге (читатель хочет понять, что же на

¹³См. «Черная книга Арды», Н. Перумов. «Кольцо тьмы». – С.-П.: Северо-Запад, 1987 и т.п.

¹⁴См. А. Сапковский. «Бестиарий».

¹⁵См. А. Нортон, цикл «Колдовской мир», Р. Асприн, цикл «Мифы», Л. Кудрявцев, цикл «Серый маг».

¹⁶См. О. Громько, цикл «Ведьма».

¹⁷См. Р. Асприн. «Мир воров», А. Пехов. «Хроники Сиалы».

¹⁸См. Б. Вебер. «Империя ангелов».

самом деле произошло в прошлом). Фэнтези легко оперирует обеими крайностями. Мартин Скотт в цикле из восьми романов о Фраксе и Глен Кук в ещё более длинном цикле о Гаррете дали понять, что Холмс, он и в Средиземье Холмс. Хорошая детективная интрига способна удержать читателя за книгой, которую иначе он закрыл бы на третьей странице.

Как ни странно, иногда саспенс может выполнять ту же самую функцию, что и детектив. Юмор для определенного контингента читателей самоценен, поэтому не только «Мифы» Асприна, но и смешилки Белянина легко продаются. В этом случае, «что будет дальше» обозначает не «какие внутренние изменения произойдут в героях под действием обстоятельств», но «какая шутка будет на следующей странице».

Итак, больной скорее мертв, чем жив? Диагноз вынесен, пациент направлен в морг? Не всё так просто. Главный недостаток фэнтези, безусловно, вторичность, но... Давайте возьмем любой фантастический роман, будь то НФ, киберпанк, космоопера или любой другой поджанр фантастики. Для чистоты эксперимента попробуйте вспомнить тот мир, который вам кажется продуманным и шедевальным. А теперь представьте, что десяток фантастов средней руки решили работать в этом мире. Чем это закончится? Ответ на этот вопрос я могу дать легко и непринужденно. Уже десятый роман будет выхолощенным, а после двадцатого вы возненавидите мир серии и никогда не купите книжку. А большие тиражи серии, обусловленные рекламой (всё-таки серию раскрутить легче, чем отдельный роман), вы будете считать признаком плохого вкуса читателя. Не верите?

Несколько лет назад была выпущена игра S.T.A.L.K.E.R., синхронно в издательстве Эксмо стартовала одноименная научно-фантастическая книжная серия по миру игры. Помимо баснословных гонораров и весьма серьёзного тиража, в этой серии нет ничего примечательного. За исключением того, что сюжет позаимствован из «Пикника на обочине» Стругацких и лишь слегка адаптирован под чернобыльские реалии. В проекте участвуют серьёзные писатели: Вячеслав Шалыгин, Алексей Калугин, Василий Орехов и другие. И что? Книжки допечатываются, игра продается, авторы считают деньги. Но шедевров в серии нет. И не будет. Вторичность, господа, не только фэнтези свойственна, но и всей остальной литературе. Туше.

Как избежать вторичности при создании фэнтези-романа?

Можно пойти по пути постмодернистов – взять известные архетипы и вывернуть их наизнанку. Если при

этом базовые архетипы остаются неузнанными, то в некотором отдаленном будущем эти тексты могут сами стать новыми архетипами. Превращаем Короля Артура в Саурана, рыцарей круглого стола в назгулов, римлян, сохранивших верность империи даже после её падения – в эльфов, культурных, но вымирающих, а германских варваров в гномов. Вот и получим переход от артурианского архетипа к толкиеновскому. Пытался ли Профессор осмысленно создать перевертыш, сказать трудно. Но все признаки этого, как говорится, налицо.

Можно последовательно изменять любой из архетипов до тех пор, пока он не переродится во что-нибудь новое. На этом пути писателя предостерегает две опасности: выстроить непонятно для чего сложный не слишком сюжетобразующий мир или, напротив, слишком тесно привязать сюжет к выстроенному миру, разочаровывая читателя, не желающего вдаваться в тонкости лошадиной упряжи или трехсложных стихотворно-магических размеров.

А можно придумать что-нибудь абсолютно новое. Этот самый рискованный способ – только Бог создал мир за шесть дней, и то ему пришлось в седьмой день отдыхать. У писателя же проработка достаточно качественного мира затягивается на долгие годы. И не факт, что всё получится. Читателю может оказаться неуютно в придуманном вами мире. И вот тут вырисовывается вторая проблема фэнтези, справиться с которой чуть труднее, чем с вторичностью.

Каждый человек строит свои воздушные замки. Любая фантастика – литература мечты, она дает нам ускользнуть в лучший мир. Призвание писателя – оказать в этом посильную помощь. Проблема заключается в том, что если в НФ эти воздушные замки стандартизированы, развитие науки в представлениях нашего современника ограничено небольшим числом направлений. В то же время количество потенциальных фэнтезийных миров безгранично. Точнее сказать, оно ограничено количеством читателей, потому что у каждого из них такой мир свой. Фэнтези – это субъективный род литературы, и перед писателем, который начинает с ним работать, открываются две возможности: окупивать строго очерченную группу схожих по духу читателей или пробовать работать с подсознательным. На этом уровне исчезают все ограничения. Либо тебе удастся изменить читателя, чтобы он примкнул к твоей целевой аудитории, либо останешься без куска хлеба с маслом.

Поэтому наиболее качественные вещи пишут авторы, ушедшие от шаблонов, но отыскавшие свою методику воздействия на аудиторию. Если читатель с первых строк с потрохами продается автору, будет тому счастье. И субъективное, и объективное.

Дэн Шорин (Шорин Денис Анатольевич) – тульский писатель, потомок И.С.Тургенева. Родился в Тульской области, там же и прожил большую часть своей жизни. Писать начал ещё в школе. Относится к «сетевому поколению» фантастов, вышедших из сетевых конкурсов. Публиковался во многих журналах: «Если», «Шалтай-Болтай», «Порог» и многих других; в сборнике рассказов «Фэнтези 2005/2», в пяти сборниках «Аэлита».

Последнее искушение

Гоблины-рабочие тащат на плечах мешки с мукой – от мельницы в лагерь. Бегут один за другим длинной муравьиной цепочкой, похожие друг на друга, как близнецы: согрбленные от постоянной тяжелой работы спины, серая кожа, непропорционально длинные руки... Идеальные работники – разбивают лагерь, строят дома и наблюдательные башни, неутомимо таскают муку и добывают железную руду... а вот воины из них – никакие. Бывает, из ближайшего леса внезапно выметнется отряд воинов в серебряных доспехах, на низкорослых мохноногих лошадах, – сносят с таким трудом возведенные постройки, и вдобавок начинают рубить всех, кто попадется на пути. Им могут противостоять лишь такие же умелые бойцы – здоровенные орки, которые и в мирной обстановке ощетилены железом, или черные всадники, побивающие врагов магией; а гоблины, эти серомордые работники, и глазом не моргнут, когда рядом кипит бой – все так же кидают мешки, машут кирками и стучат молотами, и так же равнодушно падают под ударами чужих воинов... с-с-светлых. Даже – сияющих. Поэтому их должно быть много, работяг, – как бы круто ни выглядело стройное темное воинство, а добывать еду, копать землю и рубить дрова элитные воины Черного Властелина просто не смогут. Не по рангу...

Пронзительный звон резанул по ушам – надрывается будильник. В шесть утра, повинувшись этому звону, надо вылезать из-под теплого одеяла, брести с закрытыми глазами на кухню – прежде всего кофе, иначе не проснешься, будешь ползать сонной мухой и отравлять день окружающим! – потом в ванную, мыться-бриться-одеваться, бежать на работу... Сейчас вовсе не шесть утра, а десять вечера, – будильник приходится заводить, потому что мы договорились встретиться в онлайн, а я могу заиграться и не замечу, как наступит час ночи. Или два. Или три.

«Сохранить», «Выйти из игры»... монитор на миг темнеет. Пара кликов по синей иконке – заверещал модем, и сердце привычно застучало чаще. Конечно, компьютерные игры сами по себе прекрасны и

удивительны, любой серой офисной мышью они дают возможность пожить чуть-чуть в виртуальном, фантастическом, неправдоподобно ярком мире. Можно стать королем, разбойником или героем, можно строить замки или сражаться с драконами, можно воевать за торжество Света или предводительствовать легионами Тьмы (я чаще всего так и делаю)... Но все же MMORPG, многопользовательские игры, великое множество которых предлагает интернет – коммерческие и халявные, некоторые – едва ли не текстовые, а иные с такой великолепной графикой, что слюнки текут, а старенький комп начинает жалобно кряхтеть от одной мысли... так вот, эти игры – куда большее чудо.

22.03. Алиска => Dark_Lord09: привет, Дарк!

22.02. Art => Dark_Lord09: хай!

22.02. Rolland => Dark_Lord09: привет :)

Пока торопливо отвечал на приветствия соклянов в чате, уже в который раз мелькнуло в голове: что за физиономии разом скорчили бы университетские дамы, узнав, каким непотребством занимается по ночам их коллега! Гордость факультета, аспирант, преподаватель и вообще перспективный во всех отношениях молодой ученый, всегда безукоризненно выглядит и безупречно вежлив, – а вот ведь, стыдно вымолвить, не читает по вечерам книг псевдофилософов Коэльо и Кундеры (сейчас это модно), и даже не освежает в памяти бессмертные труды Бунина и Достоевского! А вместо этого под безликим псевдонимом Dark_Lord09 играет в компьютерные игры! Ужас, ужас и кошмар. Mauvais ton. Падение нравов!..

Сегодня игра шла на редкость удачно – мы двинулись в рейд, осваивать новую локацию; по пути не встретилось ни одного игрока из враждебных кланов, никто не мешал бить мобов, собирать дроп... в общем, когда я попрощался с народом и с сожалени-

Балова Елена Альбертовна, родилась в 1982 г. в Нальчике, где проживает и по сей день. В 2004 году окончила Институт филологии Кабардино-Балкарского государственного университета по специальности «Русский язык». Работает редактором «Сетевой» автор – пишет преимущественно fan-fiction, участвовала в разных интернет-конкурсах. Любит Игру во многих проявлениях – на этой почве и познакомилась с нынешним соавтором на форуме текстовых РПГ «Прикл.ру».

ем вынырнул из игры, электронные часы на стене уже укоризненно светились цифрами «03:42».

– Да, знаю, – пробормотал я, торопливо сбрасывая одежду, – знаю, обещал не засиживаться дольше двух... ну, что ж поделать, вот такая я скотинка безответственная...

Обычно засыпаю почти мгновенно, едва голова упадет на подушку, – а тут весь извертелся, укладываясь поудобнее. Мозг отказывается отключаться, раз за разом проигрывая последнюю партию. Какой-то частью сознания думаю, что пора завязывать с сидением в интернете: образы множатся, настойчиво претендуя на звание реальности... наконец устроился и вроде бы начал проваливаться в сон.

– Сдавайся тьме, – шелестит голос с черного трона.

– Нет! – гордо восклицает рыцарь в сияющих доспехах, поднимая меч для удара.

– Ну и дурак, – злорадно хихикает Черный Властелин... и растворяется в воздухе.

Пол растворяется тоже, и светлый рыцарь стремительно падает в пустоту, а ведущий его Alex_Knight пишет мне пару ласковых в приват. На войне, как на войне – клювом не щелкай, как говорится! – победно усмехаюсь, почти войдя в образ... Game over, ребята, – этот раунд за мной!..

Сильно и страшно застучало сердце, судорожный вдох-всхлип остановился комком в горле – я рывком поднялся и огляделся, еще не понимая, что разбудило, никогда же я не вздрагивал ни от неожиданных выкриков над ухом, ни от случайных хлопков двери, рвущих зыбкую полудрему...

Часы яростно мигали. Я подошел, придержал левой рукой розетку – может вывалиться из стены, стоит чуть недоглядеть, – вытянул тройник, отключая разом лампу и комп. Ничего не изменилось. Циферки на часах продолжали скакать, как бешеные. Как в дурной телепередаче для издыхающих от скуки домохозяйек («Каждый год инопланетяне похищают сотни земных женщин, всесторонне изучают, а потом зверски насилуют и убивают несчастных!»)... или в плохом фильме ужасов.

Отчего-то я не испугался – просто выпустил из рук провод и шагнул назад. Не испугался даже и тогда, когда на стене напротив (опять же, в лучших традициях голливудских хоррор-блокбастеров!)

обрисовался огненный овал, из которого ко мне в комнату шагнул... шагнула здоровенная фигура, с головы до ног закутанная в темный плащ и красиво облитая сзади багровым светом. Ночной пришелец двигался совершенно бесшумно и запросто мог бы остаться незамеченным, если бы не световые эффекты. Во всяком случае, не было слышно цоканья раздвоенных копыт по побитому паркету, да и серой не пахло, как можно было бы ожидать...

Я молчал – и, кажется, все еще не боялся. Только тарачил на незваного гостя глаза.

– Ну, здравствуй, любезный, – сказал визитер, деловито устраиваясь на кровати.

– Ты... кто? – спросил я, полный надежды на то, что это лишь глюк.

Универсальное средство – щипок за плечо – не подействовало. Было больно. И еще было холодно.

– А кого ты тут ждал? – поинтересовался пришелец. – И какой ответ хочешь услышать? Изволь, представляюсь Черным Властелином, если тебе это понятнее...

– Изыди, – сказал я нетвердым голосом, пытаясь вспомнить текст «Отче наш» и почему-то молитву Элберет – получившийся микст поразил меня самого. И все же я инстинктивно поднял руку, чтобы перекрестить страшенького гостя.

Рука остановилась в воздухе. Как любой нормальный человек, я обращался к богу только в самых крайних случаях – когда сдавал экзамены, когда устраивался на работу, когда предстоял неприятный разговор с шефом...

И сейчас в ужасе осознал, что не помню, как совершается крестное знамение. Справа налево? Слева направо?..

– Не бойся, ты, человек, – вздохнул пришелец, не без интереса наблюдавший за моими судорожными телодвижениями. – Жить здесь я не останусь. Какие же вы, смертные, предсказуемые...

– А что, на нашей Земле есть и бессмертные? – тупо спросил я, привычно зацепившись за странную формулировку – и немедленно покрылся холодной испариной. Забыл, с кем разговариваешь, дурак? – так сейчас напомним... это тебе не в студенческих работах стилистические ляпы править...

Против ожидания, гость остался спокоен – мне даже показалось, что реплика его позабавила.

– Просто старая формулировка, – он слегка наклонился вперед. На месте глаз вспыхнули тускло-багровые огоньки – я вполне обошелся бы без этого зрелища. – А традиции надо чтить, так ведь?

Михайлова Елена Вячеславовна родилась в 1980 г. в Смоленске. В 2003 году окончила лечебный факультет Смоленской государственной медицинской академии по специальности «Лечебное дело». Работает врачом.

«Сетевой» автор – пишет рассказы и повести (преимущественно по тематике «Звездных войн»), участвовала во многих конкурсах fan-fiction. Любит Игру во многих проявлениях – на этой почве и познакомились с нынешним соавтором на форуме текстовых РПГ «Прикл.ру».

– Кому надо? – из чистого упрямства возразил я. – Нормальный человек – он птица вольная! Когда ему выгодно – чтит традиции, невыгодно – не чтит... И вообще, герои традиций не соблюдают, а сами их устанавливают!

– Хорошо сказано, – довольно кивнул он. – Сам придумал?

– Умный человек изрек, – огрызнулся я слабым голосом. – Кто, не помню, – да и разве это важно?

– Я сам и сказал, – ехидно ответил мой собеседник. – Так что поосторожней с цитатами-то.

Я открыл было рот, чтобы праведно возмутиться, но потом подумал чуть-чуть – и закрыл. Память упорно не желала выдавать разуму имя сказавшего, так что резонов объявить гостя плагиатором не было. Да и читал я в последнее время в основном фэнтези, а там разговаривают именно так: на смеси известных цитат с банальными лозунгами.

– Ладно, – смирился я с поражением. – И что тебе... вам нужно?

– Сообщить пренеприятнейшее известие, – продемонстрировал ночной гость знание классической русской литературы, – при этом он подмигнул таким похабным образом, что я еле удержался от безумного вопроса об авторстве и этих строк. – Последняя битва Света и Тьмы грядет.

– Насколько я помню, уже две тыщи лет, – вот не люблю пафос. Чувство это прижилось в душе еще со школьной скамьи, так что, вместо того, чтобы испуганно внимать черным пророчествам, я попытался защититься привычным барьером иронии: – Или вы хотите сказать, что грядет она именно здесь? – я махнул рукой, указывая на обстановку.

Захламленная комнатуха плохо тянула на роль равнины Армагеддон.

Гость поднялся с кровати, внимательно осмотрелся и снова присел, на сей раз – на стол рядом с компьютером, сразу напомнив мне одного знакомого преподавателя. Да и манеры его изменились. Я почувствовал грядущую лекцию, и не ошибся.

– А вы верующий, судя по всему? – теперь я понял, что значит «спросить с искренним любопытством». – И ведь представили же себе именно битву... Действительно ожидаете долгого кровавого побоища?

– Нет, – честно ответил я, – на самом деле я ожидаю, что проснусь сейчас в холодном поту и побегу брать талон к психиатру. О чем мы вообще говорим?

– Оч-чень хорошо, – неожиданно улыбнулся он, – похоже, я не ошибся в вас. Будьте снисходительны к тем, кто создавал легенды – надо же людям во что-то верить. Но вот то, что последняя битва грядет – правда. И то, что Бог уже давно... отошел от дел... это тоже правда.

Вот это до боли в зубах походило на сюжет дюжин книг в мягкой обложке: сидит себе человек в мягком кресле, трескает чипсы под гам телевизо-

ра, и вдруг – р-раз! – его записывают в Мессии с обязательным мироспасительным квестом.

– А поконкретней нельзя? – перебил я, мучаясь дурными предчувствиями. То ли предложит вместе с ним править четверкой коней под конец Апокалипсиса, то ли – сватает место противника по игре. Не вдохновляет.

– Куда уж конкретнее, – шелестнул мягкий смешок, – ждите – и очень скоро вы поймете все сами. Однако вынужден разочаровать заранее – не будет триумфального въезда в Кремль в сопровождении четырех всадников. И великого сражения, как вы его представляете по своему разумению, тоже не будет. И даже второго пришествия Христа во главе блистающей армады... Беспокойный, непредсказуемый век – эпоха людей. И исход последней битвы будет зависеть от вас.

Я крепко зажмурился – все исчезло, а перед глазами поплыли цветные пятна... и услышал знакомое дребезжание будильника.

Сон? Глюк? – тут уже некогда думать, чем было ночное явление.

Дорога до работы выжимает почти досуха, как будто и не было кратких часов сна прошлой ночью. Город почти что свихнулся, решив втиснуться в узкие двери маршруток в полном составе. Сажу на заднем сиденье, где трясет больше всего, и очень стараюсь не клацать зубами на ямках. В голове – одна сиротливая мысль: о том, что подобное напоминает Вавилонское столпотворение. Сказывается академическое образование, Тьма его побери! Лучше бы думалось про погоду...

Некоторые дни не складываются просто с самого утра. Создается полное впечатление, что неприятности слетаются к тебе, как мухи на... мед. И хорошо бы, если бы они проявились лишь в куче сектантских брошюр на рабочем столе, где им вообще-то неоткуда появиться. Ну, разве что коллеги снова подсунут всю макулатуру, всунутую им в руки на входе в здание, как было первого апреля. Я еще мог бы счесть это своего рода расплатой за размышления в маршрутке – или дополнением к ночному кошмару. Может, даже не сразу бы выкинул, дождался секунд пять.

На этот раз неприятности явились в виде замдекана, что-то монотонно бубнящего на ухо. После того, как провел полночи в сети, выносить такое трудно и четверть часа. Смертельно хочется задремать. А уж целых сорок минут капанья на мозги... да, надеюсь, что шеф все же принял мою гримасу за интерес. Эх, где мои верные орки?

В коридор выполз почти в состоянии зомби. Тупо хотелось заснуть, можно стоя. Началась лекция, и необходимость бубнить заученные фразы перед совершенно незаинтересованной аудиторией привела к боли в затылке. Я шарил взглядом по потолку, и мне очень хотелось сменить вечный

вопрос «Что делать?» на более грубое и современное: «Кто здесь дурак?»

Словом, к обеду все стало хуже, чем утром.

Ситуацию неожиданно спас Васька с пятого этажа, случайно встреченный мною на выходе из курилки. Вообще-то курить нынче не модно, более того – за это вполне можно схлопотать. Но вот Васька курит. И даже бравирует репутацией «чуждого элемента». Впрочем, подобный ярлык гуманитарии легко вешают на всех, принадлежащих епархии с гордым именем «технические науки». Отметим: те самые гуманитарии, которые ночью ведут совершенно иную, виртуальную жизнь, стыдливо пряча все доказательства в логах аськи.

Васька окинул меня понимающим взглядом.

– Тяжко? – понимающе спросил он, плюхнувшись на подоконник.

– Отстой, – подтвердил я, усевшись с ним рядом.

Случаются в жизни моменты, когда не хочется делать вообще ничего, и сидение на грязном подоконнике универа вкупе с тупым болтанием ногами кажется почти идеалом. В голове образуется пустота, и боль потихонечку гаснет.

– Не всем же ломать зубы о камни науки, – философски замечает Василий.

– Эти ломают... скорее дождутся, пока ты пережущь все за них, – отвечаю язвительно, но, скорей, по привычке. Раздражение ушло.

– Нефиг потворствовать, – админ корчит грозную мину. – Не все же им булки трескать.

– Лучше уж камни, чем сухари, – замечание с долей двусмысленности. Автора идеи о том, что вуз – это способ закоса от армии, следовало бы наказать пожизненным преподаванием у «негодных». Чтоб неповадно.

– Се ля ви, – буркает Васька. Ну да, ему хорошо...

Едва выйдя из корпуса, я инстинктивно шагнул назад, в тень. От жары перехватило дыхание, а пространство за дверью казалось слепяще-белым. Прямо сказать, не мой цвет. Хоть время и перевалило уже далеко за «после обеда», жара не спала ни на градус: солнечный свет обрушивается сверху, как на экваторе, и, кажется, плавит асфальт.

«А сколько еще на остановке стоять?» – подумал я с тихой обреченностью, оглянувшись на холл, как на желанный оазис.

Впрочем, неважно, – и так уже безбожно опаздываю.

Рядом с нашим универом продают только жасмин, лилии и пионы, а за аристократами вроде роз надо ехать в противоположную сторону. Конечно, стоило бы поехать. Но я посмотрел на часы – и выбрал легкий путь. Когда опаздываешь на свидание – лучше прийти с такими цветами, чем вообще без них. Хотя можно сказать, что мне повезло.

– Вот эти, пожалуйста... да, подойдет...

Вообще-то я к цветам абсолютно равнодушен – но эти лилии были хороши. Нежные, изящные, бледно-

мраморного цвета, они наводили на мысль о прохладе. Может быть, это стало решающим аргументом. И все же я, несмотря на укоризненный взгляд продавщицы, настоял, чтобы цветы укутали в черный пакет («совсем ненадолго, испортиться не успеют...»). Можно считать это атавистическим пережитком, но – не люблю я носить букеты в руках!

С транспортом мне тоже повезло. Уже через десять минут я обливался потом в маршрутке, проклиная позднюю весну, цветы и весь женский род, начиная от Евы. Пассажиры сверлили меня кровожадными взглядами: в тесной машине и так было нечем дышать, а из пакета воняло. Причем, похоже, протухшим мясом – никогда б не подумал, что такие дивные лилии могут источать подобного рода миазмы. Соседей можно было понять. Господа горожане напоминали демонов из фэнтезийного экшна – если бы в этой же маршрутке оказался дизайнер, разработчик, художник... ну, или кто там над этим работает – компьютерная графика определенно обогатилась бы новыми оттенками эмоций на лицах NPCсов...

До нужной мне остановки я добрался, тем не менее, почти без жертв. За исключением душевно оттопанной соседом ступни. Похоже, лилии ему не понравились.

И не ему одному.

Свидание не сложилось. Но когда лилии отправились в мусорный бак, на душе стало легко. Неожиданно вспомнился «Фаталист». Наверное, этот герой классики тоже испытывал радость определенности. Вот ведь занятное ощущение: чувствуешь, как жизнь летит неясно куда – но безумно рад невозможности выбора. Что это: хмельной предсмертный угар перед встречей с землей, или – безумная вера в хороший конец самой скверной истории? Как-то приятно думать о том, что в запасе еще одна жизнь, или добрый самаритянин перехватит тебя у обрыва.

Правда, тут я немного загнул со сравнениями: убивать меня не собирались, да и расставание с девушкой – не конец жизни. Чувство падения было только в моей голове, задуренной эйфорией.

«Жаль, что жизнь – не игра», – мелькнула философская мысль при взгляде с моста на поток транспорта. Хотя кой там черт философская – банальная, на самом деле... И вот так всегда – вместо того, чтобы пытаться что-то изменить, примеряем на себя одежду давно знакомых и любимых литературных героев, но это же глупо и пошло, мы ведь живые, реальные... И кто, спрашивается, виноват в том, что я не люблю и не умею принимать важных решений?

Очень жаль, что жизнь – не игра.

Руки в карманах, расстегнутый ворот рубашки – все это не слишком-то ассоциируется с классическим образом университетского педанта.

Как, наверное, и с классическим образом геймера.

Если тебя оставила девушка, в запасе всегда есть плечо лучшего друга. Впрочем, тот, кто писал эту фразу, не знал современной реальности. Моим «лучшим другом» был и остается ноутбук, но плеча у него нет. Зато в паре кварталов отсюда есть бар, пиво и одноклассник Женя. Встречи мы не планировали, просто он – завсегда. Бизнесмены и люди науки считаются антиподами по определению, но толика пива легко сглаживает противоречия.

Увидев меня на пороге, Женя даже не удивился. С тех пор, как я познакомился с Ольгой, мы тут встречались частенько.

– Снова один? – спросил он, двигая в мою сторону кружку. Я молча взял пиво и присел рядом. Вот что и вправду люблю в собеседниках, так это умение быть ненавязчивым. Иными словами – понимать кое-что без расспросов.

– Снова, – кивнул я, сделав глоток. Пиво в жару не лучший напиток, слишком пьянит. Но кого это волнует?

– Ясно, – знак официанту, как приглашение к продолжению. – Тебе надо жениться.

В ответ на это я поперхнулся. Едва ли разногласия с девушкой могут служить поводом для марша Мендельсона. Уж скорее – для реквиема.

– Обойдусь, – буркнул я в кружку.

Женька покачал головой, но умолк. Да и что тут можно ответить? Он предлагал мне уйти в бизнес, давно предлагал. В конце концов, энтузиазмом семью не прокормишь. «Вот потому у меня ее нет», – неизменно отшучиваюсь я на подобные разговоры. В каждой шутке, как говорится, временами присутствует истина, но ставить на кон все, понадеявшись на авось, не в моих правилах. Уж лучше пробьюсь как-то сам, собственной головой. А рискованную игру в Черного Властелина оставлю ночному онлайн...

Придя домой с головой, гудящей от пива, я рухнул было на диван, мечтая проспать... ну, если не до просветления в мозгу, то хотя бы до похолодания. Но потом, движимый долгом, выудил из сумки прихваченную в качестве «домашнего задания» курсовую работу одной ленивой студентки. Не стоило идти ей навстречу – сроки давно прошли, да и вообще... Но я мягкотел и не умею отказывать девушкам, особенно когда они норовят схватить меня за руки и зарыдать прямо на кафедре. Так что – сам виноват.

Я открыл папку – и обомлел. Словно насмехавшись, на меня смотрело название: «Интерпретация библейских сюжетов»... Просто совпадение; это все недосып, усталость и нечистая совесть, – успокоил я себя в следующее мгновение, дочитывая неприлично длинное название работы – упомянуты здесь были произведения писателей-фантастов, ролевые игры и – хе-хе – сетевое творчество...

Признаться, от мысли, что мое графоманство может процитировать студентка, стало не по себе. Но я прогнал иррациональный страх: едва ли оно столь известно.

«Ну, почитаем», – сказал я себе, устраиваясь поудобнее.

Для начала студентка вполне цивилизованно прошла по Профессору Толкину как гуру движения толкинистов.

«Профессор, – писала она, – руководствуясь христианской моралью, по-новому интерпретировал события Старой и Новой Эдд, а также англосаксонские эпосы».

– Да сколько можно поминать Толкина этими Эддами! – праведно возмутился я, ставя на полях пометку, что англосаксов надо все же поставить на первое место.

«Однако так называемые толкинисты пошли дальше. Тенденции творчества апокрифистов к обелению зла не могут не настораживать. Совершенно очевидно, что Мелькор у Дж.Р.Р. Толкина ассоциируется с Люцифером, восставшим и поплатившимся, что делает «Черную книгу Арды» своего рода аналогом «Сатанинской библии».

– Что за маразм? – я-то думал, что изображение Ниэннах в роли проповедницы сатанинского культа сейчас может вызвать разве что ехидный смешок... видимо, некоторые вещи вечны и неизменны. Захотелось злорадно прокомментировать фразу, но я честно решил остаться в рамках и ограничился сухим: «Сравнивая источники, надо приводить цитаты! Бездоказательно!»

«Не менее распространены в фэндомах идеи мессианства. Особенно это касается поклонников «Матрицы» братьев Вачовски и «Звездных войн», – я вздохнул несколько свободнее, но, как оказалось, несвоевременно: – Однако традиционная черно-белость текстов с изначально запрограммированной победой добра дает значительно больший простор для всяческих инсинуаций».

– Что за жаргон в научном исследовании, – поморщился я, перечеркивая последнее слово.

«Но особое влияние на сетевое творчество, по нашему мнению, оказывает библейский рассказ про искушение Христа Сатаной».

Ну, наконец-то добрались до первоисточника...

«Данная история имеет, помимо буквального, сакральный метафизический смысл, повествуя о соблазнах, которые все мы вынуждены преодолевать ежедневно».

А девушка не стесняется с обобщениями, подумал я, жирно подчеркивая фразу и приписывая на полях, что прилагательные «сакральный» и «метафизический» в одном предложении смотрятся дико.

«Первое искушение Христа – искушение в пустыне – в сетевом творчестве проявляется идеями легкого обогащения и духовного обнищания. Обмани, укради и убей. В переносном смысле, пустыня – это душа человека, живущего в выдуманном мире, растерявшего все привязанности и не видящего реальности. «Преврати камни в хлеб» в этом случае означает иллюзию

контроля над временем и пространством, который предлагается ролевыми играми и пропагандируется писателями-фантастами».

Да. А все, кто играет в ролевые игры, суть «низшие духом», прямо-таки персонифицированное свидетельство нравственной деградации, – возмущился я про себя. Однако текст невольно увлек, невзирая на всю банальность выдвигаемых концепций.

«Искушение в храме – «бросайся вниз, и Бог тебя спасет, если он всемогущ», – очень часто обыгрывается представителями так называемой «темной» части фэндомов для доказательства слепоты «светлых» и неправильности альтруистического пути, иными словами – служения людям, сопряженного с личным риском. По сути, так называемые «темные» занимаются масштабной пропагандой эгоизма. Одновременно, иллюзия, «что всегда можно вернуться назад», является самой частой причиной «падения» героев и их превращения в злобных слуг Темного Властелина. От состояния, дарующего удовольствие, пусть и дорогой ценой, отказаться невозможно».

– Вот это да, – восхитился я, впечатленный пассажем о «пропаганде эгоизма». Какие мы, выходит, страшные личности, любители поиграть...

«И последнее, всем известное: «поклонись мне, и мир будет твоим», – это метафора «бесплатного сыра», в роли которого чаще всего выступают власть и бессмертие. Или только власть: надо сказать, что персонажи фантастической литературы становятся все менее требовательны, и хотят получить за бессмертную душу все меньше».

...Или только бессмертие. Или вообще не власть и не вечная жизнь, а чемодан с долларами, – крупными, естественно, купюрами. Уже не говоря о том, что «бессмертные души» этих чистых, прекрасных людей, авторов-фантастов – равно как и создаваемых ими персонажей – скорее всего, никому нафиг не нужны...

Я отложил распечатки в сторону. Можно было читать дальше, делать бесконечные пометки в тексте, теснить десятки замечаний на полях – но мне стало скучно. Завтра разберемся. Девочка ни в чем не виновата – какую-никакую работу с источниками она провела, довольно удачно скомпилировала некоторые фрагменты старых исследований по теме... а что интерпретирует некоторые факты странно, если не сказать «извращенно» – так это ее право, сможет отстоять свою точку зрения – честь ей и хвала... Я же в таких вопросах пристрастен и необъективен.

Хотя от бессмертия не отказался бы.

– И что же? – услышал я и подскочил.

Он сидел на стуле и с сочувствием смотрел на меня.

– А что на этот раз без... предупреждения? – я обвел рукой комнату.

Он пожал плечами, отвергая ироничный тон. Так взрослые иногда отмахиваются от несмышленных детей.

– Вы же понимаете, все это тлен и суета. И наверняка уже сообразили, чем кончилось последнее сражение, верно? Давно уже потеряло смысл предлагать: «все дам тебе, если поклонись Мне»... Люди привыкли поклоняться – не Богу и не антиподу Его, а тем, от кого зависит их существование. За полученные блага мира еще придется отвечать, чего желают далеко не все. А такие, как вы, нашли обходной путь, без ответственности – и скоро за вами пойдут остальные. Сила, власть, мантия цвета ночи и бесконечное могущество... нет нужды никому поклоняться – вы сами все делаете, и сами же встаете на мою сторону, даже если этого не осознаете.

Он кивнул на монитор, где мерцала знакомая заставка и мигал курсор после автосохраненного имени Dark_Lord09.

– Это только игра, – с трудом выдавил я. Но ведь и верно – просто игра!.. Кто же виноват, что в книгах и сценариях Темные куда ярче и выразительнее своих противников, а в эрпэгэшках у них всегда самые выгодные бонусы...

– А вы не знали, что в игре человек всегда правдивее, чем в жизни реальной? – мягко улыбнулся он. – Только нажми кнопку – и станешь велик и ужасен... вот он – ваш мир, и блага этого мира вы не променяете ни на что. Я рад за вас. Прощайте, друг мой.

Не знаю, сколько времени я просидел за столом, уронив голову на руки. Комп устал пищать непросмотренными сообщениями аськи – теперь на мониторе огненно переливался скринсэйвер со Всевидящим Оком. Иллюзия контроля над временем и пространством... превращение в злобных слуг Темного Властелина... чтоб его!.. это что же, теперь – вместо фильма ужасов – как в дурацкой комедии? Молотком по клавиатуре?

Оцепенение мало-помалу сменялось спасительной злостью.

Набирая пароль для входа в игру, ошибся – пришлось ввести цифры заново. Руки ощутимо дрожали. Не глядя на центральное окно, услужливо высветившее всю информацию о персонаже – 20 лэвел, совсем немного опыта осталось до 21, находится в локации «Темный Лес», хп и мана на высшем уровне... – я торопливо перескочил по ссылкам и даванул «Удалить аккаунт».

– А вот хрен! – процедил я вслух. – Не выйдет! Если Бог отошел от дел – значит, вступить в битву должны мы... люди... мы даже на чужом поле, по чужим правилам сыграем – и выиграем! Потому что – время людей!..

Кликнув на кнопку «Регистрация» в верхнем углу окна, я чуть помедлил и ввел в поле «Имя» – «Паладин Света».

И первый луч солнца упал из незашторенного окна на монитор.

Прикоснуться к святыням

Уральское православное патриотическое общество им. Святителя Николая Чудотворца возрождает исторический путь крестных ходов наших предков к мощам Симеона Праведного – так называемую «Симеонову тропу» (от Екатеринбурга до Верхотурья по Старому Верхотурскому тракту).

Начиная с этого номера журнала, мы пройдем дорогой наших предков. Дорога эта явит нам воочию неразрывную связь поколений, подчас невидимую в повседневности.

В современной жизни, полной суеты и ненужной информации, чтобы разобраться в истории родного края, важно отделить факты от вымысла. Итак, немного фактов...

Появление русских на Урале, населенном самоедами, остяками, татарами, бурятами, якутами и чукчами, связано с православием. Этот «дикий» край, богатый пушниной, сразу осваивался как оплот православия.

Православные казаки, прошедшие по рекам Урала и Сибири с Ермаком с 1581 по 1585 годы, поставили по берегам остроги. Но водная дорога была невыгодна для торговли (ограничена по времени замерзанием рек) и опасна. И, по царскому указу, стали отыскивать сухопутную дорогу в этот богатый край. В 1595 году крестьянин Артемий Бабинов разведал дорогу, в семь раз короче водной. К 1597 году от Соликамска к верховьям реки Туры проложили тракт, протяженностью 263 версты и заложили в ее конечном пункте город, названный Верхотурье. На высоком берегу возвели кремль, объединивший на одном дворе палаты воеводы, таможню и церковь. Все сделки по продаже пушнины между русскими и манси могли заключаться только на гостином дворе в Верхотурье. Через город шли все сибирские товары. Была проложена Государева дорога – «Верхотурский тракт» и учреждена государственная ямская служба. Строительство других дорог запретили. Так за короткий срок город стал одним из богатейших в России.

В 1604 году в двух самых важных пунктах Государевой дороги были основаны мужские монастыри: в Верхотурье – Свято – Николаевский монастырь, а на пересечении Бабиновской дороги и Верхотурского тракта – Рождественский.

Третьим русским поселением недалеко от Верхотурья стало Меркушино – торговая пристань, где высокая вода стояла почти на месяц дольше, чем в городе.

Этой деревеньке предстоит прославиться на века тем, что её выбрал для жительства выходец из центральной России по имени Симеон. В 1692 году чу-

Морозов Олег Викторович – член правления Уральского православного патриотического общества им. Святителя Николая Чудотворца, руководитель направления «Симеонова тропа», член правления ОАО «СКБ-Банк», выпускник УПИ

На «Государевой» дороге

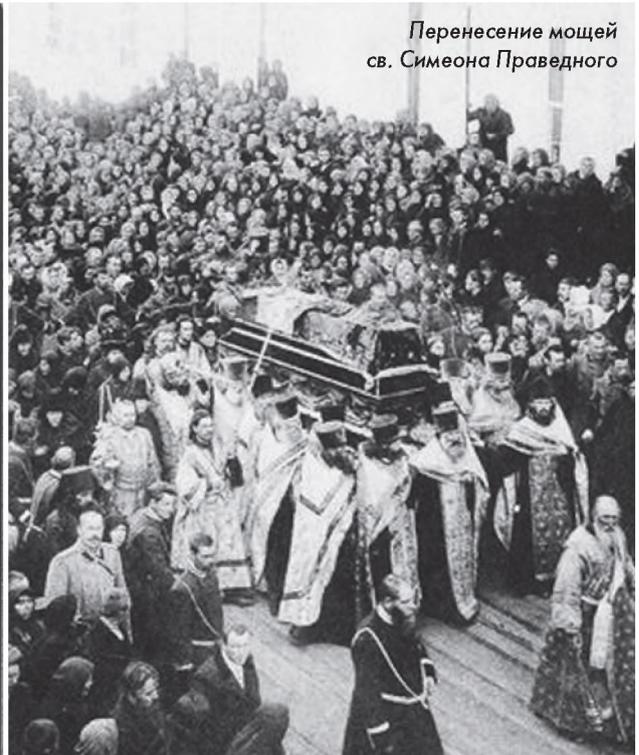
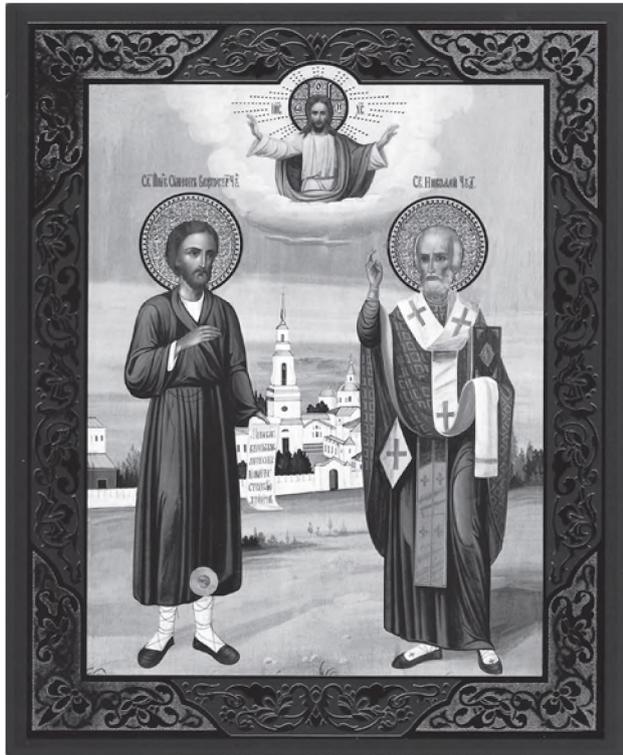
Установка поклонного креста в Мироново

десным образом будут явлены мощи этого угодника Божия, и устремятся к нему паломники со всей Сибири за исцелениями, помощью и благодатью. Так Верхотурье, а с ним и Урал обрели своего небесного покровителя, чьи мощи и поныне пребывают в Свято-Николаевском монастыре. В 1704 году его мощи торжественно были перенесены в город Верхотурье.

А с 1905 по 1913 годы для того, чтобы вместить всех верующих, приходящих на поклонение к свя-

тому Симеону Верхотурскому, строится третий по величине храм России, уступающий только Храму Христа Спасителя в Москве и Исаакиевскому собору в Петербурге. Зачем это величие в глубинке?

Пожары 1674 и 1738 годов, отмена таможни в 1753, закрытие в 1763 году Верхотурского тракта и перенос государевой дороги на Сибирский тракт в 1783 году, повлияли на статус города - центром Урала становится Екатеринбург. Величие православной

Перенесение мощей св. Симеона Праведного

Долженко Елена Анатольевна – координатор Уральского православного патриотического общества им. Святителя Николая Чудотворца, выпускница УрГУ

Весной 1582 года здесь проходила экспедиция Ермака. Река Тагил.

столицы, казалось бы, безвозвратно утеряно. Открытие месторождений качественной железной руды и других полезных ископаемых привело к строительству заводов и превращению края в промышленный оплот державы. Верхотурье стали забывать.

Однако поток верующих не прекращался. Шли они, как прежде по старому Верхотурскому тракту. Крепкие в своей вере, добровольно заселившие и обжившие эти края русские, породнившись или потеснив исконные народы, сохранили почитание к тому, кто их берег и наставлял. Симеона Праведного почитали наравне с Николаем Чудотворцем.

Последним наглядным проявлением веры стал крестный ход наших предков в 1914 году, когда семьей императора Николая II Верхотурью была подарена серебряная сень к раке святого.

Крестный ход 1914 года познавателен для наших современников, его маршрут позволяет поновому взглянуть на родной край.

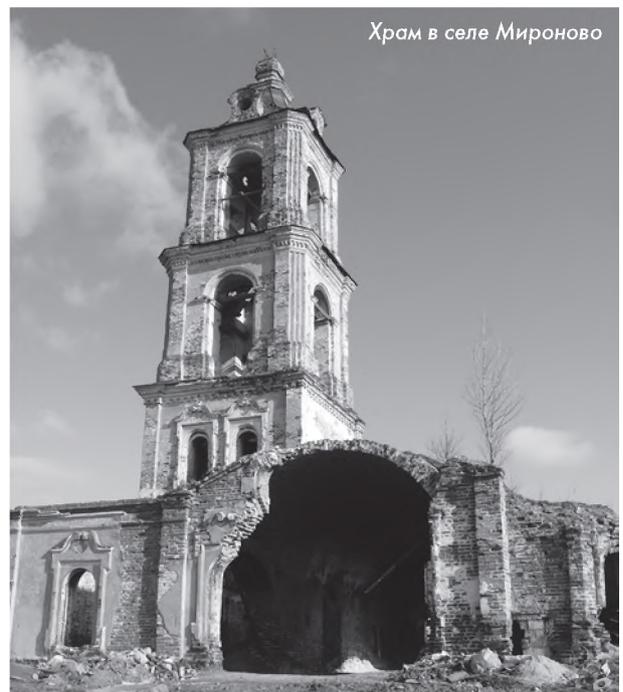
Шли по старому Верхотурскому тракту - Государевой дороге, которая многие годы была дорогой жизни края, здесь были самые крепкие поселения, таможенные пункты, ямщицкие станции и церкви.

Дорога наших предков сохранилась не везде: где-то она застроена, распахана, заросла лесом, заболочена... Многие из сохранившихся святынь расположены в покинутых селах и нуждаются в возрождении.

Маршрут «Симеонова тропа» проходит по территории шести районов Свердловской области и позволяет не только прикоснуться к святыням, но и познакомиться с историей, жемчужинами при-

роды Уральского края, народными промыслами, сельским укладом и творческими коллективами.

Мы надеемся, что со временем этот путь поможет влить новую струю жизни в села и города с их уникальной культурой. Мы будем говорить не только о музеях, ремеслах и красотах края, но и о храмах, ведь наши предки не мыслили себя без общения с Богом, как сейчас не мыслят без телевизора, компьютера или интернета.

Храм в селе Мироново

Василий ИЩЕНКО

По золотым следам чуди

В нашей стране проживал народ, который русские прозвали чудью. И до настоящего времени остается загадкой, что за народ понимался под таким прозвищем. На Урале и в Сибири он оставил свои следы в виде многочисленных рудных копей. Таковыми являются, например хорошо известные Гумешевские копи с малахитом, на основе которых созданы П. Бажовым замечательные сказы.

Когда генерал – лейтенант В. Геннин приехал на Урал, он узнал о золоте, которое добывают местные жители, раскапывая бугры (могилы). В одном из бугров было обнаружено тело, покоившееся на золотой доске и обвернутое в золотую фольгу. Золота в ней оказался целый пуд.

В связи с многочисленными находками золота в буграх, естественно, возник вопрос: «Откуда у ранее проживающего здесь народа оказалось золото?». Ответ на него дает монах Долматовского монастыря Лот. Он в 1724 г. сообщил, что башкирцы нанайской нации, узнали от престарелой женщины, которой было более 100 лет и которая некогда жила в полоне у царевича Рючука, что в древних летах люди, которые жили в тех местах (около «Исету») и прочих местах, означенную руду добывали и плавил. Из нее золото и серебро, и всякие вещи делали. Этот народ назывался «чудью».

Срочно была направлена в названные места экспедиция, но поиск не увенчался успехом.

Более удачными оказались поиски золота и серебра на Алтае. Там также имелось много чудских копей. По описанию П. Словцова на Иртыше, как и на Урале, имелись «бугры», в одном из которых нашли тело, тоже покоившееся на серебряной доске. В другой – золотые изделия. Тобольские татары чудь называли «сывыр – туба». (Сывыр (Сыбыр) – название народа, который проживал здесь до прихода татар и от которого произошло название Сибири).

Акинфий Демидов, узнав о богатствах Алтая, находил там рудники с серебром и золотом. Прослышав, что в рудах, добываемых Демидовым, содержится золото и серебро, казна конфисковала их у Демидова.

Полученное не законным путем золото и серебро, рудопрмышленники и заводчики не могли реализовывать официально, поэтому металл использовали подпольно для изготовления всевозможных изделий и украшений. Демидов, по всей вероятности, готовил из серебра не только украшения, но и деньги. Доказательством тому, служит сообщение из Екатеринбургской казначейской конторы. При приеме ею серебряных денег от Демидова оказалось, что они сделаны из низкопробного металла. Для допроса был затребован из Невьянской заводской конторы умершего Акинфия Демидова расходчик Спиридон Петров.

Другой рудопрмышленник Михаил Сибиряков, орудовавший на Нерчинских просторах, после своего отъезда в Петербург оставил на сохранение в Нерчинской горной экспедиции два ящика серебряных изделий с позолотой общим весом 1 пуд 39 фунтов (32 кг. 353 г.). Изделия в основном представляли собой столовую посуду и, судя по описанию, были выполнены не на высоком ювелирном уровне. (По всей вероятности, посуду изготавливали местные кустари).

После заводчика Демидова на Алтай для поиска руд отправляются верхотурские купцы Максим Походяшин и Алексей Власьевский, получив в 1753 г. «прочетный» указ (разрешение) из Государственной Берг – коллегии, поиски их увенчались успехом. Они не только нашли железные и медные руды и получили разрешение на постройку доменного завода, но и нашли руды с серебром и золотом. Слух о золоте дошел до Нерчинской горной экспедиции, и по приказу капитан – лейтенанта от флота Коростелева им запретили разрабатывать прииски и даже установили караул. При обследовании приисков унтершхтмейстером Василием Раздеришиным оказалось, что из пяти приисков четыре были разработаны на чудских коях.

Видимо, желающих искать золото было так много, что Нерчинская горная экспедиция вынуждена была в 1756 г. обратиться в Правительственный Сенат с требованием указа: «Какую плату производить, кто золотые руды ищет» и какие выдавать документы: «...паспорт или писание от службы» (ГАСО. Ф24. Оп. 12, Д. 2002, л. 268).

В результате накопленного опыта по отысканию золотых чудских копей, рудоискатели даже дали определение таких золотых руд. Ими стали называть жилы с разрушенным кварцем и с железистой охрой. В народе их еще называли «красной рудой». Информация о золотых рудах становится известной и простым обывателям, которые стали тайно искать и разрабатывать копи в надежде быстрого обогащения. Найденные прииски, хотя и держались в тайне, но в отдельных случаях становились известными горным чиновникам.

Хитников по золоту в первой половине XVIII века появились достаточно и на Урале.

Василий Ищенко, главный технолог ОАО «Уралэлектромонтаж»; краевед. Постоянный автор журнала. Научное направление его статей и очерков – горнозаводская деятельность на Северном Урале в XV – XVII в.в. Проживает в Екатеринбурге.

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) сохранилось несколько документов, где имеются сообщения о находке золотых приисков. Но не все прииски выявлялись при допросах или при судебных разбирательствах.

Первое такое сообщение о золотых рудах на Урале случайно дошло до сведения горных инженеров Сибирского Обер Бергамта в 1734 году. Стало известно, что татарин Утямыш в этом году приглашал на добычу золота своего приятеля Степана Чащина, но тот отказался от его предложения, ссылаясь на незаконность мероприятия. Об этом он поведал другу. В конце – концов, слух дошел и до Обер Бергамта. Быстро организовали поиск Утямыша и направили к нему горного чиновника с Полевского завода Василия Ивонина. Но Утямыш наотрез отказался ехать с ним на месторождение, мотивируя свой отказ опасением убийства Ивонина местными татарами. Тогда упросили Утямыша съездить вместе с Чащиным и привезти руду на пробу. Руда оказалась без золота. Так Утямыш смог избежать не только наказания, но и сохранить месторождение в тайне.

В 1742 году в конторе судных и земских дел в Екатеринбурге судили беглого Семена Шангина за воровство, но он, чтобы оправдаться, сообщил о месторождении золотой руды в Башкирии. При проверке оказалось, что там действительно есть золото, но не промышленного содержания.

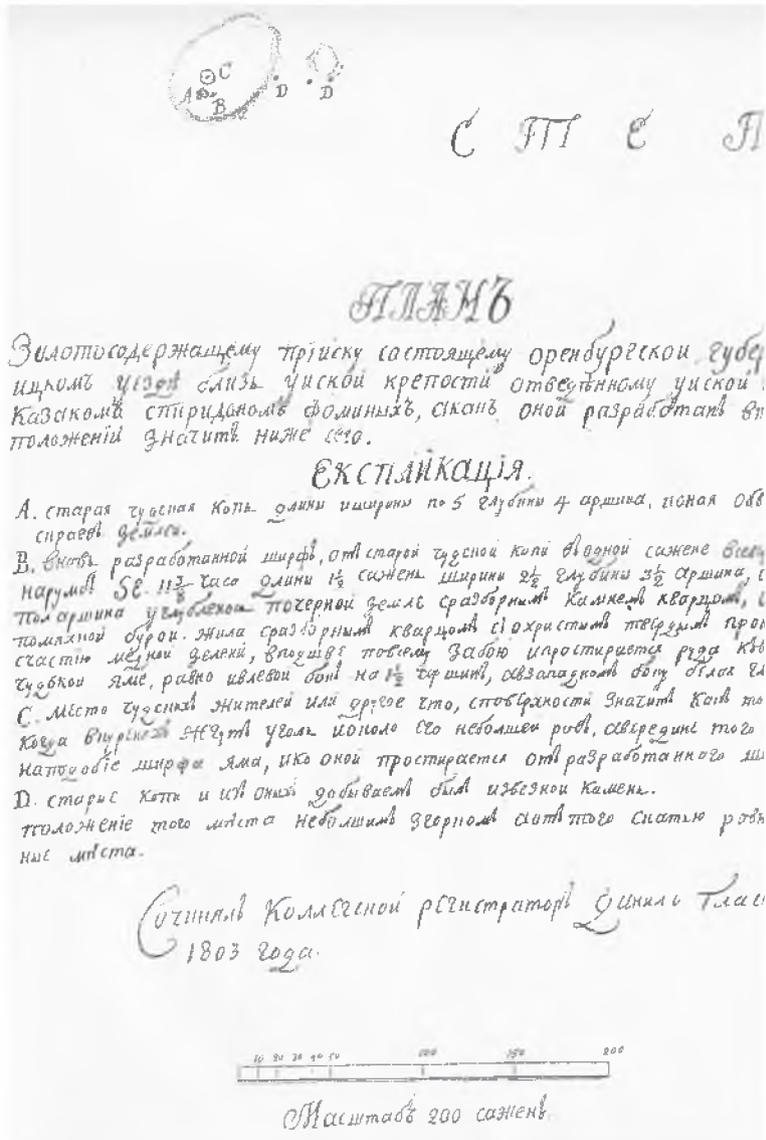
В 1745 году Ерофей Марков также по доносу попадает на допрос к горным инженерам. Сказка, которую он так ловко выдумал, ссылаясь на случайную находку золота при поиске струганцев (хрусталей), является сомнительной. Во-первых, он принес найденное золото не в Канцелярию главного правления, а ссыльному серебряных дел мастеру. Во-вторых, у него была не одна крупинка золота, а несколько, которые случайно отыскать невозможно. В-третьих, найденное им золото было двух видов, – из коренного месторождения и из россыпного. В - четвертых, он даже знал цену, за которую собирался продать золото.

К концу XVIII века приисков с золотом было найдено так много, что удерживать их в тайне стало уже невозможно.

В 1799 году казенный мастеровой Козьма Богданов Алапаевского партикулярного завода, подполковника Яковлева, находясь под судом в Екатеринбургской земской конторе за бранные слова, заявил, что знает пять золотых приисков. Взятые с названных мест пробы были испытаны и действительно в четырех из них обнаружилось золото. На допросе мастеровой сознался, что первый золотой прииск нашел 14 лет тому назад, когда жил при Синячихинском заводе.

Но не только утаивание золотых приисков частными лицами сдерживало развитие золотодобывающей промышленности на Урале. Этому препятствовали и ведомственные чиновники, стараясь извлечь из объявляемых приисков свою выгоду. Такой случай произошел на Южном Урале с секретарем Сергеем Мартыновым. Он проживал в Оренбурге и 3 сентября 1773 года сообщил в Оренбургскую казенную палату о находке более сотни рудников, в которых имелись не только железные и медные руды, но также золотые и серебряные.

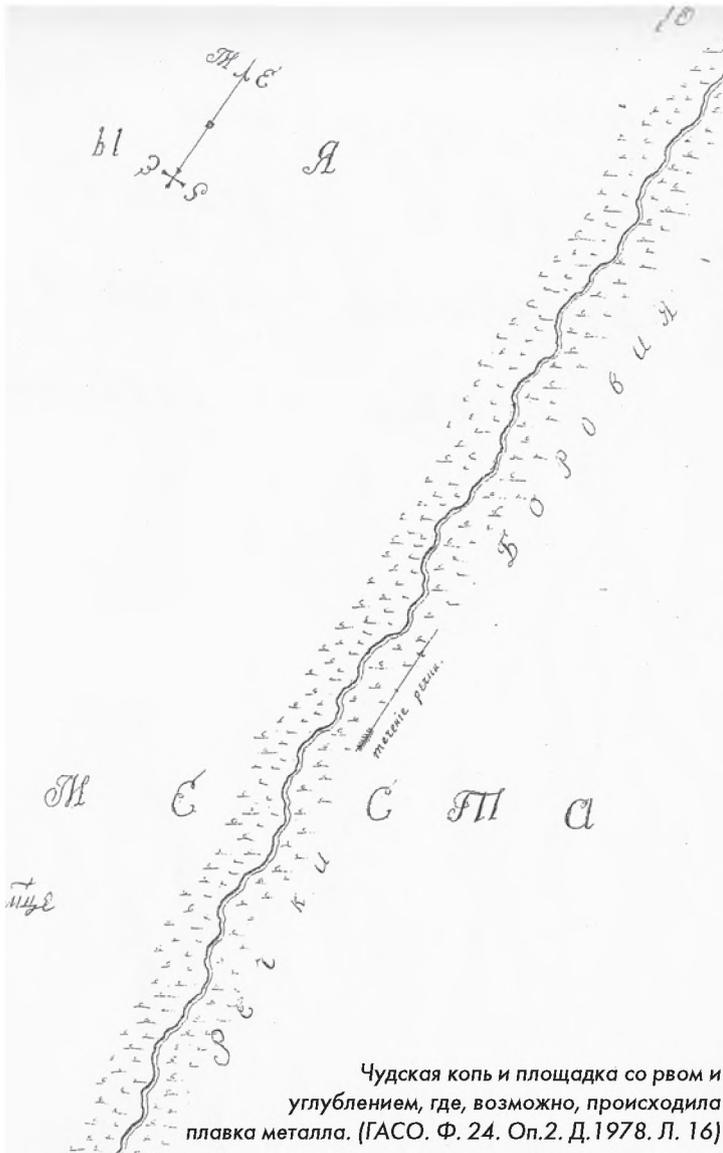
Самостоятельно найти такое количество рудников (приисков) не под силу даже опытному рудоискателю. Несомненно, Мартынов получал информацию от местных жителей. Известно, что башкиры и татары занимались скотоводством

и местность, на которой они пасли свой скот, знали до мельчайших подробностей. Особенно они обращали внимание на раскопки, в которых мог погибнуть скот. Мартынову, в силу своей работы, не составляло особого труда собрать от местного населения информацию о таких раскопках. Нет сомнения, что большинство рудников являлись копиями чуди.

В донесении Мартынов просил выдать ему вознаграждение по 500 рублей за каждый благонадежный прииск. Казалось бы, такое количество объявленных рудников должно было бы заинтересовать чиновников, но этого не произошло. Только в 1785 году Канцелярия сообщила Мартынову, что для рассмотрения его прошения по рудникам необходимо предоставить: подробное описание всех приисков с результатами их разработки, определить мощность рудных жил; составить план по каждому руднику, испытать образцы руд и предоставить их анализ; указать владельца земли, в которых они находятся.

Выполнить эти требования Мартынов не мог как по физическим, так и по материальным соображениям. После смерти Мартынова его сын в 1795 году обратился в Троицкий округ с объявлением вышеназванных рудников, но никакого предписания не последовало. Тогда в 1800 году вдова Мартынова подала реестр приисков в Екатеринбург-

Чудская копь и площадка со рвом и углублением, где, возможно, происходила плавка металла. (ГАСО. Ф. 24. Оп.2. Д.1978. Л. 16)

ское горное начальство. И только 6 сентября 1802 года последовало требование к Мартыновой явиться и пояснить: были ли ее мужем разработаны рудники и представлялись ли куда-нибудь руды на пробу. Но Мартынову уже не могли отыскать на прежнем месте проживания. Она переехала в Казань. В Казани полиция также не смогла ее найти. Возможно, потеряв надежду получить вознаграждение от казны, она сообщила о рудниках заводчику. Не исключено, что ее исчезновение связано с криминальным исходом.

Поиском золота стали увлекаться даже казаки, которые проживали в крепостях на Южном Урале. Так, отставной казак Чебаркульской крепости Радион Волхин и служилый солдат Уйской крепости Спиридон Фоминых объявили о находке трех приисков с золотом. Проверка показала, что действительно в двух из них имеется золото. Интересно, что первый прииск, который находился в трех верстах от Карагайской крепости, был уже разработан на глубину 6 сажень (12,78 м.). Видимо, когда уже стало тяжело его разрабатывать, решили рассказать о нем горным офицерам, чтобы получить вознаграждение.

Второй прииск находился в 3,5 верстах от Уйской крепости. Примечательно, что он был разработан не в чудской копи, а рядом, отступив от нее одну сажень. Только поэтому, при его описании было замечено, что рядом находилась чудская копь. Обнаружилась и площадка, где, вероятно, стояла плавильная печь, так как в середине площадки имелось углубление, от которого к шурфу был прорыт ров. По всей площадке в поверхностном слое содержалось много угля, наподобие мест, где выжигают уголь. Рудных шлаков не было замечено, значит, плавить могли только золото. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д.1978. Л.16).

Золотые копи чуди на Южном Урале привели к открытию богатых месторождений песочного золота в окрестностях Миасского завода, в которых содержались крупные самородки. Там были найдены такие уникальные самородки как: «Большой треугольник» весом 36,022 кг, «Кальцитовый», (6 кг), «Заячьи уши» в (3,345 кг) и др.

Таким образом, открытие богатых золотых россыпей в местах чудских копей подтверждает, что в раскапываемых буграх, о которых писал В. Геннин, золото было местным.

Золотые следы чуди, хотя и привели к богатым месторождениям золота, но не прояснили вопроса о самом народе¹. Находимые в последствии чудские кладбища показали, что на них не имелось бугров с золотыми и серебряными вещами.

По результатам исследований археологов выяснилось, что чужь имела низкий уровень развития, не могла владеть знаниями по поиску, добыче и плавке руд. Таким искусством в те времена владели только высокоразвитые страны. Кроме того, чужь проживала на огромных незаселенных просторах Урала и Сибири, на землях, где было изобилие животных, рыбы, птицы, плодов и ягод. Прокормиться им не представляло никакой сложности. И не было у них нужды заниматься тяжелым физическим трудом по добыче и плавке руд.

Ученый П. И. Шафарик утверждает, что племенной ветвью уральской чуди являются Сабиры – родичи гуннов. Но не все ученые придерживаются этой версии.

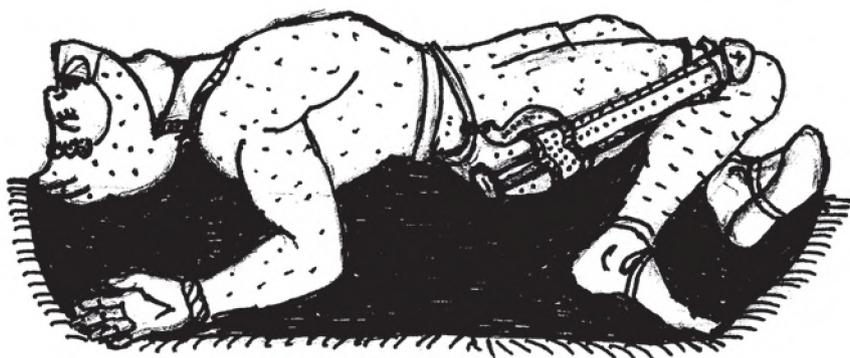
Из высказанных противоречий следует, что чужь эксплуатировали другие высокоразвитые народы, но кто они? Если обратиться к истории края, то обнаружим, что недалеко от Урала находилось высокоразвитое государство, которое называлась Волжской Булгарией. Оно чеканило свою монету и вело торговлю с Персией, Римской империей, арабскими государствами и другими развитыми странами. По описанию арабского писателя Ахмед ибн Фадлана, кроме Булгар и «суваз» (чуваш), там проживали армяне, арабы и персы. Интересно заметить, что с разгромом татаро-монгольскими племенами Булгарии, прекратилась и горнодобывающая деятельность чуди. Можно предложить, что в раскапываемых богатых могилах были захоронены представители высокоразвитого общества, которые эксплуатировали чужь.

Не исключено, что земные богатства Урала разрабатывались и представителями других народов, населявших Югру и Биармию.

¹ См.: Овчинникова Б.Б., Трофимов Ф.В. «... Чужь, народ, который обитал здесь прежде русских» // Новгородская Земля - Урал - Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Ч1. Екат., 2009

СОКРОВИЩЕ ТАМУРИИ

Исторический роман

ПЯТЫЙ ДЕНЬ ДО ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ

Небо за рекой Дахик еще только слегка просветлело, когда стоянка каравана огласилась истошным криком:

– Тревога! Пленник сбежал!

Лагерь тотчас пришел в движение. В палатку повел, оттолкнув персидского конюха, ворвался разъяренный Ваюга. Казалось, он протаранил бы ее насквозь, если бы дорогу ему не преградил Утана.

– Не этим ли мечом перерезаны ремни, которыми был прикручен иссед? – старар протянул руку к ножнам на бедре старшего из персов. – Или тем? – кивнул он на оружие Арианды.

– Может быть, тем, – отступил в сторону главный посол, – кто сделал это.

На ковре за его спиной у ног молодого перса лежало тело мидийского воина. Шея его была разрезана от уха до уха, вся одежда и шапка покрыты запекшейся кровью.

Ваюга замер в недоумении. В таком же недоумении остановился следовавший за ним сын и Раухшана, пребывавший в неменьшей ярости.

– Где вы нашли труп? – раздался звонкий голос Тамурии, догнавшей, наконец, неукротимого старар.

– Наш конюх, ночевавший рядом с ним, хватился его под утро, – кивнул глава персов на вошедшего в палатку Фрияну.

– Крепко же ты спал этой ночью, – бросила коноводу амазонка. – Ты проспал своего друга, как Раухшана – свою лошадь. Как это случилось?

– Наверное, Митридат пошел в лес по нужде, – угрюмо проговорил Фрияна. – Там, в кустах, я и увидел его уже мертвым, когда сам...

– Тоже пошел по нужде, – закончила за него амазонка. – Мы уже послали погоню в несколько сторон. Скоро иссед получит сполна за все это.

Дахи покинули палатку следом за Тамурией, за ними вышел и Фрияна.

– Убийца сослужил нам неплохую службу, – с невеселой усмешкой сказал Утана. – Он снял с нас подозрение в помощи исседу.

– Жаль, что мы теперь не узнаем, что было известно мидянину о сокровище саков, – отозвался молодой перс. – Странно все это.

– Что именно, Арианда?

– Сокровище действительно опасно. Проводник хорезмиец знал что-то о сокровище и был убит. Старый чабан тоже знал и тоже был убит. О Митридате мы с тобою некстати заговорили при иссede, и мидянин тоже погиб. Все они убиты исседами; оба последних – наверняка одним и тем же. Может, и первого убил Кардат. Кто будет следующим?

Послы выразительно посмотрели друг на друга...

Продолжение. Начало в № 10, 11, 12. 2009

Впереди каравана, как разведчики, высланные Рипейскими горами в степь, поднимались поросшие по-жухлой травой сопки, более низкие и покатые, чем те, что остались далеко позади в преддверии главных хребтов. В ложбины между ними уходили, завидев караван, табуны приземистых диких лошадей и стада прыгучих горбоносых сайгаков – кочевников от природы, которые искали на севере луга, еще сохранившие сочность.

Перейдя через «свою» реку и придерживаясь того же направления на летний восход, что они взяли вчера у Яшмового озера, дахи шли все утро ускоренным маршем. Это было тяжким испытанием для Раухшаны: за потерю своей кобылы, угнанной ночью исседом, Тамурия заставила юного даха бежать рядом с наездниками, как вчера – пленника.

– Итак, по словам исседа, Тамурия готовит нам западню, – сказал Утана. – А ты так и норовишь попасть в ее сети.

– А если Кардат ошибся?

– Как это?

– Может, он спутал голоса Тамурии и Ваюги?

– Ты хочешь сказать, что у старейшины и амазонки похожие голоса? По-моему, Арианда, похоть уже вытесняет твой ум.

– Все равно я не верю, что наша спасительница может желать нам смерти, – упрямылся молодой перс.

– Я тоже ей доверял, но ты ведь сам видишь, как она сурова с врагами. Или с теми, кого считает врагами.

Арианда насупился и отвернулся. Если бы знала Тамурия, сколько приходится ему ее защищать!

– Должен признаться, однако, – перевел разговор в другое русло Утана, – что Ахура-Мазда внушил тебе удачную мысль вмешаться в мой допрос исседа. Теперь мы знаем, что некое сокровище Зарины действительно существует.

– И оно захоронено на Харе Барзати.

– Да. Если иссед не соврал.

Арианда покачал головой. Хотя он и корил себя, что своими руками освободил врага Тамурии, но искренность пленника сомнений не вызывала.

– Он ведь поклялся именем Митры, Утана. Хотя убийце едва ли можно до конца доверять. Но, по-моему, на наши вопросы Кардат отвечал откровенно.

– По-моему, тоже. Человеку не свойственно лгать на грани жизни и смерти... Кстати, насчет убийства. Чем это пленник ухитрился зарезать Митридата и почему не забрал с собой его меч? Беглецу оружие ой как необходимо. Но ни у кого оно не пропало.

– Ты считаешь, Утана, что Митридата убил кто-то другой? Уж не его ли приятель конюх за то, что тот мешал ему спать своим храпом, как ты мне?

Только присутствие трупа в палатке удержало Утану от смеха.

– Лучше скажи, ты кому-нибудь говорил о мидянинне?

Арианда напрягся. Но врать не стал.

– Одной Тамурии. Но она и до этого заметила его мидийскую шапку.

– Вот видишь! Ты на глазах у многих общался с чабаном. Ей об этом доложили. Потом ты подтвердил, что среди нас – мидянин. А как строго хранят дахи свои секреты, мы с тобой знаем по той же амазонке.

– Ты хочешь сказать, Утана, что она сама убила тех, кто мог раскрыть тайну сокровища?

– Не обязательно сама. Исполнителей у нее – целый отряд. Может, твой знакомец Раухшана убил старика за болтливость, а потом и Митридата...

Солнце, поднявшееся над Горой Верблюда, рано разбудило беглого исседа. Он потянулся и перевернулся на другой бок, прячась от ярких лучей. При этом едва не уткнулся носом в то самое скалистое обнажение размером с хижину, которое и послужило ему ночлегом. Похожее на прилегшего верблюда, оно приютило голодного и нагого беглеца, приграв его, словно детеныша, между своей передней «лапой» и таким же каменным «брюхом». Правда, какой-то выступ на этом брюхе, смахивавший на мошонку, всю ночь мешал исседу. На свету он оказался здоровенным камнем, прижатым к «брюху».

– Уж очень ровно расколослась эта глыба. Будто некий бог отрубил мошонку волшебной секирой.

Из-под грани камня на «брюхе» возле самой почвы едва виднелось какое-то красноватое включение.

– Оно смахивает на пятнышко крови, оставшееся после кастрации, – усмехнулся беглец.

Увидеть его можно было только с того места, где лежал сейчас Кардат, и только в утренних лучах солнца.

– Нет, это не кровь. Это – самоцвет, похожий на кровь?!

Повинуясь внезапно вспыхнувшему инстинкту, сродни охотничьему, иссед напряг все свои силы и отодвинул глыбу...

– Всевидящий Митра! – воскликнул он в изумлении. – Я знал, что ты прольешь свет на сокровище!..

– Возьму-ка я собой несколько воинов да снова поищу этого проклятого исседа, – сказал Ваюга амазонке. – А вечером догоню вас на реке Курасан.

– Где ты его собираешься искать?

Александр Владимирович Кондратьев (псевдоним Алекс Кондор) – специалист по вопросам управления и оздоровительным системам, преподаватель Челябинской медицинской академии. Его alter ego – история древних культур. Собрал по этой теме большую библиотеку книг и статей. Будучи давним поклонником «Уральского следопыта», специально для любимого издания подготовил журнальный вариант своего остросюжетного исторического романа. Рисунки выполнены автором.

– Может, он где-то возле Перекрестка?

Пожалуй, састар прав, решила Тамурия. Где быть беглецу, как не на пересечении тех дорог, что со времен Траитауны соединяли плодородные оазисы юга с «пушными» тропами северного леса, а горные перевалы запада – с бескрайними пастбищами восточной степи. На этом перекрестке главный путь, из полуденных стран вдоль верховий реки Дахик, круто поворачивал на восход, к другой речной системе, также берущей начало в Рипеях. Караван сейчас и «срезал» этот прямой угол, торопясь в царскую ставку.

– В тех краях ведь тоже есть наши отряды, – попыталась отговорить Ваюгу дахиянка. – Может, он уже наткнулся на них?

– Тем хуже для него, – усмехнулся старейшина...

К послам подъехал Фрияна сообщить весть об уходе дахского састара.

– Наверняка Ваюга отправился искать Кардата, – озабоченно проговорил Утана.

– Если дахи найдут его, он проговорится о том, кто помог ему бежать, – подхватил молодой перс. – И тогда...

– Тогда кочевники спустят с нас шкуру в прямом смысле слова, – закончил за него старший посол. Заметив, что конюх внимательно слушает их разговор, Утана нахмурился:

– Фрияна, помни: ты не должен болтать о том, что знаешь.

– Клянусь правой рукой нашего великого царя! – произнес коновод самую страшную клятву персов. – Я никому не скажу об этом.

«Не скажу и вам, господа, что я услышал вчера от Митридата».

Оттеснив конюха, Арианда продолжил прерванную беседу.

– Знаешь, что еще мне приходило в голову о сокровище?

– Еще какие-нибудь вещицы? – усмехнулся Утана. – Мы с тобой забыли, что ценности сами по себе недостаточны для победы: более храбрый может их отнять. Вместе с властью.

– Как мы у мидян.

– Именно. Так что же это за таинственный дар небес?

– Если это не драгоценности, то, может быть, какое-то оружие?

– Действительно, оно – настоящее средство победы. Но какое именно?

– Например, булава из необыкновенно твердой яшмы. Вдруг это и есть то самое чудо-оружие, которым Траитауна поразил дракона?

– Это было бы здорово. Но и оружие может быть утеряно, отнято или разрушено. Все это слишком непрочны, чтобы быть великим сокровищем. Что же еще ты надумал?

– Конь.

– Ты меня сразил, Арианда. Конь-то тут при чем?

– Как же, Утана. Разве ты сам, к примеру, не собирался заплатить Тамурии огромные деньги за ее высокопородного коня, а точнее, даже за его семя?

– Да, – согласился старший посол. – Прекрасный конь – прекрасное средство победы. Только как он может быть связан с Высокой Харой?

– Ну, хотя бы так же, как наши сильные кони связаны с хребтами Мидии. Там, в высокогорной долине Нисее, они и разводятся.

– Пожалуй, в этом что-то есть. Ты хочешь сказать, что возле Хары Барзати может существовать некая тайная долина, где разводят особую породу боевых лошадей? Интересная мысль, – Утана одобрительно покачал головой.

– Мы знаем, – продолжал он, – что Нисейские луга богаты аспастой¹ и другими ценными кормами. Тогда может быть, в ущельях хребта Хары есть пастбища с какими-то волшебными травами, на которых и выращивают табуны «летучих» коней? А доступ туда могут иметь только избранные. Тебе больше нечего добавить?

– Мне кажется, что великое сокровище должно иметь магическую силу, этим-то оно и дорого, – предположил молодой посол.

– Теперь мы с тобою уверовали в волшебство, Арианда. А ведь еще не так давно ты верил только в собственного дракончика, который освобождал жен Вавилона от чар их мужей... Впрочем, – закончил старший посол, – меня заботит вовсе не сокровище, а то, как отозвалась Тамурия о дороге на Хару.

– Что она то ли не знает ее, то ли не уверена, что знает? Что бы это могло означать, Утана?

– Наверное, то, что дахиянка не очень хорошо помнит эту дорогу. Либо вообще знает ее только по описанию. Но это все только наши домыслы, Арианда, помни об этом, – уточнил Утана.

Путь переградила речушка, и послам пришлось сворачивать беседу.

– Впрочем, не все обстоит так плохо, – заметил напоследок Утана. – Мы все-таки выяснили кое-что из того, что мне поручил Царь царей.

«То, что сокровище Зарины где-то тут?» – вслух Арианда не сказал ничего. Он не верил, что друга мало занимает таинственная реликвия.

Наоборот, похоже, и великому Курушу требуется сокровище саков!

– Так это наш повелитель приказал тебе искать Хару? – тихо спросил молодой перс. – А не просто вступить в союз с сильнейшими из степняков?

– Лучше бы ты выпытывал секреты у Тамурии, – отрезал главный посол. – Поговорим после переправы.

Но на том берегу амазонка, разрешив, наконец, Раухшане сесть на нового коня, задала всем такой аллюр, что послам стало не до разговоров...

...То, что Кардат принял за самоцвет, оказалось красным пятном. Вернее, кружком. Одним из нескольких таких же

¹ Аспаста – на древнеиранском языке «лошадиная еда»: люцерна.

на голубых отростках. Там были еще и желтые кружки. И какой-то черный контурный треугольник на стебле.

– Голубая Ветвь! – воскликнул иссед. – Спасибо тебе, Митра! Это стоило всех моих мытарств. Но уж эту Ветвь я ни за что не покажу дахиянке! – и он, поднатужившись, поставил камень на место да еще присыпал скол землей...

Караван вышел к излучине еще одного потока. Течение его круто, под прямым углом, сворачивало на летний восход, куда и вела отряд неутомимая амазонка. Только поздно вечером караван остановился в пойме этого потока, носившего гордое название «Рождающий реку» – Курасан.

Невзирая на сытный ужин, оба посла чувствовали себя измотанными. И не только физически. Утана это особенно ощутил, когда в сумерках к нему вдруг подошел только что вернувшийся (и такой же усталый) дахский састар.

– Думаешь, ты здесь самый хитрый? – прошипел Ваюга. – Твой щенок еще может одурачить нашу девчонку, но меня ты не проведешь. Кроме вас, никто не мог помочь исседу. Предатели! Зря вас спасла Тамурия.

Наверное, впервые в жизни многоопытный посол не знал, что ответить...

В шатре его встретил Арианда, утомленный не менее друга.

– На тебе лица нет, Утана!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ДО ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ

– Сколько сопок мы не обыскали, нигде ничего, как не было и на Горе Верблюда, – разочарованно сказал Ваюга амазонке. – А ведь эта – последняя на нашем пути.

Расчлененный гранитный холм недалеко от устья Курасана порос лесом по северному склону, как нередко бывает в этих краях. Но ни с этой, обращенной к новой реке стороны, ни с противоположной, откуда шел караван, не было ни пещер, ни рисунков.

– На нас уже заглядывают персы, – проворчал састар. – Не гоже послам видеть, что мы ищем. И ищем ли вообще.

Тамурия не ответила. Старейшина прав: пора возвращаться. Но неужели все оказалось напрасным?

Она достала из поясной сумочки покрытый рельефами гребешок, в раздумье повертела его в руках, а потом оглядела округу.

– Знак должен быть где-то здесь, – проговорила амазонка. – В той пещере он был завален камнями. Может, и тут он спрятан под какой-нибудь глыбой?

Ваюга подошел к обломкам гранита, в незапамятные времена упавшим с вершины к подножию скалы.

– Только не заставляй старика ворочать камни.

Словно действуя по какому-то наитию, Тамурия уперлась плечиком в одну из плит, прислоненных к стене. Плита даже не шелохнулась.

– Дай-ка я, – оттеснил девушку састар. Но и он смог сдвинуть камень не более чем на пядь.

– Ваюга вернулся, – бросил ему в ответ старший из персов.

– Они нашли исседа?

Утана махнул рукой и повалился на свое ложе, не раздеваясь.

– Кажется, нет. Но нам от этого не легче. Ваюга подзревает нас во всем.

Арианда приподнялся с лежанки.

– Последние две ночи кого-то убивали в стане, – сказал он. – Что ты думаешь о нынешней ночи?

– Я уже отдал приказ оставить дозор. А нам с тобою надо не выходить из палатки.

Арианда потянулся. Если бы можно было и заснуть по приказу!

– Знаешь, что мне пришло в голову насчет последнего убийства? Кардат мог стащить какой-нибудь маленький ножик, которого никто и не хватился. А как ловко он управляет с таким оружием, мы знаем по мертвому городу.

– Может быть, – не сразу отозвался старший из персов и снова умолк. Арианда вздохнул. Опять он остается в ночь один со своей головной болью.

– И с сокровищем, – пробормотал он.

Уже засыпавший Утана услышал его и перевернулся на спину.

– Все же странно, Арианда: если сокровище Зарины – на Высокой Харе, что же ищут дахи здесь, на равнинах?..

– Что с тобой, Тамурия? – спросил Ваюга, заметив гримасу на лице спутницы.

Амазонка расстегнула куртку и широко распахнула ее, потирая плечо.

– Я слишком сильно надавила. Давай попробуем вместе, – она не хотела сдаваться.

Пыхтя и кряхтя, они снова навалились на плиту.

– Давайте, я помогу! – от усердия оба предводителя дахов не почуяли, как приблизился самый младший из их подчиненных.

– Кто тебя сюда звал, Раухшана? – девушка торопливо запахнула куртку, скрывая то ли обнаженную грудь, то ли татуировку на ней.

Зато юный дах не скрывал свою. Стянув кафтан, он выставил напоказ свернувшегося кольцом барса, нанесенного черной краской на правую грудь и плечо особым образом. Когда рука была опущена, зверь сворачивался в кольцо вокруг подмышки; а при отведении руки хищник, упиравшись в сосок, вставал на задние лапы и поднимал передние – будто тянулся за добычей.

Барс был красив, но Тамурия почему-то поморщилась при виде него.

– Сюда направляются послы, – делая вид, что не замечает неудовольствия предводительницы, Раухшана свернул свою куртку. – Я хотел вас предупредить.

Не давая командирам опомниться, юный дах подложил куртку под плечо и с такой яростью тол-

кнул плиту, словно сам был из такого же твердого гранита. Увидев, что плита поддалась, Ваюга и амазонка ухватились за нее, как могли. Втроем они все-таки сдвинули камень и замерли, еле удерживая его.

– Демоны преисподней! – вскричал Ваюга. – Голубая Ветвь!

– Скорее, здесь она похожа на куст, – промолвила Тамурия. – С целой гроздьёй плодов трех цветов, да еще с треугольником.

– Ветка слева какая-то странная, – Раухшана ткнул пальцем в рисунок.

Он не договорил, услышав конский топот. Быстро задвинув плиту, дахи направились к своим лошадям, привязанным на опушке, и едва не столкнулись с послами, которые уже передавали поводья Фрияне.

– Наши лошади измучены, – пожаловался Утана, предупреждая вопрос Тамурии. – Может, объявишь привал?

– Вы уже могли бы отдохнуть, – сердито бросила Тамурия, – вместо того, чтобы следить за нами.

Пока главный из персов ломал голову над ответом, амазонка снова достала из сумочки гребешок, на этот раз вместе с бронзовым диском-зеркальцем. Отвернувшись от посллов, девушка быстро привела в порядок размятавшиеся волосы.

– Можно посмотреть? – Утана протянул ладонь к косяному, тонкой резьбы гребешку с широкой полукруглой ручкой.

– Поедем к каравану, – Ваюга неодобрительно покосился на то, что Тамурия передала свою расческу персидскому послу. – Может, действительно надо дать отдых лошадям.

– Давайте взглянем на них, – Тамурия раздумывала недолго. – Если они действительно выбились из сил, устроим привал. Только очень короткий.

Она забрала гребешок у старшего из посллов, не дав его толком рассмотреть младшему. Взбираясь на коня, девушка сунула гребенку обратно в кожаную сумку, второпях слабо застегнув клапан кармашка. Резко трогая Арванта, амазонка не заметила, как от толчка гребешок выскользнул из мешочка и упал под копыта жеребца.

Послы не торопились последовать за отъезжавшими дахами.

– Ты успел разглядеть, Арианда, гравировку на ее гребешке? – спросил друга Утана.

– Ломаную линию, похожую на морские волны?

– Или на силуэт горного кряжа? – Утана задал наводящий вопрос.

– Похожая метка – только двойная – на ушах дахских коней. Это тамга рода Хшантиев, как объясняла Тамурия. Наверное, она обозначает Рипей.

– Точнее, хребет Хары, – веско сказал главный посол. – Разве ты не заметил, что на этот зигзаг на расческе опирается звериными лапами Птица Войны, мифический

грифон с характерным хохолком? А ведь ее считают одним из воплощений птицы Гар.

– Которая гнездится только на Харе! – подхватил Арианда. – Пусть меня разорвут полчища всех этих крылатых козлов и летающих барсов, которые тоже водятся на Харе, если ты не прав!

– Значит, символ главного рода дахов – Хара Барзати, – подвел итог Утана. – А еще я успел заметить, что на гладких боках у птицы нацарапаны какие-то знаки.

– Может, это имя и титул владелицы? – задумался младший посол.

– Уж, наверное, не описание пути к Харе! – засмеялся глава персов.

– Да, это было бы слишком просто, – согласился Арианда.

Он вдруг замолчал: из глубины рожи – далеко от каравана! – вдруг раздались какие-то звуки.

– Мне кажется, там ржала лошадь, – Арианда указал рукой на заросли.

– Это, наверное, эхо, – слух у старшего посла был немножко похуже. – Ну-ка, помоги.

– Что ты собираешься делать?

– Я заметил, что дахи копошились около этой плиты. Давай отодвинем ее.

Двое могучих друзей справились с камнем побыстрее трех кочевников. Но едва не уронили плиту, когда услышали голос конюха за своей спиной:

– Сюда возвращаются дахи!

– К демонам-дайвам тебя, Фрияна! – выругался молодой посол. – Кто тебя звал?

Тем не менее, друзья поспешно задвинули плиту. Рисунок на них впечатления не произвел...

Меж замшелых камней лежал гребешок девушки с застрявшими в его зубьях темными волосками. А ведь волосы, по поверьям древних, были незримо связаны с человеком, их носившим, заключая в себе частичку его души. Но эта частичка Тамурии совсем недолго оставалась на валунах. Чья-то рука вдруг быстро схватила ее...

Дахи не стали сразу переправляться через новую реку. Караван повернул направо и пошел на восток вдоль ее широкого русла. Но это еще большее удаление от Рипейских гор почему-то не расстраивало Утану. Наоборот, старший посол заметно повеселел.

– Чему ты радуешься, Утана? – спросил его младший товарищ. – Тому, что прекратились ночные убийства?

– Впереди еще много ночей, – мудро заметил главный посол. – Но посмотри лучше на эту реку: за ней вздымается на холмах дремучий бор – Санарский², как назвал его дахский пастух Фрияне. Его-то и обходит река, а вместе с нею и мы.

– Какое мне дело до местных речек?

² От реки Сан-ара (похожие названия рек есть и на Урале, и в зарубежной Европе; обе части слова означают просто «Река»).

– Конечно, никакого, если в них не плещутся прелестные пэри. А вот мне кажется весьма важным, что мы впервые видим реки, текущие с Рипейских гор так далеко на восток.

– Не пойму, куда ты клонишь, Утана.

– К морю. Я клоню к тому морю, в которое и должны впадать в конце концов эти реки. Это море не может быть на востоке. Оттуда, по словам нашего исседа, пришла огромная конница аримаспов, а кони не могут перелететь через море. Если, конечно, это не кони Митры или Солнца.

– Тогда получается, что реки, бегущие с Рипейских гор на восход, потом поворачивают на север и впадают там в какое-то холодное море... Великие боги! Ты хочешь сказать, что они вливаются в М о л о ч н о е море?

Утана кивнул с явным одобрением умственных способностей друга.

– И мы вслед за дахами идем именно туда? – воодушевился молодой перс. – Туда, где, недалеко от этого моря и возносится в небо Высокая Хара?

– Может быть.

– Ну конечно же! Мы сейчас идем одним из тех трех путей на Хару, о которых упомянул Кардат. И у нас появляется надежда найти ее и узнать, что это за таинственное сокровище спрятано на священной горе, которая и сама по себе является сокровищем.

– Это т е б е нужно сокровище, – остановил друга Утана. – А мне – только Хара.

«Так я тебе и поверил, – подумал младший посол. – Не самому тебе, так великому царю нужно это сокровище. Тем более, если оно способствует победе и власти».

– Единственное «но», – Утана не был бы Утаной, если бы не привел все возможные доводы. – Это то, что Кардат отрицал близость моря к Рипам...

Едва караван удалился от сопки, к той плите, что закрывала рисунок, подошел, уже не таясь, человек. Костюм кочевника был ему маловат, хотя и сам он не отличался особой мощью. Мощью, достаточной, чтобы в одиночку отвалить камень.

– Одна ветвь поможет мне увидеть другую, – усмехнулся Кардат, вставляя в узкую щель меж плитой и скалой длинную жердь, выломанную в роще. Действуя своим орудием, как рычагом, он вскоре сдвинул плиту.

– Что-то мне напоминает один, будто надломленный, отросток...

– Итак, по-твоему, Высокая Хара, совсем уже близко? – Арианда был рад не меньше своего друга. Даже голова перестала болеть.

– Получается, скоро конец нашего пути! – добавил он. – Кажется, пришла пора, Утана, ответить на мой вопрос. Почему тебе так важна Обитель

богов и праведных душ? У нас ведь была совсем другая цель.

Главный посол раздумывал недолго и на этот раз не смог отказать другу.

– Если Хара Барзати где-то недалеко от владений дахов и исседов, можно было бы попытаться пройти к ней. Представь себе сказочное зрелище: глубокая лазурь неба и моря, которое вспенивается тем молочно-бурлящим потоком богини Анахиты, что срывается с круч Хары и разбивается о подножие этой горы, сверкающей золотыми склонами, как второе солнце.

Над этой ослепительной горою и животворными реками, рожденными потоком Анахиты, временами восходит, словно третье солнце, сияющий Фарн³. Его длинные крылья переливаются всеми цветами радуги: алым, изумрудно-зеленым, пурпурно-синим... Неземной красоты картина! При виде ее сердце твое обретает мир, покой и радость. Божественная сила навеки поселяется в твоей душе, которая сама засияет, получив частичку Фарна! – и главный из персов умолк, представив себе все это, будто наяву.

– Великая слава ожидает каждого, кто при жизни взойдет на Хару и, может быть, действительно услышит голос богов, голос Истины, – продолжил Утана, переведя дух. – Свершить то, что никто не смог бы сделать на твоем месте, кроме тебя – что может быть прекрасней?

– Только новенькая рабыня после доброй чарки, – с задумчивым видом кивнул молодой посол.

Утана усмехнулся одними губами.

– Может быть, может быть. Но знаешь, Хара – мечта моего детства. А мечты детства надо исполнять. В этом, по-моему, и есть смысл жизни.

На молодого перса тоже подействовало поэтическое описание Горы Судьбы, но его волновали иные страсти.

– А по-моему, – сказал Арианда, – гора, даже самая прекрасная, остается всего лишь камнем. И Фарн ощутить довольно трудно. А вот наслаждение, особенно то, что дарует женщина...Что еще надо для счастья? – он прервал сам себя. Не стоит говорить о чужой женщине с братом собственной жены.

«Но, Утана, меня-то ты не проведешь! Чтобы такой рассудительный человек, как ты, ты – ходячее воплощение долга, готов был пойти на край света за призрачной мечтой? Не верю. Что-то здесь не так...»

Дахи отошли от реки, чтобы обойти стороной еще один мертвый город.

– Знаешь, Арианда, по словам нашего конюха (а ему рассказал Раухшана), выше по реке – другое, самое северное городище. Что за народ их оставил? Зачем он пришел сюда и почему их покинул? И связано ли это каким-нибудь образом с теми поисками, что ведут здесь дахи? – Утана вдруг

³ Фарн («Сияние») – божество небесного огня, энергии и величия у древних иранцев. Представление о нем восходит к северному сиянию.

натянул повод. – Слушай, мы чуть не пропустили нечто крайне важное!

– Что именно?

– Когда я три дня назад подслушал разговор Тамурии с Ваюгой, дахиянка упомянула о какой-то Голубой Ветви. Ее рисунок она увидела где-то. Наверное, и на этой сопке мы видели такой же или похожий на него!

– Видимо, это действительно что-то очень важное! Но что это может означать, Утана? Какая связь может быть у растения с сокровищем?

Утана раздумывал недолго.

– Есть поверья, что некоторые из них растут там, где запрятаны клады. Таков, в частности, знаменитый корень мандрагоры.

Молодой перс воодушевился.

– Значит, некое Голубое Растение посажено над сокровищем?!

– Может быть, Арианда. Но пока мы знаем только о рисунках, а не о самом растении. Как не знаем, насколько помогли эти рисунки дахам. Во всяком случае, под рисунками они их не ищут. Или не находят.

Молодой перс вдруг проговорил с раздражением:

– А ведь этот проныра-конюх подглядел то, что ему не предназначалось.

– Отвяжись ты от него. Он только выполнял мой приказ, – отмахнулся главный посол. – Вряд ли Фрияна что-нибудь понял. Да и мы пока тоже.

С последним рассуждением Арианда спорить не стал.

– В науке о травах я не силен, Утана. Почему ветки этого растения голубые?

– Понятия не имею. Наверное, это знают только дахи да убийца-иссед.

– Или, – предположил Арианда, – вообще один иссед...

Караван заночевал возле старого сакского кургана с покосившейся стелой на макушке. Беспокоясь за жизнь Тамурии, Арианда старался держаться поближе к амазонке, хотя от нее почти не отходил и Ваюга. Улучив момент, молодой перс задал девушке вопрос о Зарине. Получив ответ, который его, с одной стороны, обнадежил, а с другой – обескуражил, молодой перс отправился к старшему товарищу.

– Тамурия пообещала мне рассказать все, что знает о Зарине, когда мы окажемся рядом с царской ставкой!

– Хорошая новость.

– Но есть еще и плохая. Оказывается, курган Зарины находится далеко на юге, в Хорезме!

– И что же?

– Но ведь именно в курганах кочевники прячут главные ценности усопшего. Как же сокровище могло оказаться так далеко от ее могилы?

– Было ли оно там вообще? – Утана прятал усмешку в окладистую, завитую кольцами бороду. – Сокровище не дает тебе спать, будто ты нищий пастух, а не владелец имений в десяти странах.

– Но ведь это не просто сокровище, а великое сокровище, Утана.

– Да, великое, – задумался главный посол. – Ты говорил о магической силе этого сокровища. А я полагаю, что великое сокровище наших предков должно быть не просто чудодейственным. Оно должно обладать всеобщей силой и неотъемлемой ценностью для победы. Для победы над главным врагом человека...

Молодой перс решил воспользоваться его настроением.

– Какое все-таки растение скрывается под Голубой Ветвью? Что это за собрание разноцветных плодов на одном кусте?

– Ну, это-то как раз несложно, Арианда. Желтые, красные и черные плоды – это один и тот же плод на разных стадиях созревания. Желтый плод – неспелый, красный – налившийся соком, а черный...

– Мертвый, – продолжил за него младший посол.

– Как ты сказал, мертвый? – хмыкнул Утана. – Это интересно. Я-то хотел сказать – загнивший.

Главный из персов почувствовал, как у него мелькнула какая-то почти неуловимая мысль. Но ему слишком хотелось спать...

– Это все напоминает некое плодовое дерево, к примеру, яблоню. Правда, яблони не растут в этих краях.

– Зато растет дикая вишня, – подхватил Арианда. – Тамурия называла ее «Дерево Пути». Название весьма символичное. Может, вишня и есть это загадочное растение? Но что тогда означает черный контурный треугольник?

– Черный треугольник? – повторил Утана. – Не знаю... Знаю только, что пора ложиться спать, наконец! Ты что, хочешь, чтобы и меня постигла бессонница? Чтобы и я, как ты, бродил ночами по стану, подставляя шею убийце?..

При свете тлеющего костра гребень амазонки выглядел омытым кровью. Освободив его от волос и пробормотав над ними какое-то заклинание, человек спрятал волоски в свою сумочку. Затем он повертел гребешок во все стороны. Как разобраться во множестве подкрашенных алым цветом насечек, которые группировались в отдельные фигурки, похожие на домики и человечки? Ни один из этих знаков не был понятен тому, кто сейчас изучал их. И поэтому они казались человеку столь же бесполезными для его цели, как и вырезанный на рукоятке силуэт фантастической Гар-птицы, на котором эти знаки и были начертаны.

Едва ли державший сейчас гребешок или кто-нибудь иной мог бы предположить, что и знаки, и их носительница-птица связаны между собой. И что все это окажется когда-нибудь вопросом жизни и смерти и для него самого, и для множества людей из самых разных племен. А может, даже для самого могущественного владыки на земле, Царя царей Куруша...

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ДО ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ

Наутро отряд снова устремился прямо на север, оставляя по левую руку тот же самый Санарский лес и пересекая реку за рекой (похоже, они все потом сливались в одну). Последняя переправа привела отряд на крутой холмистый берег, где его ожидал привал около еще одного кургана. Ужин позволил безмерно уставшим в пути людям, лошадям, а особенно нагруженным верблюдам хорошенько отдохнуть.

Не до отдыха было только Арианде.

– Тамурия, ты расскажешь, наконец, о Зарине и Стрианге? – решительно начал он, найдя девушку. Его упорство на этот раз было вознаграждено.

– На чем мы остановились? – спросила амазонка.

– На том, что муж Зарины, царь парфян Мармар, велел все приготовить для казни пленного Стрианги.

– Да-да, для казни пленного... – проговорила Тамурия, вспоминая. Она задумалась. Казнь пленных всегда вызвала протест в ее душе. Даже если была необходима. – Владыка Парфии отверг все просьбы жены. Зарина же была возмущена тем, что парфянский царь не считается ни с нею, ни с мнением большинства саков. Этой же ночью Зарина освободила мидийских пленников. Стрианга в схватке зарубил парфянского царя своей рукою.

– То есть она предала мужа?! – воскликнул пораженный Арианда.

– Мужа, но не свой народ, – твердо сказала Тамурия. – Зарина заключила мир с могущественной державой мидян, которые с тех пор позабыли и думать о походе в те края, где женщины-воины не уступают мужчинам в доблести. Те же из жителей страны Хвар, кто не желал подчиняться мидянам, переселились на земли Зарины. Тут они строили города, возделывали поля и даже нашли месторождения любимой ими бирюзы, изделиями из которой они с тех пор снабжают всю степь.

– А что же Стрианга?

– На следующий год спасенный Зариной полководец во главе посольства поехал в ее столицу, чтобы окончательно утвердить условия мира. Недалеко от города царица встретила его с большим почетом... Но что случилось дальше, я расскажу тебе, когда мы приедем в главный

лагерь. А сейчас давай-ка прощаться: на нас глазеез уже вся стоянка.

– Будь осторожна, Тамурия, – Арианда переживал, что не может напрямую предупредить ее. – Сдается мне, что убийца-иссед охотится теперь за тобою...

Когда среди ночи молодой перс поднялся с постели, его вдруг схватила во мраке сильная рука Утаны.

– Ты куда? – спросил главный посол.

– Много воды выпил на ночь.

– Я тоже. Идем вместе.

Они бесшумно вышли из палатки и проследовали до ближайшей рощи. Благо караул стоял в другой стороне. Но когда уже собирались идти назад, услышали треск сучьев в чаще.

– Кто там? – шепнул Утана другу, который тотчас выхватил меч и бросился на шум. Главному послу пришлось поспешить за своим неосторожным товарищем. Впереди мелькнула какая-то тень, и вдруг из кустов, в которых она исчезла, вылетел какой-то предмет. Друзья едва успели отшатнуться, как в сосну рядом с ними воткнулся нож. Это задержало их ненадолго, и Арианда снова рванулся вперед. Он тут же вытащил из кустов и бросил к ногам Утаны убийцу, который уже и не думал сопротивляться.

– Тебе конец! – молодой перс наступил на спину лежащего ничком противника.

– За что, господин? – голос был хорошо знаком обоим послам. Но это не был голос исседа.

– Что ты здесь делаешь, Фриана? – удивился старший из персов, разглядев в свете луны лицо коноха.

– Живот скрутило, – ответил испуганный коновод.

– Зачем же ты бросил в нас нож? – спросил Утана.

– Это не я, а тот, кто только что пробежал мимо.

Утана подошел к дереву и вырвал из ствола маленькое оружие.

– Вот и нож, которым убили Митридата. Значит, иссед все-таки был здесь, – тихо сказал он. – Кого мы сегодня спасли, как ты думаешь, Арианда?..

ВТОРОЙ ДЕНЬ ДО ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ

Назавтра Тамурия еще больше взвинтила темп. Что заставляло ее так торопиться? Это оставалось загадкой для персов. Как и то, что ждало впереди. Пройдя немного вверх вдоль русла, отряд отошел от текучих вод, не упуская, однако, из виду многочисленные воды стоячие.

Они обходили болота и озера, держась того же направления на север.

Теперь недовольство верблюдов усугублялось влажной местностью и комарами: того и другого «корабли пустыни» терпеть не могли. Как, впрочем, и люди. Один только Утана оживлялся все больше и больше по мере того, как караван углублялся в озерный край. Особенно после того, как переговорил с Фрияной.

– Знаешь, Арианда, наш конюх рассказал мне, что, по словам Раухшаны, вода во многих из этих озер – соленая. Как в море.

– Ты думаешь, и само Молочное море уже близко? – догадался молодой перс. – Но зато гор не видать.

– И Голубых Растений тоже. Кстати, я понял, что может означать контурный треугольник. В нем-то все и дело!

– Что же это, по-твоему?

– Это метка на Голубом Растении.

– Знак того, что именно это растение посажено над сокровищем? Здорово! А как он может выглядеть?

– Например, какая-нибудь зарубка топором. Топор в рисуночной письменности нередко изображается треугольником, каков он с торца.

– А может, и не зарубка! – радостно проговорил молодой посол. – На той вишне, что мы видели с Тамурией, висел кожаный лоскут, оставленный, по обычаю, дикарями. Такая же метка может быть и на Голубом Растении!

– Пожалуй, в этом что-то есть, – согласился Утана. – Надо приглядываться к кустам и деревьям на пути.

– Будем приглядываться, – кивнул Арианда. – Но почему все-таки ветви растения голубые?

Главный посол не ответил. Глаза его были устремлены вдаль, будто он вдруг увидел Голубое Растение или саму Хару Барзати.

Арианда проследил направление его взгляда. На опушке рощи, сзади-слева от каравана, уезжал в чащу всадник на коне, ведущий еще одну лошадь на длинном поводу. В кустах мелькнул и исчез ее белый круп.

– Ты понял, кто это? – спросил Утана.

– Почему ты решил, что это Кардат?

– Как же, Арианда. Разве не ты сравнивал эту лошадь с девкой, оголившей задницу? Похоже, иссед следует за караваном.

– А это значит, – закончил за него Арианда, – что нам всем опять угрожает смертельная опасность. И Тамурии тоже.

Утана не был бы Утаной, если бы не оставил последнее слово за собой.

– Смертельная опасность нам угрожает и от самой Тамурии.

В этот момент громкий крик амазонки остановил караван...

После короткого привала отряд готовился двинуться в путь.

– Что-то Ваюги не видно, – озабоченно проговорил Утана.

Тамурия тоже обратила внимание на исчезновение старейшины, и это ее беспокоило, пока к ней не подъехала его дочь, которой в последние дни стало значительно лучше.

– Отцу показалось, что он увидел в зарослях лошадь с белыми бедрами, похожую на кобылу Раухшаны. Он взял брата и еще пару воинов и сказал, что поедет поискать исседа, – объяснила Майясара. – И еще велел передать, чтобы мы не ждали его: встретимся в главном стане.

– Одноглазый оказался гластее всех? – съязвила амазонка, недовольная неповиновением састара. – Ему везде мерещится беглый иссед. Наверное, его смутил белый зад лосихи, – под общий смех добавила она.

Только персам было не до смеха.

– Не нравится мне все это, – промолвил старший посол.

– Если он поймает исседа... – так же тихо подхватил Арианда.

– Даже если и не поймает, наше положение все равно усложняется. Ваюга рвется первым доложить царю дахов обо всем. И я знаю, как он доложит...

– Это озеро называют Золотистым⁵? – спросил себя Кардат, выезжая на берег овального, длиною в час ходьбы, водоема. – Кажется, нет.

Следующее озеро, похожее на предыдущее как две капли воды, отделяла небольшая, усеянная древними курганами перемычка. Именно оно блеском придонных песков на солнце оправдывало это название.

Но иссед искал здесь не золото. Во-первых, ему нужен был навоз. А во-вторых – грязь. И того, и другого он нашел тут в избытке.

Первое ему нужно было, чтобы определить направление пути каравана. А вторым он намазал свои раны.

– Теперь я позабочусь и о вас, – потрепал он сразу две потные конские холки. – Только бы целебный ил унял этот проклятый зуд. Как натер мне кожу наряд той тощей пастушки!

Кардат начал собирать свои вещи и вдруг приостановился.

– Надо же, какая мелочь, а вкупе с теснотой одежды она могла бы стоить мне головы, – пробормотал он. – Как же я не замечал этого?

⁵ На языке башкир – Ирендик. Ныне оз. Смолино около Челябинска.

Протекавший рядом ручей лучше подходил для обмывания коней, нежели горько-соленая озерная вода. Но вместо того, чтобы почистить скакунов, иссед первым делом взял свою маленькую куртку и принался тщательно оттирать ее синюю кожу.

– Хорош бы я был в дахском стане с засохшей кровью дахиянки на вороте, – зло усмехнулся он...

– Похоже, стан дахов совсем рядом, – повернулся Утана к другу, когда разглядел двойное кольцо повозок на склоне холма. Главный посол был слегка разочарован тем, что окрест не было ничего похожего на священное Молочное море или на могучий хребет Хары. Не считать же за море соленое озеро, оставшееся позади, а за горы Хары – здешние холмы, невысокие, протяженные и покатые. Заречные, слева от каравана, серебрились березняками и осинниками, а ближние, гранитные, держали на себе медноствольный островной бор. Его-то и обходила, прижимаясь к нему ивовыми меандрами и распадаясь местами на рукава, какая-то река.

– Майаса – «Изменчивая», «Обманчивая»⁶, – возвестила амазонка. – Предки прозвали так эту реку за то, что она, беря начало в Рипейских горах, часто резко поворачивает то на север, то на юг, сбивая с прямого направления тех бедолаг, что последуют за ее течением. Но не бойтесь, вас она не собьет. Поэтому что это – конец пути.

– Еще не конец, – произнес младший посол без улыбки. – Ты забыла, что нам надо возвращаться.

– И хотелось, – добавил старший, – чтобы вернулись мы все.

Увы, этим надеждам не суждено было сбыться...

– Слыхал? – обратился к Кардату веселый кочевник, выбравшийся из толпы у входа в центральный круг кибиток. – Завтра будет у нас развлечение.

– Какое?

– Как же, вечером казнят целую кучу пленников! – радость степняка, соскучившегося по зрелищам, была бы, наверное, понятна исседу, если бы казнили не его сородичей. Но он на всякий случай поддержал даха смешками.

– Так суд уже закончен? – спросил он, тщательно подбирая слова, чтобы не выдать свой, отличный от дахского, говор.

– Почти. Царица уже приговорила исседов, послушав недолго одного из них, который назвался Вираком. Вина персов тоже установлена. Ну ладно, побегу. Выполнил только приказ хозяина, и назад. Уж очень охота посмотреть на все это...

Надтреснутый голос старухи а ф ш и н⁷, восседавшей напротив площади на сиденье большой и богатой колесницы, бил, как из лука.

– Мы выслушали твою блестящую речь, Утана. Но мы слушали и рассказ Ваюги, как подозрительно вы, персы, вели себя в пути. Вы прибыли сюда не столь как послы, сколько как шпионы... Обсуждению конец! Боги и души предков заждались нашего решения. Ступай на место, Утана. А вы, састары, – обратилась она к старейшинам, – если кто из вас все же считает персов не повинными в святотатстве, пусть встанет и пройдет на эту сторону.

Словно давая время судьям подумать еще и проявить милосердие, Утана медленно пошел к своим.

– Никто из судей не поддержал тебя, Утана, – с горечью проговорил молодой перс, когда старший друг усаживался рядом. – И Тамурия куда-то исчезла. Теперь последнее слово за царицей, и мы знаем, что она скажет.

Между тем под одобрительные клики кочевников афшин уже поднимала священное зеркало в знак того, что хочет огласить свое решение...

– Стойте! – громкий девичий голос прозвучал как военная команда.

Тамурия появилась внезапно, словно вестница богов.

– Если вы присуждаете персов к казни, то казните и меня вместе с ними!

Гул недоумения прошел по рядам дахов, и амазонке пришлось еще больше повysить тон.

– Я уже высказывала одной афшин свое мнение: у нас и наших г о с т е й, – она выделила последнее слово, – у нас с ними общие предки. Может быть, те, что жили в том древнем городе. И если послы обидели их ненароком, пусть сами приносят Духу Города великую жертву и сами молят предков о прощении. Гнев духов падет не на наш, а на их род. Я же со своей стороны буду молить предков о прощении за то, что увлеклась в пылу боя и сама переступила границу города, а значит, должна разделить судьбу послов.

– Ты не пересекала ров священного города, Тамурия! – вскричал, вскочив с места, Ваюга. – Все твои подружки твердили об этом. Не оговаривай себя!

– И ты смеешь обвинять меня во лжи? – с горячностью бросила ему дахиянка. – Ты, который обязан, по обычаю, слушаться меня, а не перечить!

– Ты сошла с ума, – не мог успокоиться старый воитель. – Все персидское царство не стоит твоей жизни!

И грозный вождь вдруг объявил резким голосом:

– Коли так, то я готов принять грех и голосую за прощение послов!

Он и Тамурия встали рядом с Утаной.

– Хватит болтать! – рассердилась афшин. – Обычаи предков должны свято соблюдаться, иначе погибнет все племя. Не забывайте, что в наш народ входят не только ныне живущие, но и все те из наших предков, кто доблестно жил и доблестно умер. А потому... – у нее перехватило горло, и старуха отпила из чаши, поданной кем-то из глубины повозки.

⁶ Ныне р. Миасс, приток р. Исеть.

⁷ «Хозяйка», титул царицы у кочевников...

– А потому, – продолжила она, поднимая зеркало, – предки указывают...

Афшин с достоинством выдержала паузу и закончила:

– Предки указывают произвести гадание по барасману⁸!

...Когда закончилось гадание, дикие крики дахов живо напомнили Кардату их боевой клич «марга», который ему не раз довелось слышать в войне с ними, и мороз прошелся по его коже. «Надо убираться отсюда, а уж потом делать то, что я задумал», – решил иссед и посчитал за благо в возникшей суматохе ускользнуть из лагеря, пока его не опознали...

Послов провели на отведенное для их палатки место между большим и малым кольцами повозок (малое принадлежало дахской знати).

Хотя все закончилось благополучно, Утана не мог отделаться от некоего чувства разочарования. Старшему послу не удалось уговорить дряхлую повелительницу дахов предпринять рискованный набег на враждебные Персии страны в случае войны. И один из приказов великого царя оказывается не выполненным. Да и осуществление второго, еще более важного задания остается под большим сомнением...

– Утана, теперь стало вовсе непонятным, что означали слова Тамурии, подслушанные исседом. Значит, он все-таки соврал?

– Или ошибся.

– Так или иначе, но она снова спасла нас, Утана, хотя ты и не верил ей, – упрекнул друга молодой перс. – А я всегда чувствовал, что эта женщина послана нам богами, как сокровище!

– Не знаю насчет богов, – с усмешкой сказал старший посол. – Но готов признать, что молодой воздыхатель взял верх над ворчливым мудрецом.

Они посмеялись над своими страхами, которые ушли теперь в прошлое.

– Слава Ахура-Мазде, что все переживания остались позади, – подытожил глава посольства. – Завтра попробуем выяснить с тобой еще пару вопросов...

– О сокровище и Высокой Харе?

– Можно сказать и так. Узнаем, если получится, и – домой. Я уже объявил об этом нашим воинам.

При всей своей прозорливости даже Утана не мог предвидеть, что суд этот был для них не последний...

Настоящий вождь командует и во сне.

Эту истину, казалось, готовились, на ночь глядя, подтвердить не только начальники персов, но и две предводительницы кочевников.

Афшин и молодая амазонка тихо беседовали голова к голове при свете луны и догорающего костра. Они вос-

седали на скамье возницы царской колесницы, как будто собирались увести повозку в дальний путь.

– Вы так и не нашли его, Тамурия, – чуть слышно сказала царица. – Хотя и видели Голубую Ветвь.

– Поиски продолжаются, афшин.

– Только ради твоего великого сокровища, которое должно принести благо дахам, боги пощадили послов. Но оно же, твое сокровище, может принести нашему роду и великое зло. Учти это, Тамурия, и, поскольку я все-таки выполнила твою просьбу, исполни и ты мою.

– Ты сама дала мне время подумать, – голос молодой амазонки дрогнул от волнения, вызванного либо нежеланием сделать то, на что намекала царица, либо просто жалостью к афшин.

– Всего один день, Тамурия. Всего один день...

«У меня в запасе всего один день, – с такой мыслью человек нервно ощупывал гребень Тамурии, как будто пальцами можно было скорее проникнуть в тайну его знаков.

Но ни этот способ незрячих или ворожей, ни очередное разглядывание при ясной луне, ничто не давало ему никакой зацепки.

«Маленькая костяшка, сможешь ли ты мне, наконец, или так и останешься обыкновенной бытовой вещицей?» – ни в чем не повинный гребешок был сжат в кулаке почти до хруста...

И ночь была слишком душной, и думы слишком тревожны.

Тамурия вышла из своей кибитки и проползла под днищем повозки. Она оказалась в той части лагеря, что была заполнена спящими животными и теми людьми, кто спал под открытым небом. Пройдя поблизости от расположения персов, девушка выбрала в наружном кольце повозку покрупнее и повторила под ней свой маневр. Оказавшись за чертой ставки, дахиянка отряхнулась и направилась у ивняку, окаймлявшему изгибы реки.

С собою у нее был какой-то сверток, а из оружия – только кинжал (ночью лук был бесполезен); но не возможная опасность беспокоила ее.

То, что сообщила ей по приезду афшин, повергло бесстрашную амазонку в смятение, какого она раньше никогда не испытывала, и чем дальше, тем больше это смятение нарастало. Она впервые не знала, как поступить...

Вскоре амазонка остановилась на той площадке, которую обтекал один из протоков реки, и которую она приглядела с холма еще вечером. На уютном, укрытом кустами пляже Тамурия положила сверток на песок и, под ласковое журчание воды, сняла с себя пояс с оружием, куртку, сапожки и шаровары.

Оставшись без одежды, она присела, развернула взятое с собою войлочное полотенце и взяла фляжку.

В одном шаге от кромки берега на острие мыса из воды слегка выступал плоский камень. Вставшей

⁸ Священный пучок прутьев, символ мира растений и вообще всего живого.

на этот скользкий валун девушке показалось, что она качается на волнах самой реки. Она почувствовала близость той великой богини, которую олицетворяла сейчас Майаса. К ее груди и хотелось припасть, словно к груди матери.

Дахиянка вылила содержимое фляжки в реку, наблюдая, как растворялись в воде белые струйки кобыльего молока.

– Великая Владычица! – призвала девушка свою вторую мать, а может, в ее образе и первую, которую не помнила вовсе. Как и отца. – У тебя тысяча имен, но главное из них – Женщина! Пусть моя молочная жертва дойдет через поток Майасы, через Иссед-реку и далее, по великой Ап⁹ до Молочно-Белого, Ледяного моря. Пусть она станет частью твоей животворной мощи...

Но не одна только Богиня-Мать внимала моление молодой амазонки.

Кардат, пробираясь в лагерь дахов по противоположному берегу протоки, услышал голос девушки и тут же увидел совсем рядом – камнем добросить! – юную дахиянку. Сразу узнав по характерному тембру Тамурию, иссед, тем не менее, не сразу поверил в свою удачу.

– Ты нисходишь с вершины Хары к широким заливам великого моря, – продолжала молитву амазонка. – У тебя потоков тысяча, и вдоль каждого из потоков лишь за четыре десятка дней доскачет до моря искусный наездник...

Воспитанный на лесной охоте, иссед умел в любое время дня и ночи бесшумно подкрасться в чащобе к жертве и напасть на нее, словно рысь: так, как недавно напал он на дахскую пастушку.

– Растекаясь водами по всей земле, ты наливаешь людей страстью и утоляешь жажду любви, – амазонка не видела и не слышала ничего, кроме потока и стоящей за ним богини. – Дай мне знак, о Великая Мать, дай мне знак...

– Шакал, ты и здесь преследуешь Тамурию! – от этого резкого громкого окрика Кардат съежился и застыл на месте. Он уже готов был понестись прочь слома голову, как услышал другой голос через реку:

– Заткнись, полукровок! – персидский акцент выдал в нем Арианду.

Только сейчас Кардат разглядел среди ветвей вербы смутный силуэт посла, а сзади него появилась, как привидение на берегу обманчивой Майасы, еще одна фигура: Раухшана проламывался через ивняк напрямую, будто кабан, горя желанием растерзать перса.

– Замолчите вы оба! – Тамурия спрыгнула с камня на песок и обернулась назад, прикрываясь ворохом одежды. – Иначе поднимите на ноги весь лагерь! – с этими словами она бросилась в заросли тростника, подальше от распаленных мужчин...

Раухшана, кажется, решил всерьез покончить с тем, кого считал одним из главных виновников своего унижения. Взявшись за свой короткий кинжал, он ринулся на

Арианду с явным намерением всадить в посла бронзовый клинок по самые полукружья широкого перекрестия.

Но перс был гораздо опытнее, и его оружие было помощнее...

– Безумцы, прекратите! – окрикнула Тамурия драчунов, прыгая на одной ноге и надевая следом за курткой шаровары. Хотя она не видела бойцов, но чувствовала, что поединок слишком серьезен.

Посол не собирался убивать даха, и отчаянная, напряженная схватка закончилась ударом его ноги в скулу.

– Что с Раухшаной? – Тамурия была уже полностью экипирована и готова поучаствовать в борьбе. Вот только на чьей стороне?

Дах по немногу приходил в себя. Даже челюсть его не была сломана.

– Я только немного проучил этого приبلудыша, – усмехнулся посол. – Чтобы он не совал нос не в свои дела.

– А ты сам куда суешь свой нос? – нахмурилась амазонка. – Ах, Арианда, если бы ты знал... – она отвернулась и быстро зашагала обратно в лагерь.

Перс попытался догнать ее.

– Что знал, Тамурия? Что знал?

– Пойдем, я проведу тебя через караулы, – вместо ответа проронила дахиянка. – Они, наверное, насторожились после ваших воплей.

Опять тайны, подумал Арианда. Сколько же их у нее? Надо решаться. Ведь времени остается совсем немного.

– Тамурия, я охранял тебя от убийцы, – остановил он девушку, взяв ее за рукав. – А ты мучаешь меня. Скажи все-таки, что представляет собою твое сокровище? Мне о нем поведал старый пастух.

– А что еще он рассказал тебе? – насторожилась амазонка.

– Что ты знаешь дорогу к Высокой Харе, – Арианда решил ничего не скрывать. – И еще, что свое великое сокровище ты унаследовала от Зарины.

– И это он сказал? – Тамурия глубоко задумалась.

Готова ли была она довериться послу? Он уже не мог больше ждать, гадая.

– Ведь ты обещала мне поведать историю сакской царицы. Ее сокровище стоит между нами, Тамурия. Разрушь эту преграду. Или хотя бы укажи лазейку в ней. Что это за сокровище? И при чем тут Голубая Ветвь?

– Голубая Ветвь? – удивилась амазонка. – А это тебе откуда известно? Прав был Ваюга: вы приехали сюда, чтобы шпионить.

– Не только, – проговорил молодой посол. – Во всяком случае, меня судьба послала к тебе не для этого. Прошу тебя, ответь, что все это значит?

– Зачем тебе знать об этом? – вздохнула девушка. – Если ты окажешься достоин этого знания, тебя ожидает продолжительная печаль. А если окажешься не достоин...

– Тогда что?

– Тогда можешь лишиться жизни...

(Продолжение следует...)

⁹Ап – на древнеиранском «река; вода». Ныне р. Обь.

Нина МЕДВЕДЕВА

Иллюстрации предоставлены автором

Халтурины из Режа

Особую страницу в истории Режа сыграли переселенцы из Кировской области, или, по-старому, Вятской губернии. Один мой знакомый, замечательно знавший историю города своего времени, говаривал мне с известной долей доброго лукавства: «А ты слышала, как вятские-то в Реж попали? Привезли их однажды в вагоне, они по городу-то и разбежались». Однако история заселения нашего города выходцами из Вятки имеет гораздо более глубокие корни.

Холодной осенью 1895 года, когда уже были закончены сельскохозяйственные работы дома, крестьянин Яранского уезда Петропавловской волости Василий Степанович Халтурин поехал на Урал, на отхожий промысел. У себя на родине он занимался земледелием. Но Россия только ещё ждала столыпинскую реформу, призванную улучшить положение крестьянства. Столярное мастерство Халтурина оказалось очень востребовано в Режевском заводе.

Начал он с малого. Не имея здесь родственников и знакомых, вятский крестьянин пошёл работать к подрядчику Меньшикову. Условия были кабальными. Наживая капитал, с наёмными работ-

Дмитрий и Александр Халтурины. Начало XX века

мастеровым. Появилась возможность перевезти с родины семью. Анна Леонтьевна, родившая к тому времени двоих сыновей, Дмитрия и Александра, отправляется за мужем на неблизкий Урал.

Никогда Василий Степанович не оставался без работы. В Реже он создаёт собственную строительную артель. Если кто-то и сидел без куска хлеба, особенно после закрытия завода в 1911 году, то

никами хваткий предприниматель не церемонился, основную долю прибыли оставляя в своём кармане. Как на дрожжах росло богатство. Роскошный дом в два этажа появился на Тверской (ныне Партизанская) улице. Нажитый на подрядах первоначальный капитал был пущен затем в торговый оборот, рядом с домом расположилась лавка. Долгое время национализированный после революции дом служил нашему городу в качестве центральной почты. Потом был отдан под коммунальные квартиры. Недавний пожар уничтожил эту историческую деревянную постройку.

Работа на подрядчика Меньшикова стала для Василия Степановича лишь стартовой площадкой. В свой следующий приезд в Режевской завод умелый столяр и плотник работал уже вольнонаёмным

Нина Медведева – член Уральского историко-родословного общества, краевед. Автор публикаций в «Уральском следопыте» и в газетах. Живет в г. Реже Свердловской области.

Анна Леонтьевна Халтурина с сыном Иваном (сидит слева) и дочерью Анной (стоит). 1934 год

Халтурина это не касалось. Качественная работа всегда найдёт спрос. Множество домов было выстроено в нашем городе с участием умелого вятского столяра. Его артель ремонтировала плотину, в цехах завода обновляла водоводы.

Не только в Реже оставил после себя память Василий Степанович. В Егоршинском лесничестве он построил кордон на ручье Брусунки. А в посёлке Егоршинских угольных копей его артель возвела дом приезжих, заводоуправление, больницу и жилые двухквартирные дома. В Нейво-Шайтанском заводе был построен водопровод.

Подрастающие сыновья Дмитрий и Александр с 10 лет стали работать с отцом. Вначале учились просто: строгать доски, обтёсывать их кромки. А с возрастом осваивали и более тонкие секреты мастерства.

В 1907 году семью постигает несчастье: сгорел их дом по улице Поповской (ныне Красноар-

мейская). Но неутомимый Халтурин в то же лето покупает готовые срубы и строит на пепелище новый дом. Он и сейчас, чудом не попавший в план сноса частного сектора, стоит на Красноармейской недалеко от бывшего ресторана «Хрусталь».

Шло время. В семье родились ещё две дочери и два сына, Иван и Василий. На их долю достались бурные катаклизмы предстоящей эпохи перемен. В 1914 году началась война с Германией. Халтурины работают на строительстве железной дороги, которая через год свяжет наш город с Екатеринбургом и Егоршино. На станции Крутиха их руками строились железнодорожные будки и полуказармы для рабочих.

Призыв в действующую армию коснулся обоих старших сыновей. Александр в ноябре 1915 года был контужен, после лечения в госпитале служил в Сольвычегодском полку. Дмитрий был мобилизован чуть позже и зачислен в Борисовский полк. Братья встретились в Польше. В 1917 году Дмитрий был ранен, направлен в эвакуационный госпиталь в Москву. Прибыл туда на третий день после свершения Октябрьской революции. В памяти остались растерянность и многочисленные пожары в центре города.

В 1918 году братья встречаются дома, в Реже. Трудно представить, что два родных брата, воспитывавшихся вместе, выбрали себе разные дороги в жестокой исторической круговерти? Дмитрий становится красным. Александр уходит в белую армию.

Самой жестокой долей в этой ситуации становится доля матери. Сколько бессонных ночей, проведённых в молитвах, на счету у Анны Леонтьевны, не знает никто. Она надеялась на помощь Бога, молилась всем известным святым. На богомолье к мощам Симеона Верхотурского ходила пешком(!). Сына Александра она у Бога не отмолила. Он с войны не вернулся. А о Дмитрие получила сообщение, что он ранен и находится на излечении в госпитале,

Василий Халтурин. 1930-е годы.

в Екатеринбурге. Сварила Анна Леонтьевна курицу и опять пешком пошла разыскивать сына. До Екатеринбурга в те времена ходили за два дня мимо Пачкуна, по малоизвестной теперь дороге, на которой установлен памятник святому Николаю Чудотворцу. Разыскала мать своего сына. Вот только курятины он так и не поел. Пришлось отдать санитару в обмен на разрешение пройти в палату.

При новой власти всю свою жизнь трудившиеся Халтурины не остались без работы. Дмитрий стоял у истоков Режевского никелевого завода. Начинать работать заведующим столярными мастерскими. Затем был назначен начальником жилищного управления завода и трудился на этой должности до 1954 года. Был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Вместе с женой Филисатой Ивановной воспитали двух прекрасных дочерей.

Старшая дочь Александра вышла замуж за известного в городе человека – фельдшера Дмитрия Александровича Лукина.

Жизнь Василия Халтурина оборвала война. Как и все в роду, он был столяром. В начале войны был призван на фронт. В январе 1943 года сержант Халтурин пропал без вести... И где-то в глубине души, наверное, у его внуков, живущих и сейчас в Реже, теплится надежда, что спустя многие годы его прах будет найден, как это иногда случается с солдатами той уже далёкой и страшной войны.

Война забрала и мужа Анны Халтуриной. До войны он работал в Реже руководителем леспрохозного участка. Уже в начале своего фронтового пути, сообразительный и смелый до отчаяния, он был удостоен наград. Но вернуться в родной город капитану Панову было не суждено. Он погиб в танке, в неравном сражении с врагом.

Судьба Ивана Халтурина связана почти полностью с Режом. Как и все мужчины в роду Халтуриных, всю жизнь работал с деревом. Немало мебели сделано его руками, многие деревянные дома в нашем городе построены с его участием. Он прекрасно помнил и знал историю города. Самым лучшим временем в своей жизни безоговорочно считал период НЭПа. Вспоминал, что в этот короткий период истории хорошо жилось даже простому человеку, не сидящему, разумеется, сложа руки. В частных лавках было полно дешёвого и качественного товара. Во время войны Иван Васильевич был в трудовой армии, работал на НТМК. За свой труд был награждён номерным знаком «Отличник социалистического соревнования наркомчермета».

Не остаётся почти совсем в Реже людей с фамилией «Халтурин». Но это не главное. Самое важное, что эта семья оставила свой след в истории города. И будем надеяться, что он не будет разрушаться столь быстро, как это иногда происходит с деревом – материалом, который они так знали и любили.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГРЕКОВА Елизавета Николаевна, переводчица.

Пер. комедию Сарду «Фернанда», сыгранную в 60-х гг. на московской сцене под заглавием «Месть женщины». Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГРЕКОВА Любовь Сергеевна (урожд. Хитрово; ? – 1983), авт. воспоминаний.

Дочь вице-губернатора Твери С.К.Хитрово. «Из потонувшего мира» \ \ Русская мысль. 1975. 25 сент. (1916 г. Последнее предреволюционное Рождество в Петрограде). «Дело Маргариты Х.» \ \ Русская мысль. 1975. 17 июля. РРЭВД. 1, 2.

ГРЕМИСЛАВСКАЯ Мария Алексеевна (1870 – 1950), авт. воспоминаний.

Пример Художеств. театра. “К.С.Станиславский за кулисами”: По воспоминаниям Я.И. и М.А.Гремиславских и И.К.Тщедушнова. – В кн. Ежегодник Московского Художеств. театра, 1934. М., 1945, с.411-416, ил. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8278.

ГРЕН Л.

(См. Линдегрэн А.Н.)

ГРЕН Софья, дет. писательница, издательница.

Жена писателя А.Е.Грена. Издавала книжки для детей, написанные мужем: «Моей малютке: Книга в пользу воспитания детей». СПб., 1835, 1837 – орец. В «Библ. для чтения» 1836. Т. 14; «Черты из жизни Н.М.Карамзина». СПб., 1942. Совм. с мужем написала и издала: «Подарок нашим детям». СПб., 1840; «Рассказчик: Книга в пользу воспитания трех малюток, дочерей наших». СПб., 1842 (с посвящ. Д.Н. и А.С.Шереметевым) – рец. Отеч. зап. Ч. 20. Отд. 6. С. 77; Лит. газета. 1842. № 16. Письмо к ней Жуковского – в его Соч. 1878. Т. 6. С. 548. Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГРЕНКЕВИЧ А.И.

Девица; сочинила «Осьмистишие» для праздника 26 авг. 1825 г. в селе Городне в честь статс-дамы кн. Н.П.Голицыной (см. Сын отечества. 1825. Ч. 104). Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГРЕССЕР Анна Михайловна

(См. Волконская А.М.)

ГРЕТГУС, баронесса Е.Н. (урожд. Лорер).

Сотр. «Истор. Вестн.» (1898). Венгеров. Источ.

ГРЕТМАН Августа Федоровна (псевд. Кейзер, А.), переводчица.

Преподавала в женской торговой школе об-ва приказчиков в Москве (1913). Пер. с франц. и итальянского. В частн. пер. «Семейную хронику» (1812 г.) Л.Ростопчиной (см.); кн. Г.Флейшмана и Альмераса (?) «Королева Мария Антуанетта, ее частная и интимная жизнь. Ее любовные похождения по памфлетам и пасквилям того времени». М., 1911; выполнила полный пер. с франц. кн. К.Валишевского «Царство женщин. Екатерина 1, Анна, Елизавета». Т. 2. Полн. собр. соч. М., 1911. Пер. также «Серебряную лошадку» Э.М.Сетона-Томпсона; «Предания одной господской усадьбы» (М., 1911), «Герои Кунгахеллы» (1909) С.Лагерлеф. Под ее ред. вып. пер. кн. П.Гейзе «Дети века». М., 1911 (собр. соч. т.2). Сотр. в журн. «Вокруг света» (1908) – А.Г. Работала в паре с Э.М.Бескиным – Б. и Г. Пер. и драматич. произв. – Кейзер, А. Масанов; Венгеров. Источ.

Продолжение на стр. 73

Обломки самовластия и свободы

(История памятника Александру II)

6-го (18-го) июня 1880 года в центре Москвы, в Страстном монастыре, известный всем москвичам митрополит Макарий вел долгую двухчасовую службу. Утро было непо-летнему хмурым, низкие косматые тучи, казалось, огибали монастырскую колокольню. Моросил дождик, окропляя небесной влагой церковные купола. Между тем на прилегающей к монастырю площади собирался народ – местные жители и прибывшие со всех концов России делегации с венками в руках, с разноцветными знаменами и флагами. Предстояло событие, давно ожидаемое и желаемое. И вот завершилось богослужение, небо прояснилось и как бы приподнялось над

Император Александр II

землей, оркестр заиграл гимн «Коль славен». Зазвучали волнующие, прочувствованные речи, и, наконец, под звон колоколов упал полотняный занавес, скрывавший высокую статую на гранитном пьедестале. Еще минуту назад замершая в ожидании площадь всколыхнулась, огласилась криками «ура!»: все увидели бронзового – но словно живого – великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Спустя десятилетие далеко от столицы, в небольшом (с населением около 20 тысяч человек), тихом горно-заводском Нижне-Тагильске (старое название города Нижнего Тагила), торжественно заложили, а в 1895-м году не менее торжественно открыли величественный мраморный памятник совершенно иному человеку, русскому императору Александру Второму. Тоже было – по провинциальным меркам – многолюдно, очень празднично, необычно.

Казалось бы, между московским и уральским монументами нет никакой связи, тем более что жизнь

Пушкина оборвалась задолго до восшествия Александра Николаевича (19 февраля 1855 года) на престол. И все же имеется очень существенное обстоятельство, связывающее эти события – в создании памятников деятельно участвовал один и тот же человек, академик архитектуры Иван Семенович Богомолов.

Богомолов известен многими своими творениями – в Петербурге, где он жил и учился, в Москве, а также за рубежом – столице Болгарии Софию до сих пор украшает величественный собор, в создании которого российский архитектор сыграл далеко не последнюю роль. Особое место в творчестве Богомо-

лова заняло сотрудничество со скульптором А.М. Опекушиным, автором московского памятника Пушкину; Богомолов выполнил архитектурную часть проекта, ему было поручено руководство всеми работами по сооружению монумента. За пьедестал памятника архитектор был удостоен специальной премии. Богомолов пользовался широкой известностью, его имя упоминается в литературе, его портрет написал И.Н. Крамской.

Но о Богомоллове как авторе нижнетагильского монумента императору Александру Второму постепенно забыли даже и на Урале. В некоторых современных публикациях сообщается, что автор монумента императору не установлен. Между тем существуют достоверные свидетельства (в частности, найденные нижнетагильским краеведом И.Т. Ковердой) о проектировании этого памятника именно Богомоловым. Например, сохранилась копия проекта, напечатанная в 1887 году в журнале «Зодчий». Очень интересна опубликованная

Валентин Моисеев, инженер, выпускник физического факультета УрГУ. Автор нескольких публикаций в «Уральском следопыте». Проживает в Нижнем Тагиле.

Памятник имп. Александру II в Нижнем Тагиле

в журнале «Встреча» (1999. № 5 – 6) статья В. М. Кузнецова «По воле провидения»; Кузнецов – наш современник, москвич, один из потомков И.С. Богомолова.

На Урале и во всей России в конце XIX века имелось немало памятников царям, установленных как свидетельство «беспредельной и горячей верноподданнической любви населения к Верховным Хозяевам земли Русской». Особенно много сооружалось памятников императору Александру Второму, как царю-освободителю. Они стояли зачастую даже на площадях небольших селений. Судьбы этих бронзовых, каменных, чугунных изваяний схожи – после революции их разрушили. Однако нижнетагильский монумент имеет, наверное, наиболее сложную и трагичную историю.

Это было капитальное сооружение из мрамора в форме часовни, установленное на высокой каменной площадке. С западной стороны памятника имелось изображение венценосной головы императора, герб и надпись – «Императору Александру II-му». Выше, полукругом: «Люди мои, что сотворил Вам, аще за добро платите злом» (горькое напоминание о шести покушениях на царя, последнее из которых привело к его трагической гибели). С восточной стороны: «Царь-Освободитель в

1837 году посетил Нижне-Тагильский завод, молился в Выходо-Иерусалимской церкви, спустился на 38 сажней глубины в Меднорудянский рудник». С двух других сторон перечислялись основные деяния Александра: «Царю-Освободителю: уничтожение крепостного права 1861 г., отмена телесного наказания и откупов 1863 года, Положение о земских учреждениях и новые судебные уставы 1864 года; всеобщая воинская повинность 1874 года; устав гимназий и прогимназий 1871 года; положение о начальных народных училищах 1864 г.». А также: «Царю-Распространителю России: присоединение Приамурского края 1858 года; покорение Кавказских горцев 1863 года; завоевание Ташкента 1865 года, освобождение Болгарии и сербов и возвращение Бессарабии и Армении 1878 года; покорение туркмен 1881 года».

Нижне-Тагильский завод 19-летний Александр посетил, будучи наследником престола, в сопровождении воспитателя, поэта-романтика Василия Андреевича Жуковского. Длительное и нелегкое путешествие по России входило как «практическое отчизноведение» в подробный план образования будущего государя, начертанный Жуковским и опубликованный в 1826 году. До сих пор удивляет и восхищает, что юный воспитанник Жуковско-

Закладка памятника Александру II в Нижнем Тагиле

го, привыкший к роскоши и дворцовому великолепию, не побрезговал спуститься в глубокую (около 80 метров), грязную и сырую шахту; такой случай, несомненно, уникален. Это говорило о серьезности намерений царственного наследника своими глазами увидеть жизнь государства и народа, вникнуть в его нужды. Служить России – внушал своему питомцу Василий Андреевич. Кстати, вспоминая о Жуковском, можно проследить еще одну невидимую нить, соединяющую московский памятник Пушкину и уральский монумент императору Александру, поскольку оба памятника связаны с именем Василия Андреевича. Начало этой незримой ниточки – в Москве. На московском монументе первоначально были высечены строки знаменитого пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг...», вынужденно (из-за требований цензуры) измененные Жуковским еще при подготовке к посмертному изданию 1841-го года следующим образом:

*И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.*

Первые две строчки этого варианта строфы поместили на пьедестале. Подлинный текст на гранитной плите появился лишь в 1937 году, к столетию со дня смерти поэта.

Другой конец нити – это упомянутое в надписи на нижнетагильском памятнике Александру Второму посещение уральских заводов царственным наследником, происходившее в сопровождении именно Жуковского, одного из самых близких великому русскому поэту людей, притом в недоброй памяти год гибели Пушкина. Тагильский памятник царю-освободителю – в какой-то степени и памятник Василию Андреевичу Жуковскому, готовившему будущего монарха к благородной миссии покровителя и защитника народа.

Памятники могут жить намного дольше людей. Московский бронзовый Пушкин стоит до сих пор, правда, перемещенный в 1950-м году вместе с пьедесталом, в связи с перепланировкой района, на другое место. И не хранят уже изваяние поэта святые кресты разрушенного Страстного монастыря. Не случайно сам Пушкин не желал себе рукотворного памятника – в конце своей жизни он знал, что лучшая, неистребимая память о нем – его творческое наследие: «Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...»

Нижнетагильскому памятнику Александру Второму была уготована иная участь. Вскоре после революции 1917 года его реконструировали – наверху, над куполом, вместо креста установили сотворенную местным автором скульптуру, напоминающую уменьшенную копию американской статуи Свободы; взамен царской короны и барельефа императора появились изображение Карла Марк-

Закладка памятника Александру II в Нижнем Тагиле

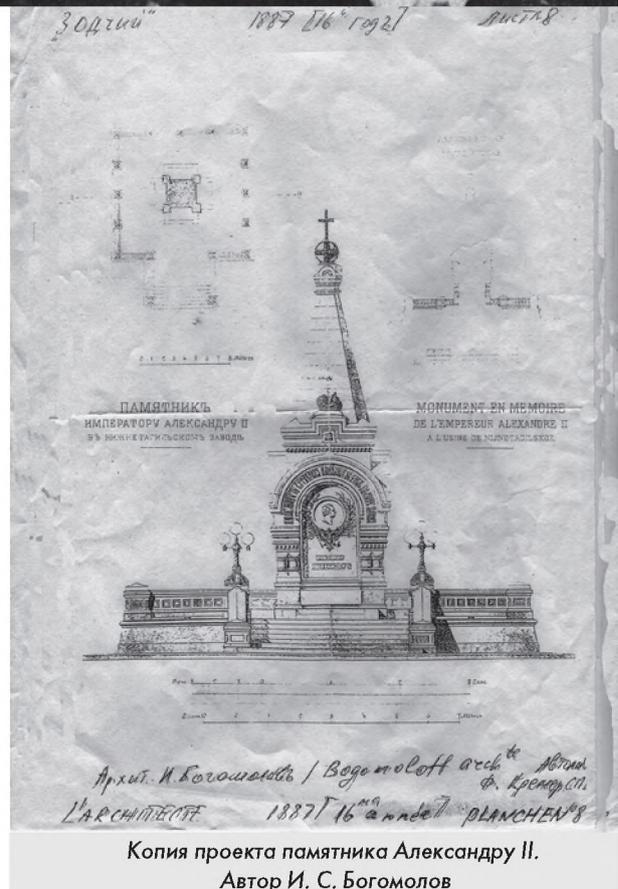
са, пятиконечная звезда, серп и молот. Вытесанные на мраморных плитах надписи заменили революционным лозунгом: «В борьбе обрешь ты право свое», и стихами: «Слава великим идеям. Слава безстрашным бойцам! Разве и мы не сумеем, Двинуться ратью к дворцам? Равенства, братства, свободы, Знаменем всех осеня. Бросим мы в мрачные своды, Светоч победного дня. Грянем мы сомкнутым строем, Царство насилья снесем. Все на земле перестроим, Все на свой лад заведем».

Отремела Гражданская война, и в последующие трудные годы действительно все стало перестраиваться на новый лад. В том числе и этот, названный «Павшим борцам за свободу» (или просто «памятник Свободе»), монумент потребовалось заменить; его разломали, тяжелые мраморные обломки закопали рядом в землю. Место освободили для другого памятника – И.В. Сталину.

К новому сооружению вела широкая лестница, в вазах благоухали цветы. У каменного изваяния вождя проводились торжественные митинги, школьников принимали в пионеры, и тогда царившая вокруг тишина нарушалась звуками горнов и барабанов. Звучали клятвы: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...»

В марте 1953 года Сталин скончался, над страной подули новые ветры, памятник демонтировали.

Прошли десятилетия, страна стала совершенно другой, произошло переосмысление истории. Это от-

Копия проекта памятника Александру II.
Автор И. С. Богомолов

У памятника «Павшим борцам за свободу»

разилось и на облике ставшего крупнейшим промышленным центром города Нижнего Тагила. Появились и новые памятники. На злополучном месте, где когда-то возвышался монумент российскому императору, в 1992 году, в честь 270-летия города, состоялась

закладка мемориального камня с целью установки здесь в последующем нового, четвертого по счету, памятника на этот раз, – Николаю Никитичу Демидову, «промышленнику, защитнику отечества, меценату». Но при этом забыли, что под слоем земли лежат дру-

Памятник И.В. Сталину в Нижнем Тагиле

Памятник Н.Н. Демидову в Нижнем Тагиле

Алексей СЛЕПУХИН, Наталья БЕРДЮГИНА

Народ, живший когда - то в горах Урала

Наша «Команда Искателей Приключений» шесть лет назад заинтересовалась «аборигенами» Урала – народом манси.

Впервые столкнувшись с ними, мы заинтересовались этим народом, что задались целью создать этнографическую экспедицию, которая и поставила перед собой следующие исследовательские задачи:

- изучение этого народа,
- знакомство с представителями манси, проживающими на Урале,
- увидеть и познать их культуру,
- постараться научиться у манси хитростям и мудрости лесного народа,
- собрать сказки и рассказы,
- воочию представить себе страну манси – манси– ма,
- проследить историю народа в лицах и фотографиях,
- а также всё, что увидим – запечатлеть в фотографиях и фильмах.
- и, по возможности, заняться популяризацией информации о нём,
- впоследствии, возможно, создать несколько туров к ним по принципу экспедиций.

Мы представляем вашему вниманию цикл статей об этом народе и тех результатах, которых мы добились.

Продолжение статьи читайте на стр. 2

гие камни – остатки прежних сооружений. И когда через 15 лет стали копать котлован под пьедестал (а делалось это, как водится, в авральном порядке, даже ночью, поспешая к очередному Дню города), удивлению строителей не было предела – экскаватор зацепил ковшем большой мраморный обломок с надписью «Борцам за свободу».

Обнаружилось 27 крупных фрагментов старого монумента. Несомненно, рядом, под метровым слоем грунта, оставались и другие части. Но орудовавших экскаваторами и бульдозерами “археологов” торопили – времени до

Дня города оставалось совсем немного. Выкопанные обломки увезли, площадку разровняли и благоустроили.

Хорошая идея была испорчена неоправданной поспешностью. К августовскому юбилею города все равно не успели. Памятник Демидову открыли лишь 5 октября 2007 года, в 4 часа дня, под фанфары, усиленные электроникой громкие речи и жидкие аплодисменты. И едва ли кто-то вспомнил при этом созданный архитектором Богомоловым первоначальный монумент и начертанные на нем слова: «Люди мои, что сотворил Вам, аще за добро платите злом»....

«Археологические раскопки» на месте памятника

Зинаида МУРЗИНА
Фото предоставлено автором

Сок ягод цвета крови

В деревне Герасимовка Тавдинского городского округа Свердловской области сам воздух пропитан памятью о страшных временах коллективизации. Эта память запеклась в порах темных бревенчатых стен двухэтажного музейного здания. Экспозиция музея Павлика Морозова в его родной Герасимовке заставляет взглянуть на трагические события 77-летней давности и увидеть героев этих событий по-иному, нежели это внушалось советской идеологией.

Дом, в котором помещается экспозиция, построил здешний крестьянин по фамилии Пилипенко. В годы коллективизации 77-летнего Пилипенко раскулачили и расстреляли, а дом отдали под сельсовет и школьные классы. Здесь и учился Павлик Морозов.

Рядом, как часть самого музея, — невысокая, с непривычно маленькими окошками бревенчатая изба, дом, в котором проживал Трофим Морозов со своей женой Татьяной и четырьмя детьми. Тучи кровавадной мошкеры спешат поживиться от нас, пока директор музея Нина Ивановна Купрацевич открывает неподдающийся железный замок на дверях. Сумрачные прохладные сени, махонькая горница, в которой только еще предстоит воссоздать исторический интерьер...

Морозовы приехали на Урал из Витебской губернии в 1910 году. Истории основания Герасимовки отведено в местном музее фактически центральное место. Потому что драма семьи Морозовых и гибель двух их сыновей, Павлика и Феди, использованная советской идеологией в своих целях, являются частью, продолжением и следствием этой истории.

Герасимовские первопоселенцы в 1906 — 07 годах пришли сюда пешком, поднятые с родных мест Столыпинской «переселенческой» реформой. Их тогда так и называли — «самоходы». В начале пути их, конечно, было больше; вдоль дорог, по которым тряслись груженные крестьянским скарбом обозы, немало оставалось могильных холмиков, особенно крошечных — детских, очень скоро зарастающих травами, словно их тут и не было никогда.

— Трудно представить, сколько лиха хлебнули первые герасимовцы, получившие для жизни по 15 десятин заросшей многовековым лесом земли да один казенный колодец, — говорит Нина Ивановна. — Сразу с дороги они принялись валить и жечь лес,

копать землянки, в которых и пришлось им встретить и пережить жестокую голодную зиму. Осознав, что вот здесь теперь им предстоит жить, корчевали многовековые древесные корни, пахали целину, сеяли зерно, привезенное с собой в плетеных «горлянках», и радовались первым скудным урожаям, строили избы, сколачивали стайки и заводили скот.

К 1926 году у всех уже были избы. И только люди разогнули спины, только начали, хоть и не досыта,

Зинаида Мурзина — спецкорреспондент «Областной газеты» (г. Екатеринбург). Её статьи и очерки печатались в «Уральском рабочем», «Аргументах и фактах», журнале «Уральские авиалинии». Проживает в Екатеринбурге.

есть свой хлеб, как началась коллективизация, загрохотали по единственной герасимовской улице обозы под красным флагом, опустошающие амбары до зернышка.

Тех, кто успел сколотить крепкое хозяйство, целыми семьями выслали на лесоповалы по реке Конде. В это-то время народного плача, когда сосед на соседа мог донести, отводя беду от своей избы, когда брат брату боялся доверять, поставили знавшего грамоту Трофима Морозова председателем сельсовета. Неохотно он шел на эту должность, не раз просил уволить, но, с другой стороны, будешь сопротивляться и надоедать начальству, того и гляди самого признают «контрой». Смирившись да и попривыкнув к «креслу», Морозов стал попивать и ушел к молодой бабе, бросив жену Татьяну с детьми. Павлик, старший из них, остался в доме за мужика.

Вскоре Трофима обвинили в подделке документов и арестовали: на железнодорожной станции в Тавде задержали двух мужиков, явно беглых ссыльных, с «липовыми» удостоверениями личности, скрепленными печатью герасимовского сельсовета. И потянули к ответу того, кто этой печатью распоряжался.

Судил Трофима Морозова в своей же деревне выездной суд. И Татьяна пошла на суд, взяв с собой 13-летнего Павлика. Судья стал допрашивать парнишку: мол, видел ли ты, как отец продавал документы? И от роду молчаливый, стеснявшийся своего сильного белорусского акцента, Павлик подтвердил: да, видел.

— Возможно, сказать так на суде мальчишку подучила мать. У оставленной женщины, да еще с четырьмя детьми, естественно была обида на Трофима, — предполагает Нина Купрацевич. — А может

быть, она надеялась, что вот сейчас мужика попорят при всех, молодая разлучница его бросит, и он, пристыженный, вернется домой. А судья приговорил Трофима к 10 годам лагерей.

Суд проходил в феврале 1932 года, а 3 сентября в лесу были убиты Павлик Морозов и его 9-летний братишка. Нашли их только 6 сентября, и три дня

обезумевшая Татьяна металась в горе: ушли мальчишки по ягоды и пропали!

«А был ли мальчик?» — с усмешкой говорят сегодня скептики, когда слышат имя Павлика Морозова. Ответом для таких сомневающихся может служить самый страшный экспонат герасимовского музея — протокол подъема трупов. Составленный не шибко грамотным участковым милиционером Титовым и подписанный понятными, этот документ читать без содрогания невозможно: «...пропавших двух мальчиков Морозовых, Павла 14 лет и Федора 9 лет, обнаружили от деревни Герасимовка на расстоянии 1 километр. Павел лежал в восточную сторону, на голову был надет мешок, в левой руке между указательного и среднего пальца разрезана мякоть и нанесен смертельный удар ножом в брюхо, в правую паховицу, куда вышли кишки. Второй удар нанесен ножом в грудь, около сердца, под каковым находились рассыпанные ягоды клюквы... Второй труп, Федора — на расстоянии от Павла 15 метров... Нанесен удар в висок палкой, а правая щека в запекшейся крови...»

По обвинению в убийстве детей арестовали их деда и бабушку, родителей отца, а с ними двух их зятьев, Арсения Силина и Арсения Кулуканова, а также 18-летнего Данилку — двоюродного брата Павлика и Феде. Силина потом за недоказанность вины отпустили, хотя следы на черепе в память о допросах пугали спустя десятки лет даже его внуков, когда те, балуясь или нечаянно, прикасались ручонками к седой дедовой голове. Остальных арестованных судили в Тавде. По решению суда Арсений и Данила были расстреляны, 80-летние Сергей и Ксения Морозовы умерли в тюрьме.

— *Версия ужасная и нелепая: дед и бабушка так рассердились на внука-предателя, что собрали целую банду и зарезали ножами в лесу его вместе с маленьким братишкой, которого еще совсем недавно нянчили на руках! — горчит от очевидности судебной ошибки Нина Купрацевич. — Но других версий не существовало, а эта была официальная, и ей верили.*

Трагедию семьи, гибель двух детей власти самым циничным образом использовали в идеологических целях. Тело похороненного на тихом сельском кладбище Павла раскопали и перенесли в центр, под обелиск. Сначала было так: юный пионер, злобные кулаки, классовая ненависть, жестокая расправа... Позднее — наоборот: маленький предатель, отцеизменник, выродец. Имя Павлика сделали нарицательным и чуть ли не анекдотическим.

Года два назад музейные энтузиасты нашли статью некоего Александра Лискина, полковника юстиции в отставке, который тщательно изучил документы об убийстве в Герасимовке и установил, что участие четверых осужденных в преступлении не доказано.

Уголовное дело об убийстве братьев Морозовых лет 11 назад изучалось и в Свердловской облпрокуратуре, где пришли к выводу о недостаточности улик для обвинения четверых осужденных по ст. 58-8 УК РСФСР (в редакции 1926 года).

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГРАЦИАНСКАЯ Н.О. (урожд. Гербстман), поэтесса.

Авт. кн. «Сейф сердец» (М., 1922). Упом. в кн. «Сто одна поэтесса серебр. века», с. 5.
ЛЖР.

ГРАЧЕВА Вера Александровна, плодовод (1896).

Венгеров. Источ.

ГРАЧЕВА Екатерина Константиновна (1866 — 1934), авт. дневника.

Олигофренопедагог. Организатор первых в России школ для аномальных детей; нач. приюта для отсталых детей (1913). Ее дневник напеч. в ст. Х.С.Земского «Русский олигофренопедагог Е.К.Грачева». — Ученые записки Московского гос. педагогич. инстит., 1960. Т.153. Вып. 8. С.119-124.

Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6184.

ГРЕБЕНЩИКОВА Татьяна Денисовна (урожд. Стадник; 1896 — 1964), издательница.

Жена писателя, публициста и издателя Г.Д.Гребенщикова. Балерина, администратор. Танцевала в СПб. в Мариинском театре. В эмиграции жила в Константинополе, во Франции, Германии. В 1924 переехала в США. Как и ее муж, была ученицей и последовательницей Н.К.и Е.И.Рерихов, участв. в создании музея Н.К.Рериха в Нью-Йорке, а также в создании вместе с мужем и работе изд-ва «Алатас». Работала в типографии, печатала произведения мужа. Была директором университетской типографии. Ум. в один год с мужем.

РЗФ; Диаспора. 1У.С. 214-215.

ГРЕВС Татьяна Валерьяновна, поэтесса.

В эмиграции жила во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже (в 1947 вышла из Союза). В 1948 выслана из Франции в СССР. Находилась в ссылке в Казахстане (1950-1956). Публиковала стихи в журнале «Современник» (Торонто, 1960, 1961), в «Вестнике РСХД» (1974).

РЗФ.

ГРЕЙЕР Татьяна

Авт. стихотв. «Возрождение» («Рус. Мысль», 1906. № 11. С.196).

ГРЕКОВА Антонина Леонидовна (урожд. Малеева; 1887 — 1960), авт. воспоминаний.

Художница, жена М.Б.Грекова. Ее воспоминания о художнике М.Б.Грекове — в кн. «М.Б.Греков в воспоминаниях современников». Л., 1966. С. 16-70, ил.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6734.

ГРЕКОВА Галина (Анна Яковлевна Грекова; 1898 -- ?), авт. автобиогр. повести.

В прошлом батрачка. После Окт. рев. — доцент, канд. философ. наук. Переписывалась с М.Горьким. Ее автобиографическая пов. «О счастье», часть 1, отредактированная Горьким, напеч. в альм. «Год ХУ111». Кн. 6. М., 1935.

Лит. наслед. Сибири. 2.

ГРЕКОВА (Грекова-Уваровская) Елена Афанасьевна (1875 — 1937), беллетристка.

Род в Ленинграде. Авт. кн. «Рассказы» (СПб., 1911); «Долг (из дневника)». — «Образование». 1903. № 1. Авт. трех сб. рассказ.: «Кусочек голубого неба» Пг., 1916; «Богатырь» Пг., 1921; «Душа Сибири». Пг., 1923. Авт. кн. «О счастье. Ч. 1. М., 1937.

Писатели Ленинграда (1982); Венгеров. Источ.; Здобнов

Продолжение в следующем номере

Таким образом, получается, что обстоятельства гибели братьев Морозовых не раскрыты, а расстреляны — невиновные.

Но кто же тогда зарезал маленьких ягольников на клюквенном болотце близ Герасимовки?

Директор музея поделилась своей версией. Дети могли стать жертвой кого-то из своих же односельчан, раскулаченных и сосланных, но бежавших с места ссылки и прятавшихся в тавдинских лесах.

— Таких беглых в те годы скрывалось в тайге немало. Без документов, существующие вне закона, они боялись быть обнаруженными властями — уж тогда им и их семьям верная погибель! На схрон такого вот несчастного и могли нечаянно набрести Павлик с Федей. И под страхом того, что об этой встрече дети проболтаются в селе, человек, защищая себя и свою семью, решил пойти на убийство. Признаюсь, я даже предполагаю, кто это был, но никогда не назову его имя. Тогда было слишком страшное время, чтобы мы теперь, с расстояния стольких лет, могли кого-то судить.

Памятью о том, как идеологически вывернутая герасимовская трагедия искалечила судьбы несколькими поколениями и Морозовых, и Силиных, и Кулукановых, Нина Ивановна справедливо считает: нельзя, чтобы еще чья-то фамилия зазвучала в этой связи и чтобы хоть каким-то образом пострадали еще чьи-то потомки.

По той же причине пусть останется не названной по имени фигурантка еще одной версии. Если помните, от своей семьи Трофим ушел к молодой односельчанке. Надо понимать: если Татьяна потеряла, то ее соперница — приобрела. И наверняка разлучнице было трудно смириться с тем, что, едва устроив личную жизнь, она снова осталась одна. А с чьей, как говорится, подачи? Увы,

история знает немало случаев страшной женской мести, жертвами которой оказывались дети...

О любовнице Трофима Морозова известно немного. Вскоре после драматических событий в Герасимовке она уехала из села, больше ее там не видели. Как не видели и самого Трофима, который то ли сгинул в лагерях, то ли, отбыв свой срок, затерялся где-то на российских просторах.

О Татьяне Морозовой, разбитой горем и всесоюзной оглаской ее непомерного материнского горя, позаботилась Надежда Крупская — помогла перебраться в курортный город Алупку, где та и прожила всю оставшуюся жизнь до глубокой старости.

От редакции

Дорогие наши читатели, почитатели и авторы! Наступивший год у нас с вами юбилейный. Любимому журналу «Уральский следопыт» в апреле исполнится 75 лет! Но нам бы не хотелось ограничивать наш праздник одним апрелем – сделаем весь 2010 год годом «Уральского следопыта», и в каждом из 12 номеров журнала вспомним какое-то событие или судьбу из его истории. Эту историко-биографическую летопись «Уральского следопыта» мы начинаем рассказом о его предшественниках: журналах «Всемирный следопыт», «Вокруг света», «Всемирный турист». Это тем более логично, что их «душой» и практическим двигателем был Владимир Алексеевич Попов-Штарк, будущий «крестный отец» и первый редактор «Уральского следопыта».

Очерк о предтечах нашего журнала и иллюстрации к нему редакции любезно предоставил наш автор – известный российский ученый и библиофил из Санкт-Петербурга Игорь Кузьмич Григорьев (см. о нем в предисловии к воспоминаниям В.В. Чекан «Фрагменты биографии» – «УС» 2009. № 8). Очерк «Москва. Большая Дмитровка, 4\2» – это несколько сокращенный текст его воспоминаний «Мое книжное отрочество. (1931–1934)».

Игорь ГРИГОРЬЕВ

МОСКВА. БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА, 4\2

В Москву мы приехали в октябре 1931 г. и поселились в доме Наркомзема. Это огромное здание напротив Дома союзов своим фасадом выходит на Большую Дмитровку (теперь Пушкинская ул.), а противоположный флигель дома смотрит на Театральную площадь сбоку Большого театра. У этого флигеля был и сохранился палисадник, правда, сейчас на две трети заасфальтированный, а в то время полностью покрытый травой и кустами сирени, где мы проводили много времени и зимой, и летом. Вход туда был из двора нашего дома (теперь он заделан).

Получили мы две огромные комнаты в бывшей барской квартире из восьми комнат. Кроме нашей семьи, там было еще пять семей. Одна комната стала папиным кабинетом, во второй обосновалась мама со мной и моим братом (сейчас из этих двух комнат сделано четыре).

В папиной комнате стоял огромный двухтумбовый письменный стол, железная узкая кровать и книжный шкаф, а так как комната была порядка сорока метров, то она казалась пустой.

Это был его первый домашний кабинет и первый книжный шкаф. Хорошо запомнилась на письменном столе пачка типографски отпечатанных карточек из тонкого белого картона для выписок из книг, с определенными местами для различных реквизитов.

Хорошо запомнился и книжный шкаф. Примерно метровой ширины, на шесть полок, глубокий – на два ряда книг. Он весь был забит партийной

литературой. Я не запомнил в нем ни одной иной книги. Отлично помню красные томики Ленина с черными надписями на корешках, красные же, но большого размера выпуски Ленинских сборников, темно-синие большие тома Маркса–Энгельса и огромное количество небольших тетрадей в серых обложках–стенограммы партийных съездов и конференций. Много было также книг, переплетенных по заказу папы (уже в Москве), все в одинаковых переплетах: черный матерчатый корешок и картонные крышки, покрытые коричневой мраморной бумагой. Несколько таких книг дожили у меня до 1960 г., но сейчас их уже нет.

В шкафу находился толстый том большого формата в заказном коленкоревом переплете с золотым тиснением – комплект журнала «Коллективист» за 1932 г., сейчас совершенно ненаходимого. Это был массовый журнал сельскохозяйственных коллективов, выходивший два раза в месяц тиражом 110 тыс. с 1925 по 1933 год. Отец был в 1932 г., наряду с основной работой, ответственным редактором этого журнала, и я уже теперь, просматривая в Публичке эти журналы за 1931–1932 гг., обнаружил 12 его статей, большинство из которых были рефератами.

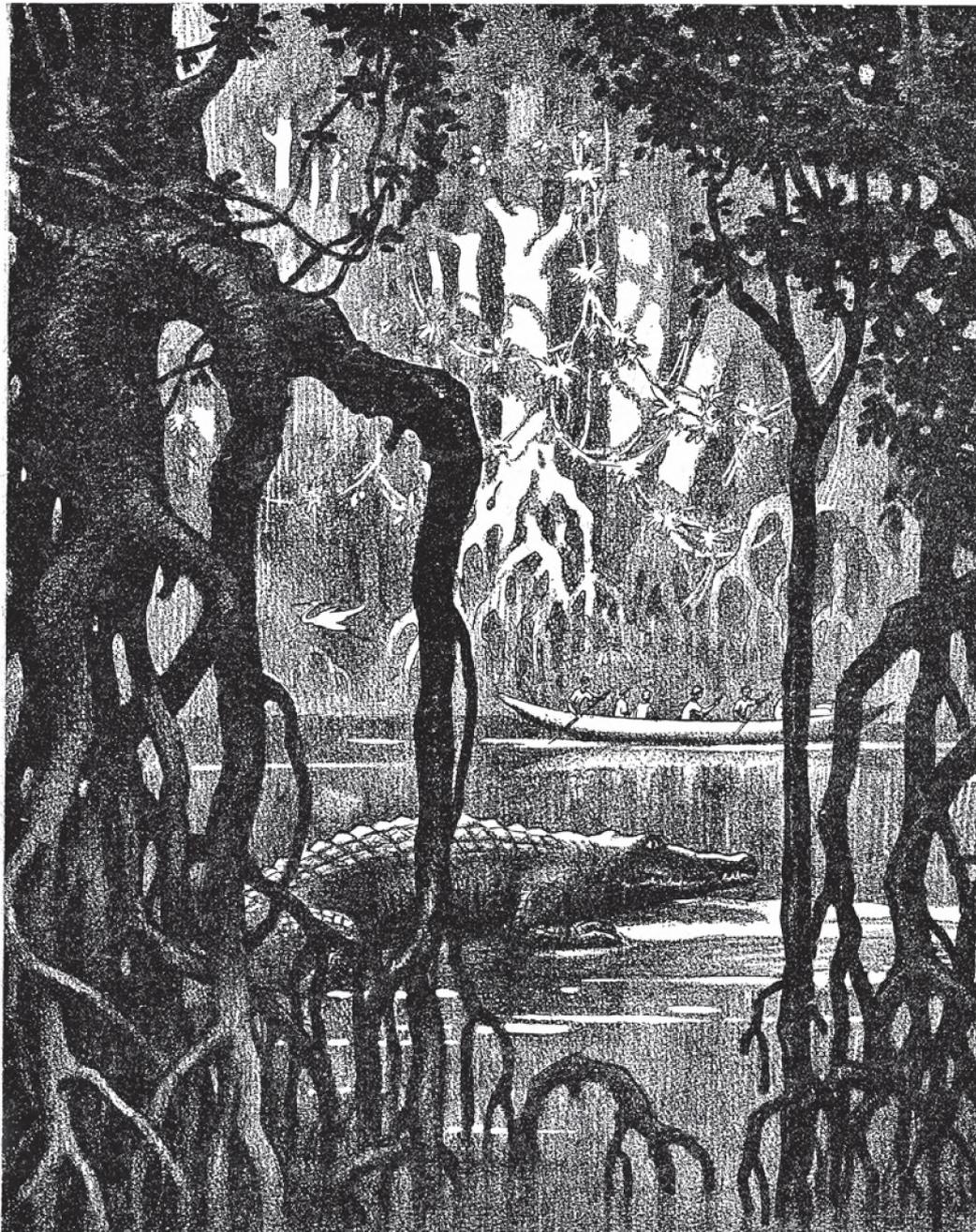
Вся моя жизнь связана с книгой, однако я так и не привык к этому чуду – на меня всегда производит большое впечатление, что мне излагает свои мысли физически давно уже не существующий человек. Значит, он весь не умер. Нет его оболочки, но дух его, главное в нем – его мысль – существует, живет и борется.

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 3

Страж научного дерева. ...Когда лодка исследователя подходила к дереву, ярокдил всегда оказывался рядом ...

Приехав в Москву, я продолжал учебу в третьем классе, а так как я приехал уже после начала учебного года, то в ближайшую школу меня устроить не удалось. Определили в школу за Китайгородской стеной в здании бывшей Славяно-греко-латинской академии (1687 г.), где учился Ломоносов (теперь это улица 25 Октября, дом 9).

В квартире нашей оказалось еще двое детей примерно моего возраста: девочка Ларочка Фадеева и мальчик Володя Рындин, который ходил также в третий класс, но в другую, ближнюю, школу. Мы быстро подружились и устраивали интереснейшие игры в прихожей и коридоре. Чтобы Ларочка быстрее освободилась, мы делали ее уроки, она же их аккуратно переписывала.

Володька оказался интереснейшим товарищем по играм. Отец его во время Гражданской войны был начальником штаба повстанческой армии Южного фронта, и у него дома был наган, малокалиберная винтовка и охотничье ружье. Все это было очень привлекательно, и когда дома никого не было, мы этот арсенал пускали в ход до тех пор, пока наган однажды не выстрелил и пуля не обожгла лоб Володьки, тогда мы немного утихомирились.

Володька был большим любителем аквариумных рыбок. Рыбками заразился и я. Вместе с Володицей мы ходили на Кузнецкий мост в зоомагазин (он существует и сейчас), покупали аквариум, принадлежности: горшочки, кормушки, сачки, водяной градусник, резиновую грушу с распылителем – целое хозяйство.

Магазин располагался в правой части двухэтажного дома, а не доходя до него, в этом же доме, как я узнал позже, помещалась редакция приключенческого журнала «Всемирный следопыт» – детища Владимира Алексеевича Попова. Вывеску этого журнала на доме я уже не застал.

Однажды Володя вызвал меня в коридор и, с таинственным видом сказав, что покажет мне что-то очень интересное, повел меня в туалетную комнату, прикрыл дверь, велел мне следовать, не подойдет ли кто. Сам же, встав на сиденье, полез за бачок и вытащил пакет, завернутый в газету.

Я увидел толстую пачку журналов в ярких, захватывающе-интересных обложках: мексиканец с ружьем в руках, в сомбреро и яркой накидке идет по следу; над тайгой проносится все сокрушающий метеорит; таджик держит отрезанную голову тарика; охотник с луком прицеливается во что-то непонятное; ловцы жемчуга на залитых солнцем лодках; стремительный бег трехмачтового парусника...

Володька прятал эти журналы, так как мыть пригрозила их отобрать; чтение шло в ущерб приготовлению уроков.

Я поклялся, что никто эти журналы не увидит, и унес пачку домой. Это был комплект «Всемирного следопыта» за 1929 год. Так началась моя любовь к этому журналу, продолжающаяся и сейчас. Я всегда покупаю недостающие номера, и журнал, как самая совершенная «машина времени», неизменно совершает чудо – переносит меня в уже очень далекое детство.

Навсегда остались в памяти Михаил Ефимович Зуев-Ордынец с его «Злой землей» и «Сказанием о граде Ново-Китеже»; замечательный талант с трагической судьбой. Сейчас у меня есть целая подборка его книг. Александр Романович Беляев – «Человек-амфибия», «Остров погибших кораблей» и многое другое. Человек тоже с очень драматичной судьбой и неистощимым жизнелюбием. В. Ветов с серией юмористических рассказов «Необычайные приключения Бочонкина и Хвоща», иллюстрированные его другом, чрезвычайно интересным человеком, художником Владимиром Михайловичем

Голицыным. В 1973 г. вышла книжка-альбом «Владимир Голицын. Страницы жизни художника, изобретателя и моряка».

В журнале сотрудничали А. Грин и Саркизов-Серазини, которые тоже занимают немалое место на моих книжных полках и в моих библиофильских поисках.

К этой же плеяде писателей относится замечательный талант – Леонид Васильевич Соловьев с его «Ходжой Насреддином» и «Книгой юности». В те далекие годы он опубликовал несколько рассказов в «Следопыте» и даже получил за один из них премию (1928 г.). В журнале объявлено: 6 «5-я премия (150 рублей) присуждается Леониду Васильевичу Соловьеву (из Коканда), автору киргизского краеведческого рассказа «Джут». Мне удалось подобрать почти все, интересующее меня, из написанного Соловьевым, а «Ходжу Насреддина» я ставлю на полку в каждом новом издании.

В одном из номеров «Вокруг света», который выходил приложением к «Следопыту», встретил я и имя Виктора Андрониковича Мануилова, опубликовавшего рассказ о том, как он блуждал по побережью, заблудившись на пути из Коктебеля в Судак.

В журнале печатал свои очерки «Эпопея Красина» Николай Николаевич Шпанов – участник легендарного похода. В шкафу у меня есть два его толстых тома: «Поджигатели» и «Заговорщики». Поход «Красина» навсегда оставил в памяти имена Умберто Нобиле, Амундсена и Чухновского, а спасательная экспедиция «Следопыта» и опубликованные журналом материалы о Тунгусском метеорите – имя Леонида Алексеевича Кулика и интерес к выдвинутой им проблеме. Материалы этой тематики также систематически попадают в мои книжные шкафы.

Комплекс интересов, посеянных «Следопытом», этим далеко не ограничился. Я ему обязан такими подборками моей библиотеки, как книги Якова Исидоровича Перельмана и выпуски «Занимательной науки», книги Циолковского (прижизненные издания) и книги по космонавтике. Этот давний интерес побудил меня, совместно с В.А. Петрицким, написать работу о корреспонденте Циолковского – Владимире Михайловиче Вишневе, опубликованную в «Чтениях Циолковского».

На обложках журнала «Вокруг света» часто помещались объявления: «Гимнастика Мюллера. Необходимо каждому книги И. Мюллера» или «Гимнастика для всех. Годовой подписчик может получить новое издание сочинений И. Мюллера. 6 книг. Около 800 страниц, свыше 400 рисунков на плотной бумаге за 2 р. 50 к.», и далее следовало перечисление всемирно известных в первой половине двадцатого века книг датчанина И.П. Мюллера: «Моя система» (первое издание в 1904 г., у меня есть советское издание 1937 г.), «Пять минут в день», «Моя книга о воздухе и солнце» и др. Книги Мюллера переиздавались множество раз по всему миру и сыгра-

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

5

Путь Севера

Юбилей

РЕКА ВРЕМЕНИ

ли очень большую роль в воспитании физической культуры. Я всю жизнь занимаюсь только по этой системе и очень неплохо себя чувствую, так же как стараюсь не обращаться к врачам и не принимать лекарства, а пользоваться гигиеническими советами Саркизова-Серазини.

«Следопытом» увлекались все мальчишки моего возраста, и один из них, мой одноклассник Николай

Смирнов, подарил мне издательскую коленкорную крышку для комплекта журналов за 1929 г. – единственное, что сохранилось от московской подборки журнала.

К 1940 году я уже подобрал его комплект за 4 года. Он пропал в блокадные годы. В нашем доме на Литейном было общежитие ребят-ремесленников. Они нашли лазейку в нашу квартиру и перечитали

всю мою юношескую библиотеку, не забываясь, конечно, о возврате книг. Однако я не очень жалею об этом. Эти журналы заражали волей к жизни, и может быть, помогли хоть одному из них сохранить ее.

Журнал «Всемирный следопыт» начал свое существование в 1925 году в Москве, в издательстве ЦК железнодорожников «Гудок». В 1926 г. перешел в Акционерное издательское общество «Земля и Фабрика» («ЗиФ»).

Журнал давал описания разных стран и народов, всевозможные приключения в различных условиях, очерки из истории науки, техники, природы, рассказывал о современных достижениях и мечтал о будущем; в нем находили место беллетристическая география, социальные отношения и социальная борьба, пестрая панорама «людей, времен, наречий, состояний» – и все это читатель получал ежегодно в виде двенадцати одетых в нарядную обложку книжек. Книжек, волнующих, увлекающих, очаровывающих их, зовущих к бодрости и активности, утверждающих культ энергии, воли и самостоятельности, клеймящих моральную и физическую расхлябанность, инертность, мягкотелость.

Приложением к журналу в 1927 году появились «Вокруг света», «Всемирный турист» и «Библиотека следопыта».

«Вокруг света» (не путать с ленинградским изданием) стал также моим любимым журналом детства. И сейчас, при случае, я его тоже ставлю на полку книжного шкафа.

О «Всемирном туристе» и «Библиотеке следопыта» я узнал уже в последние годы, когда встретил их у букинистов.

Журнал «Вокруг света» имел длительную историю. В 1861 году «иждивением книгопродавца М.О. Вольфа» в Санкт-Петербурге начал выходить ежемесячный «журнал земледелия, естественных наук, новейших открытий» под названием «Вокруг света». В 1869 году журнал закрылся. В 1885-м его возобновили в Москве М. и Е. Вернеры, сделав еженедельным. Новый журнал помещал приключенческие романы с продолжением, географические и естествоведческие очерки, знакомил читателя с новостями науки и техники. Журнал пользовался широкой популярностью.

До революции в течение долгих лет редактором издававшегося Сытиным журнала «Вокруг света» был Владимир Алексеевич Попов. Этот многолетний опыт и помог ему создать лучший советский приключенческий журнал «Всемирный следопыт».

Советский «Вокруг света» был того же объема, формата и шрифта заголовка, как и дореволюционный, только без букв «ъ» и «ять». Первый, 1927 год, он выходил ежемесячно. В 1928–1929 гг. – два раза в месяц, в 1930-м – подекадно (36 номеров).

1931 год стал последним годом и для «Всемирного следопыта», и для «Вокруг света». «Всемирный турист» был закрыт еще раньше, в 1930 г.

Ленинградский «Вокруг света» продолжал выходить, был переведен в Москву и в 1961 году отмечал столетие своего существования, так как его предшественником был журнал М.О. Вольфа, и я написал небольшую за метку об истории журнала, опубликованную в 1961 году («Из прошлого «Вокруг света»).

Интересна и малоизвестна дальнейшая история «Всемирного следопыта».

Первые номера 1928 года подписывает, как ответственный редактор, Владимир Иванович Нарбут – директор и основатель издательства «Земля и Фабрика», поэт, брат графика Георгия Нарбута. По воспоминаниям С. Голицына («Альманах библиофила». Вып. 2. 1975) он никогда в редакции не появлялся, подписывать журнал ему носили в кабинет. Попов же в журнале был всем – душой и создателем каждой книжки «Следопыта».

В 1928 г. на посту директора издательства «Земля и Фабрика» В.И. Нарбута сменяет Илья Ионович Ионов.

№ 9 «Следопыта» за 1930 год вышел последний раз с маркой издательства «Земля и Фабрика»; № 10 был уже с маркой Государственного издательства художественной литературы (ОГИЗ). В № 2 была объявлена подписка на 1931 год уже под маркой издательства «Молодая гвардия» и не на 12, а на 36 номеров журнала.

Долгие годы я не встречал «Следопыта» за 1931 год, а сравнительно недавно (в 1976 г.) мне удалось приобрести первые 12 номеров 1931 года. Что это были за номера! Никакого сравнения с выпусками Попова.

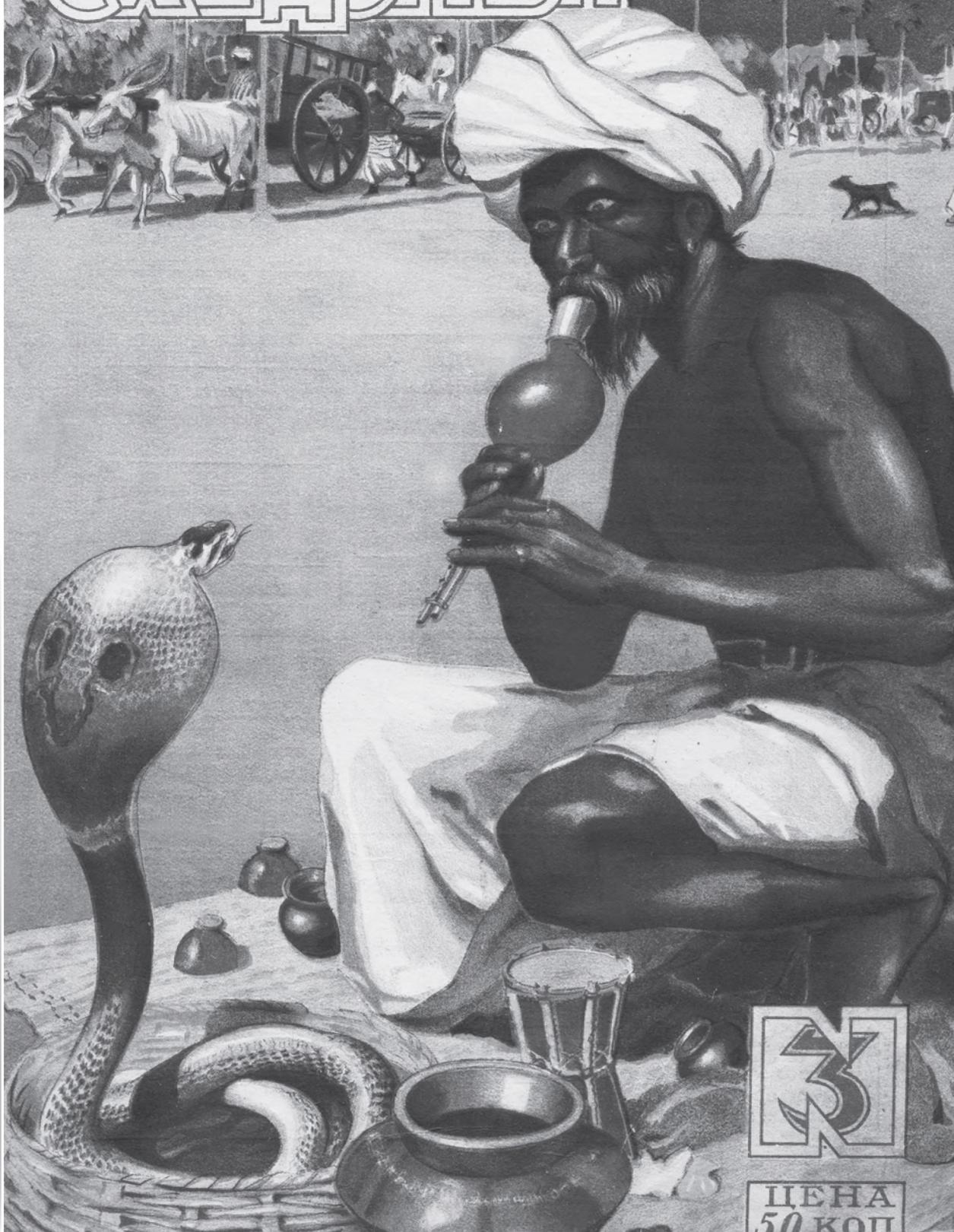
Тоненькие, большого формата, на плохой бумаге, с серыми непривлекательными обложками. Они действительно вышли под маркой «Молодой гвардии» (Москва). И хотя на страницах встречаются знакомые по прошлым выпускам фамилии авторов и художников – обаяние журнала, вместе с ушедшим Поповым, исчезло.

Но на этом злоключения «Следопыта» не закончились. В № 12 появилось объявление, что журнал в дальнейшем будет издаваться в Ленинграде (редакция – Фонтанка, 57) в прежнем виде, т.е. один раз в месяц, в старом формате и объеме. За № 12 «тонкого» должен был выйти № 5 «толстого» журнала.

В 1979 году мне встретился № 6 этого измененного ленинградского выпуска. Журнал ничем не напоминал своих предшественников – притягательная сила журнала исчезла навсегда; исчез и журнал. 1931 год стал его смертным годом.

ЗаклЮчить рассказ о «Всемирном следопыте» мне хочется словами Луначарского из статьи, написанной для этого журнала по случаю его пятилетнего юбилея: «Журнал «Всемирный следопыт» выполняет чрезвычайно важную и ответственную миссию: дает материал для чтения той огромной читательской массе, которая жаждет чтения интересного и поучительного одновременно».

ВЗЕМИРЪИ СЛЕДОПЪИТ

Юбилей

РЕКА ВРЕМЕНИ

ЦЕНА
50 КОП

Михаил ФОНОТОВ
фото Владимира САДЫРИНА

Лиловая щедрость опушек

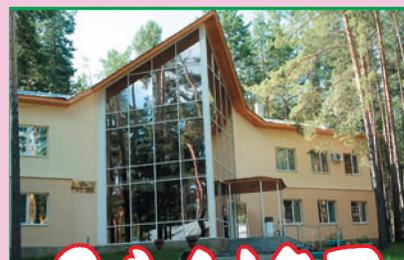
Цветок герани можно выразить диаграммой или формулой. Упрощенная формула – $C_5 S_5 A_{10} G_5$; пять лепестков венчика, пять листиков чашечки, тычинок десять, пестиков пять.

Что касается цвета лепестков, то на формулы он не перекладывается. Ботаники почти уверены в том, что пестрота и яркость венчиков предназначены насекомым, и только им. И если нас, людей, тоже привлекают краски цветов, значит, наши вкусы в большинстве случаев совпадают с предпочтениями бабочек, пчел, ос, жуков, комаров и всяких других мотыльков. Видимо, какое-то очень отдаленное родство нас связывает.

У герани несколько сестер: лесная, луговая, болотная, еще какая-то. Различают их по нескольким признакам, в том числе по цвету венчика. Но, как

я заметил, этот признак обманчив. Создается впечатление, что, какую ни возьми герань, цветы у нее неповторимы. Обычно мы не приглядываемся к герани, осыпавшей опушки и поляны в любом лесу. Но однажды... Я вышел на прогулку в городской бор. Шел отрешенно по тропинке, но что-то заставило остановиться: на меня «смотрел» цветок герани. Я наклонился и увидел его будто бы в увеличительном стекле – лиловые лепестки, выцветающие к центру, темные прожилки на них, белесые железки, едва заметные капилляры... Будто широко раскрытый, реснитчатый глаз, цветок герани смотрел на меня, безмолвно внушая мне одно и то же: успокойся, жизнь продолжается, все будет хорошо...

С тех пор я приглядываюсь к цветам герани, но такого, как тот, не нахожу.

САЛЮТ

база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- Пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть

Тел.: (34374) 25-420, 25-634,

(343) 359-93-89. www.salutupz.ru

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Издательский дом «Уральский следопыт»
представляет журнал

ЗВЕРОБОЙ
ЖУРНАЛ ОБ ОХОТЕ И РЫБАЛКЕ НА УРАЛЕ

Читайте в следующем номере:

Юго - восточные охотничьи угодья на Урале
в последние годы стали богаты косулей.

Охота с гончими издревле считается самым
интереснейшим видом охоты среди других русских охот.

НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

**ЭКОЛОГИЧЕСКИ
ЧИСТЫЙ
РАЙОН**

**МИНЕРАЛЬНАЯ
ВОДА
«КАРАГАЙСКИЙ
БОР»**

**БАССЕЙН
25 м**

САУНА

**ТУРЕЦКАЯ
БАНЯ**

**КОМИССИЯ
ТУР-
АГЕНТСТВАМ
УВЕЛИЧЕНА!**

**ПУТЕВКИ
на декабрь
от 1000 р.
в сутки**

**СТЕПНОЙ
КЛИМАТ +
СОСНОВЫЙ
ВОЗДУХ**

**СУТКИ
от 1600 р.**

**«ЛЮКС»
от 1800 р.**

**принимаем
с банкетом и без**

**ШОУ-ПРОГРАММА
каждый день**

**ПРОКАТ
СПОРТ-
ИНВЕНТАРЯ**

**ТЮБИНГОВАЯ
ТРАССА**

**СКИДКИ
НА ДЕТЕЙ
до 40%**

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(351)

260-25-87
г. Челябинск,
ул. Цвиллинга,
51а, оф. 311

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДКОЛЫМ

www.uralstalker.com

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

С БЕРЕГОВ СИМА

МАНСИ -

АБОРИГЕНЫ УРАЛА

СИМЕОНОВА

ТРОПА

ДЕЛО

ПАВЛИКА МОРОЗОВА

ЗОЛОТЫЕ КОПИ

ЧУДИ

СУДЬБА МОНУМЕНТА

Уральский следопыт, январь 2010

январь
2010 (№631)